

СУММА ПСИХОАНАЛИЗА

Том XVII

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данном томе серии электронных книг «Сумма психоанализа» представлены статьи российских исследователей, опубликованные в конце XX – начале XXI века.

Пользуясь благоприятной возможностью выражаю благодарность А.Е.Иванову за оказанное техническое содействие.

Виктор Овчаренко

СОДЕРЖАНИЕ

Гильбо Е.В.	Психологический смысл рационалистической критики психоанализа	4
Ромек Е.А.	«Терапевтическая валидность» и научная состоятельность психоанализа	10
Гусева С.А.	Современный политический миф: игра по законам архаики	19
Решетников М.М.	Методические вопросы подготовки клинических (медицинских) психологов	23
Харитонов А.Н.	Семейный психоанализ как научно-практическое направление	31
Ромашкевич М.В.	Размышления о докладе Скотта Даулинга «Современные представления о целях психоанализа»	44
Потапова В.А.	Размышления над докладом Кеннета Райша «От объектных отношений к теории отношений: надежда в терапии пар»	49
Кантор А.М.	Советские евреи: психоаналитический очерк	53
Костенко Д.	Теории сексуальной революции	59
Эткинд А.М.	Культ власти - служение смерти (К истории психоанализа в России). (Фрагменты)	66
Эткинд А.М.	Ещё о Л.С.Выготском: забытые тексты и ненайденные контексты	77
Ярошевский М.Г.	Л.С.Выготский – жертва «Оптического обмана»	101
Зимин В.А.	Эдип и Нарцисс: к вопросу о комплементарности конфликта и дефицита	109
Драгунская Л.С.	Маркс, Достоевский, Фрейд: три антропологических проекта	123
Кельнер М.С.	Зигмунд Фрейд – хроникёр	128
Овчаренко В.И.	Вехи жизни Сабины Шпильрейн	145
Эпштейн М.Н.	Эдипов комплекс советской цивилизации или матерные корни материализма	183

Психологический смысл рационалистической критики психоанализа

Е.В.Гильбо

Рассматривая научное познание как деятельность, мы вправе поставить вопрос о мотивах того или иного аспекта научной деятельности. В этой связи интерес представляет рассмотрение психологического смысла научной критики. Можно заметить интересную связь между типом личности ученого и исповедуемым им научным методом, гносеологическими основаниями критики данным ученым альтернативных концепций.

С этих позиций в данной статье рассматривается так называемая рационалистическая критика психоанализа. Представители этого направления обвиняют психоанализ в том, что, во-первых, его основные понятия не верифицируемы операционально, во-вторых, что эти понятия не имеют логически конструктивных определений, в-третьих, что психоаналитическая процедура не отвечает требованиям точной повторяемости результата и точности количественного измерения и т. п. Из всего этого делается вывод, что психоанализ как научный метод не выдерживает критики.

В той или иной форме эти аргументы выдвигаются на протяжении вот уже восьми десятков лет. 80 лет ниспровергают психоанализ, 60 лет говорят о его кризисе, 30 лет — о его закате. При этом психоанализ существует и делает успехи в психотерапии, эстетике, психологии, социологии. Критики никак не могут объяснить этот феномен — существование науки, методология которой не отвечает никаким требованиям «научности».

Для ответа на этот вопрос полезно понять, откуда взялись эти критерии, в чем их смысл, где границы применимости, возможны ли другие критерии и соответствующая им методология. Для этого мы и обратимся к психологии познания.

Широко известна классификация психологических типов, принадлежащая К.Г.Юнгу, по признакам экстраверсии или интроверсии, рационального или иррационального в психике (см.: Юнг К.Г. Психологические типы. М., 1928). При этом среди рациональных типов Юнг выделил интеллектуальный и эмоциональный, а среди иррациональных — интуитивный и сенсорный (сейчас это деление связывается с лево- или правополушарной активностью). Хотя описанные Юнгом типы в чистом виде почти не встречаются и в реальности мы имеем дело, скорее, с их комбинациями, определяющими черты конкретной личности, эта классификация дает интересный аппарат исследования человеческой деятельности и ее мотивов.

Для нас оказывается важным тот факт, что каждый из выделенных Юнгом типов имеет свой способ познавательной деятельности и определяемое им научное мировоззрение. Черты этого мировоззрения неразрывно связаны со свойствами психологического типа. Можно предложить интересную классификацию философских систем с этой точки зрения. Например, идеалистическая ориентация коррелирует с интровертированной психикой, а материалистическая с экстравертированной. Типичными представителями мыслительного типа оказываются Гегель и Витгенштейн (интроверты), а также Аристотель и Маркс (экстраверты), эмоционального — Фейерабенд (экстраверт), а также Сартр, Соловьев, Хайдеггер, Достоевский (интроверты). К сенсорному типу можно отнести экстравертов Эпикура, Гоббса, Гассенди, а также интровертов Беркли и Юма. Джемс и Дьюи оказываются интуитивными экстравертами, а мировоззрение интуитивного интроверта отражает практически вся индийская философия. К сожалению, интересное само по себе рассмотрение этой классификации выходит за рамки статьи.

Какая же модель познания свойственна мыслительному типу? Этот тип абсолютно рационален, характеризуется левополушарным преобладанием, для него характерен примат логики и превыше всего логики. Понять — означает дать определение, познать — значит измерить. Он требует, чтобы все эксперименты были повторяемы, все понятия имели бы четкие конструктивные определения. Этот тип породил гильбертовскую программу абсолютной формализации знания, выполнению которой безуспешно посвятили свои лучшие годы Рассел и Витгенштейн.

Критерий истины для мыслительного экстраверта только один — повторяемый эксперимент. Он признает теорию истинной только тогда, когда можно поставить эксперимент, результат которого эта теория может предсказать, и не существует ни одного эксперимента, который хотя бы один из выводов теории опровергает. Логически непротиворечивую теорию этот тип считает единственно научным видом учения.

Мыслительный интроверт готов игнорировать даже эксперимент, для него главное — красота, формальная строгость и стройность его теории. Когда Гегелю сказали, что многие положения его натурфилософии расходятся с действительностью, он раздраженно заметил: «Тем хуже для действительности».

Мыслительный тип часто склонен игнорировать социальную функцию науки. Для него познание — самоцель; вопроса, зачем нужно добытое им знание, не существует. Предъявляя к теории требования логичности, формальной строгости, он совершенно игнорирует тот факт, что его красивая теория может оказаться непонятной всем остальным, как теория Картана, которая так и осталась бы никому не нужной, если бы не популяризаторы.

Итак, единственный критерий истины — повторяемый эксперимент, единственный предмет науки — то, что в таком эксперименте можно

измерить, единственная функция теории — связывать эти измеряемые величины.

Отличаются ли способы познания у других психологических типов? Возможна ли на их основе формулировка иных критериев научности? Рассмотрим интуитивный тип. Обязательна ли для него формальная строгость? Нет: она только затрудняет понимание теории. Для усвоения понятий этому типу нужно не строгое определение, а объяснение: он усваивает понятие, только сформировав себе наглядный, или бессознательный («интуитивно ясный») образ. Чтобы сопоставить теорию с действительностью, этому типу не нужен чистый эксперимент: только на практике, в деятельности он убеждается в правильности учения.

Для этого типа самое важное — социальная, прагматическая функция знания (которую мыслительный тип склонен игнорировать). Главное не то, как получено знание, а то, для чего оно нужно. При этом экстраверт соотносит знание с социальной практикой, выявляя его объективную ценность, а интроверт видит ценность и в том знании, которое удовлетворяет его духовные, субъективно значимые потребности. Для интуитивного типа совершенно неважно, является ли учение логически непротиворечивым — для него важна не логическая, а ситуативная организация знания. Даже логически строгую теорию он понимает, только приведя ее к такому виду.

Способ познания этого типа разительно отличается от способа познания мыслительного. Если последний ставит эксперимент, накапливает данные, устанавливает логическую связь между ними, то интуитивный тип добывает знание в процессе деятельности из сознательного и бессознательного сопоставления внешней реальности и уже накопленного багажа знаний. Он всегда ищет новое, практически полезное знание и легко расстаётся с прошлыми своими концепциями ради новых, если новые более соответствуют реальности.

Мы не будем подробно останавливаться на сенсорном типе, заметив только, что он — чистый эмпирик и знание для него, скорее, опыт ощущений. Критерий истины — ощущение, ненаглядные понятия им практически не усваиваются. Знание — смесь интуитивных истин, ощущений и мифов. Любое учение, созданное по позитивистским канонам, такому типу чуждо.

Что же касается эмоционального типа, то он характеризуется преобладанием правополушарной деятельности, но при рациональной установке сознания. Этот тип схож с интуитивным в том, что воспринимает знание, организованное не логически, но ситуативно, для него важна прагматическая ценность знания. Ученых эмоционального и мыслительного типов сближает установка на рациональное объяснение всего на свете, убежденность во всемогуществе разума. Основным критерием истины для эмоционального типа — практика и эксперимент как частный случай практики. Но вообще говоря, этот тип видит в эксперименте не формальную процедуру, но деятельность экспериментатора.

Эмоциональный тип способен видеть логическую структуру теории, он вполне готов принять требование формальной строгости и непротиворечивости, но этот тип отнюдь не абсолютизирует метод познания. Для него метод определяется предметом исследования, а предметом может быть любое явление. Им движет бессознательное убеждение, что чем интереснее знание, тем оно социально ценнее, и наоборот. (Что, впрочем, в определенной мере соответствует действительности, так как «интересность» знания — осознание человеком его значимости для себя.) Поэтому представители этого типа чаще всего блестящие лекторы и талантливые популяризаторы, чего не скажешь о представителях мыслительного.

Мышление и познание у этого типа всегда поддержаны эмоциями, интуиция столь же ценна, как и логика, выводы он способен делать не только из однозначно толкуемых экспериментов, но и из анализа неоднозначных ситуаций. Какие-либо ограничения на способ изложения знания отсутствуют. Это может быть логическая теория, но можно изложить результат в форме мифа, который в символической форме отражает реальную практику.

Возвращаясь к поставленному в начале статьи вопросу о психологическом смысле научной критики и учитывая вышеизложенное, мы можем интерпретировать «рационалистическую» критику психоанализа как спор между мыслительным и эмоциональным типами. Рассматривать его следует в общем контексте наступления интеллектуального типа в науке в XIX—XX вв. и причин успеха этого наступления.

Для этого мы должны обратиться к чертам способа деятельности, свойственного мыслительному типу.

По Юнгу, этот тип стремится ставить свою жизнь в зависимость от разума, найти для себя некоторую формулу, объясняющую мир. При этом интроверт стремится только объяснить себе мир, а экстраверт считает, что дело заключается в том, чтобы переделать его. Основой психики такого типа является фиксация на некоторой формуле, которая становится чем-то типа абсолютной истины, идеей фикс. Мыслительный тип склонен отождествлять в бессознательном себя и свое кредо. Тогда всякая оппозиция к формуле воспринимается как личная агрессия с соответствующим ответным поведением. Любого критика такой тип старается не убедить в своей правоте, но уничтожить, разгромить, дискредитировать. Дискуссия из научного спора переходит в область личных наветов. Догма заменяет всякое более общее и потому менее определенное мировоззрение. Отказ от догмы невозможен, и, если есть основания сомневаться в идее, эти сомнения вытесняются в бессознательное. Реакцией на возникающее двоемыслие, защитой от этих сомнений становится фанатическая приверженность догме.

Поэтому мыслительный тип изначально агрессивен, авторитарен, стремится к монополии. Победа его идеи равносильна для него личному самоутверждению, и он стремится к господству этой идеи любой ценой.

Достигая административной власти, этот тип стремится подавить все иные взгляды, идеи, мировоззрения. И конечно, свой способ познания он склонен считать единственно научным методом.

Эта агрессивность, отнюдь не присущая другим типам, стала в XVIII— XX вв. основой социальной успешности мыслительного типа, в том числе и в науке. Особенно это проявляется в условиях, когда структура научного сообщества и другие социальные структуры создаются представителями этого типа монопольно «под себя». Типичным примером здесь может служить организация науки в СССР и история этой науки.

С середины XX в. излишняя агрессивность представителей мыслительного типа стала вызывать реакцию со стороны представителей других типов, выразившуюся в резкой критике позитивизма. Тем не менее позиции этого типа в области методологии науки остались господствующими и попытка Фейерабенда поколебать их закончилась неудачей.

В СССР свойственная этому типу методология приобрела законченные формы догмы под названием диалектического материализма. Стоявшие на страже этой методологии «философы» громили все учения, хоть немного в прокрустово ложе этой догматики не укладывающиеся.

Итак, психологический смысл рационалистической критики психоанализа — борьба мыслительного типа за ограничения предмета и метода научного исследования исключительно доступными ему методом и предметом исследования. Тогда становится ясно, почему в Европе, где в науке существовала монополия государственных учреждений, фрейдизм привился гораздо позже, чем в США, где система частного финансирования и фондов гарантировала свободу и плюрализм научного поиска. В СССР, где монополизация научной истины и огосударствление науки были доведены до абсурда, психоанализ не смог утвердиться до сих пор.

С этой точки зрения становятся понятны и все аргументы критиков психоанализа, и все их нечистоплотные выпады и обвинения. Становится понятным, почему в СССР труды Фрейда и Юнга оказались на спецхране, а вокруг их имен был создан эмоциональный фон почти неаргументированной неприязни. Понятно и то, что в этих условиях для представителей мыслительного типа органическим оказывается не научный спор со сторонниками психоанализа, но идеологическая война с ними.

С другой стороны, в связи с произошедшими в последнее время в нашей стране социальными изменениями, которые благотворно отразились на раскрепощении мысли представителей научного сообщества, все яснее становится то, что ограничивая область изучаемых явлений только теми, которые проявляются в повторяемых экспериментах, ограничивая какими-либо критериями «научности» методы познания, мы обрекаем науку на застой, особенно в тех областях, где огромную роль играют субъективные феномены, проявляющиеся в процессе деятельности людей. Без учета этих феноменов мы не сможем достичь реального прогресса в психологии,

социологии, педагогике. Основываясь на исключительно рациональных методах, мы не сможем преодолеть застой в этих науках.

Поэтому сейчас существует реальная потребность в альтернативе чисто рациональному познанию, существует необходимость найти для гуманитарного знания адекватный метод. Автор этой статьи придерживается того мнения, что такой альтернативой (впрочем, не единственной) мог бы стать психоанализ — метод анализа субъективных феноменов, основанный на познавательных особенностях эмоционального психологического типа.

Если мы согласимся с мнением, что предметом научного исследования может быть все, что так или иначе существует, а метод диктуется предметом исследования и нашими возможностями этот предмет познать, то такой вывод покажется совершенно естественным. Не правда ли?

С сайта Е.В.Гильбо, 1988.

«Терапевтическая валидность»
и
научная состоятельность психоанализа

Е.А.Ромек

Обсуждение различных форм и направлений психологического консультирования, во всяком случае, если оно ведется честно и ответственно, предполагает обращение к ключевой проблеме эффективности психологической (психотерапевтической) помощи. В самом деле, как, по каким критериям, можно судить о позитивном разрешении проблемы клиента - в чем бы она ни состояла - а, следовательно, и о действенности примененной техники? Чем может и чем должен руководствоваться при этом психолог - словесным отчетом клиента, "объективным" улучшением его ситуации или "субъективным" изменением его отношения к ней, а может быть "физиологическими" критериями, скажем, исчезновением соматических симптомов?

К сожалению, ответы на эти вопросы часто определяются не теоретическими доводами, а весьма расплывчатыми представлениями о норме и патологии, причинах психологических и невротических расстройств, допотопными объяснительными схемами (1), а то и вовсе конъюнктурными соображениями (2).

В этой связи мне кажется чрезвычайно важным привлечь внимание к весьма распространенной иллюзии, источником которой служит позитивистское преклонение перед "Его Величеством Фактом". Иллюзия, которую известный французский математик и науковед Р. Том назвал "мифом эпистимологов" (9, 106), заключается в уверенности, что теоретическая проблема может быть разрешена чисто эмпирическим путем, т.е. сбором и количественной оценкой фактов. Ниже на примере психоанализа будет показана принципиальная недостаточность количественных методов для решения проблемы эффективности психологической помощи (психотерапии). В мои намерения вовсе не входит бросать кому-либо вызов и, тем более, оспаривать полезность и необходимость эмпирических методов. Однако эти методы не могут заменить "теоретического усилия мысли", роль и значение которого в современной науке вообще и в психологии в частности неоправданно принижается. "Античная традиция требовала "спасать феномены" от неумеренных спекулятивных appetitов физиков. В наше время, скорее, надо спасать мысль от вызывающей авторитарности эксперимента", - пишет Р.Том (9, 114).

Мне представляется, что его озабоченность имеет непосредственное отношение к психотерапии...

(1) Исторический анализ этой проблемы содержится в М.Фуко - "Истории безумия в классическую эпоху", Спб: Университетская книга, 1997, "Рождении клиники", М.: Смысл, 1998, "Заботе о себе", Киев-Москва: Дух и Литера, 1998. Ее современное состояние представлено, например, в Л. Шерток . Непознанное в психике человека. М., 1982, с.152-162, Братусь Б.С. Аномалии личности.М., 1988, Подборке Психотерапевтические исследования (статьи Х. Кэхеле, Л. и Э. Люборски, У. Хентшеля и др.) в Иностранной психологии, 1996, № 7. ([назад](#))

(2) А именно борьбой медицинского и психологического цехов за право заниматься психотерапией. В большинстве западных стран компромисс давно найден: право психологов практиковать в психотерапии признано, равно как и обязанность медиков пройти курс специальной и весьма длительной психологической подготовки, если они претендуют на психотерапевтическую практику. См. об этом, например: Е. Мариско. О положении практических психологов в Германии. Иностранная психология № 7, 1996.

Что же касается России, то она и в психотерапии идет своим "специфическим" путем: согласно Приказу Министерства здравоохранения и медицинской промышленности Российской Федерации № 294 от 30.10.95 г."О психиатрической и психотерапевтической помощи" право психотерапевтической практики обладают исключительно "лица с высшим медицинским образованием", программа которого, между прочим, предполагает считанные часы психологии, и прошедшие дополнительную подготовку на факультетах послевузовского образования опять же медицинских учебных заведений (по совместительству своими силами готовящих еще и медицинских психологов). Зато врач психотерапевт (он же психиатр) наделяется прерогативой "принятия решения об оказании психиатрической помощи в недобровольном порядке"(sic!) - главной функцией советской "психотерапии", перед лицом которой психология обнаруживает свою совершенную избыточность...

* * *

Обсуждение специфики терапевтического воздействия и критериев эффективности психоанализа развернулось фактически еще до официального рождения течения (это центральная тема "Очерков истерии" Брейера и Фрейда (1895 г.) и не прекращалось на протяжении всей его столетней истории. Однако в отдельные периоды оно приобретало особенно интенсивный, а часто и плодотворный, проясняющий суть дела, характер. Таким был полемический всплеск 50-60-ых гг. XX в. К числу его стимулов без сомнения относятся соперничество с бихевиоризмом, отстаивавшим позитивистский канон научности (сводимость любого научного суждения к "объективному" эмпирическому факту и отказ от понятий, не допускающих такой редукции), скачкообразный рост числа терапевтических направлений и их прогрессирующая дивергенция, противоречие между дисциплинарным

обособлением психотерапии и ее проникновением в медицинскую систему западных стран, обострившее застарелый конфликт "психиатров-органицистов" и психоаналитиков, возрастающие успехи и популярность структурной лингвистики, философской герменевтики (с начала 60-ых г.г.).

В результате продуктивной интернациональной дискуссии обозначились несколько концепций терапевтической специфики психоанализа и шире - психотерапии, тяготеющих к двум полюсам - "научному" - в позитивистском понимании, и феноменолого-герменевтическому. Мы рассмотрим "научный", а точнее эмпирицистский подход к обоснованию психоанализа, который оформился в середине XX столетия и по сей день остается господствующим в США и Великобритании.

Итак, самое простое решение проблемы состоит, как кажется, в том, чтобы, руководствуясь традиционными методами, принятыми на вооружение еще немецкими отцами-основателями психологии (3), эмпирически обосновать научность и терапевтическую эффективность психоанализа. По этому пути исследователи пошли с начала 50-ых годов. К числу наиболее известных сторонников указанного подхода принадлежат Д. Малан, Л. Люборски, Дж. Франк, Х. Страпп и др. Эмпирическое обоснование психоанализа разворачивалось по нескольким направлениям: во-первых на основании все более строгой методологии (с применением контрольных групп, тестированием до и после лечебного курса, учетом катамнеза и т.д.) оценивались результаты лечения; во-вторых, определялись рамки применения психоанализа (кому и в каких случаях подходит), и, наконец, проводились исследования механизмов и процесса лечения.

(3) Напомним, что идея психолонгии как новой научной дисциплины состояла именно в экспериментальном изучении психических процессов. Однако отличие этих последних от процессов физиологических давалось первым психологам (как впрочем и многим современным) с большим трудом. Безусловным исключением был В. Вундт, обладавший, приобретенным надо полагать,- во время учебы и работы в лучших университетах Германии - иммунитетом против физиологического редуционизма.

Первое направление имело скорее прагматическую, чем теоретическую, цель - доказать научную состоятельность психоанализа, представителям конкурирующих областей здравоохранения, страховым обществам, финансирующим лечение, контролирующим инстанциям и т. д. Этим объясняется его узость, ставшая предметом насмешек и острой критики со стороны собратьев по цеху (4).

Справедливости ради, следует заметить, что утонченные доводы психоаналитического умницы а la Лакан вряд ли показались бы убедительными чиновникам медицинского департамента или страхового общества (скорее спровоцировали бы раздражение, а то и бешенство) - им нужны были совсем другие - простые, поддающиеся контролю и измерению аргументы: процент вылеченных, расчет необходимого времени терапии с

непременным обоснованием последнего (через сколько сеансов в среднем происходит перенос и как его объективно зафиксировать) и т. д. и т. п.

(4) Как следует из Семинаров Ж.Лакана, сторонников указанного направления среди французских психоаналитиков было принято именовать зубными врачами, словечком, запущенным в широкий оборот, вероятно, самим же Лаканом. Первым "антизубоврачебным" манифестом французской группы стал доклад Лакана, прочитанный в рамках Римского конгресса 1953 г.

Однако очень скоро обнаружилось, что несмотря на значительное число и возрастающую аккуратность количественных исследований, их результаты противоречивы, и следовательно, в соответствии с принятым каноном науки бездоказательны. Вот лишь один "хрестоматийный" пример: опираясь на эмпирические данные, противник психотерапии Х. Айзенк (1975), утверждал, что "60 % больных неврозом полностью излечиваются без всякого лечения или испытывают спонтанное улучшение спустя два года. Напротив, Гласс (Smith, Glass, 1977)... пришел к заключению, что шансы на улучшение у больных, проходящих психотерапевтическое лечение, на 75 % выше, чем у контрольной группы..." (10, 154).

С другой стороны, "мы столкнулись с кажущимся парадоксом, - пишет, убежденный сторонник количественных методов декан отделения психотерапии Ульмского университета Х. Кэхеле, - несмотря на преобладающие и несомненно впечатляющие данные об эффективности наиболее распространенных форм психотерапии встают все новые вопросы и раздаются критические высказывания о том, что все эти многочисленные исследования результатов оставляют желать лучшего понимания терапевтических механизмов. Например, Клаус Граве (Grawe 1988) писал: "Только игнорирующий результаты психотерапевтических исследований может быть субъективно убежден в том, что сам знает, что именно нужно его пациентам" (5, 6).

Но это означает, что целой армией ученых мужей на протяжении десятилетий было верифицировано "то, не знаю что"... Самое смешное, что главных радетелей "конкретности авторитетов от медицины и чиновников различных "контролирующих инстанций", это ничуть не смутило: "психотерапия по праву стала неотъемлемой частью медицинской системы"(5, 6).

Собственно в виду этих концептуальных трудностей и были предприняты исследования в двух других направлениях. Однако и эмпирическое определение границ применимости психоанализа (как и других школ психотерапии), и тем более - изучение "терапевтического процесса" и "механизмов" есть не что иное, как попытка количественными методами решить сугубо теоретическую задачу, а именно понять, что представляет собой психотерапия, и как она лечит.

Одним из наиболее успешных опытов такого рода считается методика выявления центральной конфликтной темы взаимоотношений (CCRT, 1976)

Лестера Люборски. Идея Люборски состояла в формализации - сведению к некоторому числу и описанию - шагов и компонентов, ведущих к обнаружению и фиксации переноса. В течение некоторого времени автор наблюдал методом интроспекции за собственными действиями во время терапевтических сеансов. "Сначала он заметил, что обращает внимание на рассказы пациента о терапевте и других людях. Особенное впечатление на него произвели те рассказы, которые время от времени повторялись. В каждом рассказе были отчетливо видны три компонента: чего пациент хотел от других людей, как реагировали другие люди и как пациент отвечал на их реакции" (8, 20). Перечисленные компоненты - желание пациента, реакции значимых для него персон и его ответные реакции - и составляют, по Люборски, паттерн ССРТ.

Проблема однако в том - и у невротиков она всегда одна и та же, - что пациент не говорит прямо о своих желаниях равно, как и о прочих элементах собственного патогенного конфликта. Стало быть, не только значимость (отношение к ССРТ), но и модальность его высказываний устанавливается аналитиком. Мы оказываемся, таким образом, на минном поле субъективности, причем не какой-нибудь относительной - обусловленной "культурными", "историческими" и т. п. факторами, столь любимыми остроумцами от постмодернизма, а самой что ни на есть абсолютной - "дурной", по выражению Гегеля. В методике Люборски видимость объективности достигается традиционным для эмпиризма способом - обобщением наблюдений и соответствующих им формулировок некоторого множества экспертов. Последним предлагается отметить в ходе просмотра видеозаписи аналитических сеансов одного и того же пациента "эпизоды взаимоотношений", в которых проявились "категории" ССРТ, затем количественные показатели сравниваются и определяется "надежность" методики. При этом предполагается, что, если мнения 7 из 10 экспертов схожи, то они перестают быть субъективными, приобретают статус объективности. Словом, 5 экспертов могут ошибаться, а семь - тем более 10 - никогда.

Ахиллесову пяту подобного способа аргументации обнаружил еще европейский рационализм XVII - XVIII в.: "...как бы многочисленны ни были примеры, подтверждающие какую-нибудь общую истину, их недостаточно, чтобы установить всеобщую необходимость этой самой истины", - писал Лейбниц в "Новых опытах о человеческом разуме" (7, 265). Эта недостаточность - следствие принципиальной неполноты опыта. "Из того, что нечто произошло, не следует, что оно всегда будет происходить таким же образом" (там же, с. 267).

Позже, в 30-ых г.г. XX в., выступив с критикой неопозитивизма, К. Р. Поппер указал на тавтологический характер эмпирической верификации. В самом деле, в опыте исследователь, как, впрочем, и любой человек, сталкивается с бесчисленным количеством фактов. Какие из них оказываются в поле его внимания, или, если угодно, интроспективного наблюдения? Вопрос - стоит его задать - риторический. Конечно, те, которые

вписываются в предварительное представление о предмете наблюдения. И хорошо еще, если это представление осознанно и не принадлежит к разряду ходячих истин в последней инстанции. Но и тогда, "мы можем извлечь из нашего опыта лишь то, что мы сами вложили в него в виде теорий", - замечает Поппер. Что же удивительного в том, что семь из десяти экспертов, сторонников одной и той же "трансферной" версии психоанализа зафиксировали в своих наблюдениях то же, что д-р Люборски - материал (три компонента) для последующей интерпретации конфликта пациента по схеме эдипова комплекса?

"Теперь вы достаточно знакомы с материалами сессии, чтобы увидеть, что терапевт указывает на главную тему в сессии: чувство протеста по отношению к терапевту было таким же, как чувство по отношению к отцу и невесте. Именно после этой сессии фобия заметно ослабла. Терапия окончилась, как и планировалось, после 24-ой сессии, и катамнестические данные свидетельствуют, что фобия не нарушала больше жизнедеятельности пациента" (8, 22).

При чтении таких победных реляций невольно приходит на ум крамольная (юнговская) мысль о том, что тот или иной вид психотерапии обладает эффективностью прежде всего в отношении практикующего его терапевта. "Все в полном порядке: перенос выявлен в надлежащие сроки, эдипова фиксация обнаружена, пациент ее осознал и тут же, как и положено, выздоровел. Мы, господа эксперты, на верном пути, прочь сомнения. В нашей теории все в порядке." Для полноты картины не хватает лишь магнетических пассивов.

Итак, методика Л. Люборски равно, как и множество других подобных ей, во-первых, тавтологична, т.е. не дает нового знания, и годится только на то, чтобы показать, как в три последовательных шага свести любой конкретный случай к заданному паттерну патогенного конфликта по принципу детского puzzle' а - найти подходящие по цвету и форме фрагменты. Это, без сомнения, открывает соблазнительную перспективу конвейерного производства в психоанализе: "В настоящее время, - пишет автор, - разрабатывается подход к применению ССРТ в психиатрической клинике. ... Цель такого формулирования центральных конфликтов пациента - помочь персоналу (Sic! Курсив мой. - Е. Р.) выработать терапевтически более полезную ответную реакцию на поведение пациентов, которую смогла бы воспроизводить большая часть сотрудников" (8, 25). Только вот "конкретный случай", а точнее - пациент, стоящий за ним, вовлекается в это замечательно сплоченное действие лишь в качестве типичного примера его эффективности. Гегель называл такой способ отношения к предмету - внешней рефлексией в том смысле, что единичное, признаваемое ничтожным, определяется ею извне - исходя из общего, правила, принципа, закона (2, 24), и с необходимостью ускользает от классифицирующего рассудка, остается за рамками его дефиниций.

Во- вторых, рассмотренная методика бездоказательна в виду обстоятельства, на которое указал еще почтенный доктор Лейбниц, -

суждения, полученные путем эмпирической индукции, не обладают достоинством аподиктичности, или попросту - могут быть опровергнуты одним единственным контрпримером. Достаточно одного пациента, состояние которого после "осознания" выявленного с помощью CCRT патогенного конфликта осталось без изменений или, не дай бог, ухудшилось, и в соответствии с позитивистскими правилами игры, психоанализ можно объявлять "метафизикой" чистейшей воды. Впрочем, речь идет о противоречии с принятыми данным подходом позитивистскими критериями научности, и это еще не самое страшное: ограниченность принципа верификации была - и не раз - продемонстрирована учеными самых разных направлений.

Взять хотя бы Поппера, писавшего, что поскольку законы природы, за редким исключением, несводимы к утверждениям наблюдения, процедура верификации устраняет из положительной науки не только "метафизические" положения, но и самые, что ни на есть, естественнонаучные. Обращаясь к истории науки Поппер показал, что развитие научных теорий совершается и доказывается иначе.

Гораздо большую опасность для психоанализа как научной дисциплины представляет "статистическая видимость" надежности поточных технологий, опирающаяся на значительное число примеров чудесного выздоровления пациентов после применения, скажем, метода выявления CCRT или метода рамок (Teller & Dahl, 1981) или структурного анализа социального поведения (SASB, Binder & Strupp, 1981) или конфигурационного анализа (M. Horowitz, 1979) и т. д. и т. п. Чтобы понять, почему, достаточно вспомнить финал широко известной истории Анны О. - юной пациентки Брейера, которой психоанализ обязан столь многим, включая факт собственного рождения... После почти двухгодичного и весьма успешного лечения только что открытым "катартическим" методом (идеальный вариант: случай рождает метод) Брейер решил прервать лечение. Пациентка "не смогла перенести разрыва и в тот самый день, когда узнала о нем, пережила сильнейший криз, символизировавший роды в конце мнимой беременности, не замеченной ее врачом" (11, 160). Потрясение Брейера было так велико, что в течение длительного времени он вообще отказывался заниматься истерией (11, 161). Реакция Брейера, как и огромное впечатление, оказанное этой историей на молодого Фрейда, в большей мере были спровоцированы ее эротическим подтекстом. Позже, когда подтекст удалось "нейтрализовать" с помощью понятия переноса, на первый план выдвинулась главная и весьма типичная проблема: исчезновение симптомов пациента часто не означает выздоровления. В провоцирующей ситуации, или просто спустя некоторое время вместо пропавших симптомов появляются другие и это значит, как в случае с Анной О., что патогенное противоречие не разрешено, или не разрешимо. "Выгода от болезни", бессознательно получаемая благодаря простому на первый взгляд психоневрозу, может привести к тому, что последний не будет поддаваться лечению никаким методом", - пишет Э. Гловер (3, 21). Именно эта ситуация и стала предметом

размышлений Фрейда в его зрелой работе "Анализ конечный и бесконечный". Ясно, что ориентация на количественно выраженную "терапевтическую эффективность" подталкивает исследователей к вынесению этой объективной трудности за скобки. Другими словами, выдающиеся статистические показатели "валидности" той или иной техники могут быть получены, если следовать аналитическому *ordo cognoscendi* Декарта, требующему делить исследуемый вопрос на максимально простые элементы (симптомы и соответствующие им "катамнезы"), и забыть о синтетическом *ordo essendi*, ведущем от простых элементов, к познанию сложного и предполагающему "порядок даже там, где объекты мышления не даны в их естественной связи" (4, 124).

Кроме того, в психотерапии, как и в медицине, образовании и многих других областях, положительный результат сам по себе - еще не доказательство эффективности метода. Невротический симптом может исчезнуть в результате внушения, которое, по определению Лакана, есть не что иное, как замена "своего Я" пациента "своим Я" психотерапевта. Безотносительно к пониманию сущности и функций инстанции Я (5), а также "техники" внушения, такая подмена не ведет ни к постижению, ни к разрешению внутреннего конфликта. Способствуя более глубокому его вытеснению (одной из форм которого и является исчезновение симптома), внушение порождает лишь стойкую зависимость от (псевдо)терапии.

Итак, мы вынуждены признать, что "традиционные", а именно соответствующие позитивистскому канону доказательства эффективности, и шире - научности психоанализа, сослужили последнему плохую службу. Стоит лишь на мгновение остановить бег по поверхности количественных показателей и углубиться в их значение, способы получения и т.д., как тут же обнаруживается их "метафизическая" (причем в обоих смыслах: "не сводимая к эмпирическому факту"- в позитивистской перспективе, и "рассудочная", "формально-логическая", "пустая" - в перспективе диалектической) подкладка. Никакие "критерии аналитической проверки - ни верификация, ни фальсификация, ни гипотетико-дедуктивный вывод - к психоанализу не приложимы"- пишет Н. Автономова. (1, 62).

Это действительно так с одной весьма существенной оговоркой: дело тут не в какой-то таинственной специфике психоанализа, как, кажется, полагает автор приведенного суждения, и даже не в "критериях счета" самих по себе, а в принципиальной ограниченности внешней (рассудочной) рефлексии, от которой "самое главное" всегда ускользает. Чтобы "потрясти" позитивиста (6) не обязательно быть психоаналитиком, достаточно претендовать на конкретное изучение целостного предмета, в рамках любой научной дисциплины.

(5) В современном психоанализе соперничают две концепции Ego. Первая восходит к работе А. Фрейд "Психология "Я" и защитные механизмы", в которой Ego рассматривается как своего рода "психическая корка" Ид, орган адаптации. Задача терапии видится сторонникам этой концепции в укреплении Ego. Вдохновительницей другого подхода стала М.

Кляйн, изучавшая патогенные фиксации на доэдиповых стадиях детского развития. Отправляясь от этих исследований, с одной стороны, и фрейдовских работ, посвященных нарциссизму, с другой, Лакан трактует Его в качестве исключительно "воображаемой" функции, своего рода иллюзии восприятия, преодолеть которую помогает психоанализ.

(6) В ходе обзора споров о научности психоанализа Н. Автономова делает следующее замечание: "Однако психоанализ - потрясение не только для позитивиста, но и для феноменолога"(1, 62)

Литература

1. Автономова Н. К спорам о научности психоанализа. Вопросы философии. № 4, 1991, с. 58-76.
2. Гегель. Наука логики. Т. 2. М., 1971.
3. Гловер Э. Фрейд или Юнг. СПб., 1999.
4. Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950.
5. Кэхеле Х., Казански А. Психотерапевтические исследования. Предисловие. Иностранная психология. №7, 1996. С.5-9.
6. Лакан Ж. Семинары. Книга II: "Я" в теории Фрейда и в технике психоанализа. (1954/55). М., 1999.
7. Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разуме. В кн. Антология мировой философии. Т. 2. М., 1969.
8. Люборски Л. Люборски Э. Объективные методы измерения переноса. Иностранная психология, № 7, 1996. С.19-30.
9. Том Р. Экспериментальный метод: миф эпистемологов (и ученых?). Вопросы философии, 1992, № 6, с.106-115.
10. Шерток Л. Непознанное а психике человека. М., 1982. 11. Шерток Л. Р. де Соссюр. Рождение психоаналитика. М., 1991.

***Психологическое консультирование: проблемы, методы, техники.
Ростов-на-Дону, изд-во ЮРГИ, 2000, с.79-88***

Современный политический миф: игра по законам архаики

С.А.Гусева

Не ставя перед собой задачу рассмотреть весь спектр психоаналитических трактовок политики и власти, остановимся подробно на анализе современных политических мифов как достаточно показательной области в отношениях «человек - авторитет» («масса - власть»). Нельзя не согласиться с рядом положений, касающихся психоаналитической трактовки власти, а именно, что «политическая власть - это желание массы по отношению к некой структуре (или фигуре) встать в положение ребенка, опекаемого и защищаемого», что «власть - это регрессивное отношение», что «политическая масса объединена энергетикой аутоагрессии, выплескиваемой вовне» и даже с такими оригинальными пассажами, что «политика есть форма отреагирования массой эдипального комплекса», а «политик есть фигура с гипертрофированной латентной женственностью (гомозротизмом) и развитым материнским комплексом».

Нас же, прежде всего, будет интересовать общая методология в образовании политических мифов и политических текстов. Здесь мы видим ту же опору на архаику, на исследование архетипических образов и попытку их эксплуатации. При изучении наиболее значительных политических партий России становится ясно, что практически во всех программных документах наличествуют элементы архаики. Поэтому изучение основных мифологических образов, используемых политическими партиями и их лидерами, дает возможность не только выявить наиболее предпочтительные для массового сознания политические партии, но и определить вероятные тенденции в развитии массового сознания общества.

Программы политических лидеров построены по классическим канонам мифологического мышления, включающим следующую структуру:

эсхатологическое запугивание масс в программах партий и лидеров, предъявление массам персонифицированного «образа врага» как объяснительной модели трудностей и повода для снятия ответственности персонифицированный «образ героя»,

использование архаической символики (трансформированные образы отца и матери, образ самости в виде образов государства, родины и т.п.),

апелляция к прошлому как к «золотому веку».

Воспользуемся в качестве иллюстрации проведенным Н. Н. Фирсовым блестящим исследованием текстов программных документов основных политических партий России, занимающих ведущие (по состоянию на 1994 год) позиции на политической арене («Выбор России», ЛДПР, КПРФ, АПР).

Так, например, во всех программных документах присутствуют эсхатологические фрагменты, рисующие картины разрухи, кризиса, потрясений, вплоть до апокалиптических. Особенно это заметно в программных заявлениях КПРФ и Аграрной партии, как партий активной оппозиции, стремящихся к власти: «Так называемые реформы фактически

проводятся во имя обогащения коррумпированных чиновников и спекулянтов. В обществе нарастают социальное расслоение и антагонизмы. Поощряются низменные инстинкты, моральное растрепание молодежи, растет преступность. Происходит гниение общественной жизни. Под угрозой оказалось само существование отечественной государственности, экономической и политической независимости и целостности страны».

Рисуются образы могущественного, весьма коварного врага. При этом «образ врага также выполняет компенсаторную функцию, консолидируя общность «мы» для решения какой-либо проблемы. Ведь именно с образом врага в массовом сознании ассоциируются все несчастья и беды, нарастание дискомфорта, развал обычного образа жизни, всего общества в целом».

Любопытна «коллекция» разновидностей врагов: для «Выбора России» - это некие «влиятельные силы, которые толкают на путь восстановления высокомонополизированной экономики», для ЛДПР образ врага имеет расплывчатые очертания, врагами являются практически все (от «жидомасонов» до «лжедемократов» и «агентов каких-либо разведок»), доля КПРФ - это, в первую очередь, внутренние враги, которые предали идеалы социализма и коммунизма.

Проявлением персонификации причинности как элемента архаического мышления является также «образ героя», во многом зависимый от «образа врага», но в то же время противопоставляемый ему и в той или иной степени присутствующий во всех программных документах политических партий. С этим образом связаны как эсхатологические элементы коллективного бессознательного, так и стремление массового сознания к избавлению от трудностей и лишений современной жизни, от личной ответственности, замещаемой ответственностью коллективной.

Для «Выбора России» образ героя ассоциируется прежде всего с образом «всенародно избранного президента», символизирующего демократические преобразования, возможность преодоления кризиса, для ЛДПР образ героя непосредственно связан с лидером партии Жириновским. В массовом сознании лидер ЛДПР выступает как вождь-герой, призванный спасти Россию от коммунистов и лжедемократов. Для КПРФ наиболее характерен образ героя, потерпевшего поражение от врага, подвергнувшегося гонениям и вновь возродившегося, чтобы спасти Отечество.

Активно используется архаическая символика, сводящаяся в целом к образам «государства - закона» и «Родины-матери» (архетипические фигуры «отца» и «матери»).

«Выбор России» и ЛДПР в большей степени апеллируют к образу «отца-закона» в противопоставлении произволу, который, как правило, идентифицируется с образом врага. Абсолютизация закона сама по себе является проявлением архаического сознания. Истинный закон для архаики - категория тотальная и персонифицированная, в этой «мифологической реальности государственности» ни о каком разделении властей не должно быть и речи. Демократический императив разделения властей

компенсируется равными правами и непреложным законом, возведенным в абсолют, «священным писанием» Конституции, символизирующей высший закон и высшую справедливость. КПРФ и АПР эксплуатируют образ матери в виде «униженной и оскорбленной Родины» и «земли-матушки», которых некому защитить перед наступающим хаосом.

Опираясь на инфантильные структуры сознания, в котором прошлое ассоциируется с «Золотым веком», все политические партии используют ориентацию на прошлое. Но, если для «Выбора России» как правящей партии она определяется насущной необходимостью, оправдывающей власть и борьбу за право обладать ею, то для КПРФ «золотой век» равен возврату к временам СССР и господства коммунистической идеологии.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что сила эсхатологического запугивания, широта обещаний и масштаб магических последствий - вот что является ответом на запрос мифологического сознания масс и обеспечивает популярность политических лидеров.

Не ставя под сомнение и не умаляя значения мифологического сознания, мифа как компенсаторных механизмов реакции психики человека на внутреннюю и внешнюю нестабильность и попытку поддержать нормальное функционирование человека, организации массы по ее самосохранению, пытаюсь уйти от односторонних интерпретаций архетипических моделей сознания и поведения как отклонения от психической нормы, как состояний, близких к состоянию психопатии, нельзя не высказать ряд опасений, связанных с искусственной актуализацией архетипического и бессознательного и попытками их использования.

Во-первых, актуализация архетипических моделей сознания обеспечивает эффект «заражения» и порождает определенный тип действий людей. Так, используемый, в частности, в политической культуре миф - миф границы, - представляющий собой специфическую императивную модель сознания и поведения, которая противопоставляет рациональной идее однородного и универсального политического мира дихотомическую систему межличностных ориентаций: «родная земля - чужая земля», «наши - не наши», «царство благочестия - царство зла», «справедливый политический порядок - несправедливый политический порядок» - может проявляться не только в вербализованных и рационализированных формах политических лозунгов, языковых клише, но и в реакциях, действиях, симпатиях и антипатиях людей.

Во-вторых, формирующийся в таких условиях тип политического сознания отличается неразвитостью индивидуальной самоидентификации, крайней стереотипизацией исторического опыта, ориентацией на бескомпромиссность и конфликтное разрешение возникающих проблем. Архаичность в данном случае представляется антитезой самостоятельности, о чем уже подробно писалось выше.

В-третьих, благодаря актуализации архаического, может быть порожден определенный тип коммуникаций, соответствующих архаике. Эта переоценка живучести архаических представлений приобретает сейчас

характер пересмотра динамики вытеснения архаики цивилизационным процессом. Как писал А.С. Ахиезер, «длительные, по видимости нормальные отношения между этническими группами мгновенно разрушаются в моменты кризисов любого типа, так как может оказаться, что в соответствующей культуре разрешение конфликта видится именно на пути избегания, изгнания иной этнической группы. Происходит, казалось бы невероятный, возврат к оттесненным, исчезнувшим программам архаических пластов культуры:., восстанавливается архаическое представление о том, что «они» - нелюди, а значит диалог, коммуникация с ними - невозможны».

Используя политику как механизм организации массы по ее самосохранению, манипулируя архаикой и бессознательным массы, применяя типы страхов, толкающих человека в массу и предлагая массе систему «искупительных ритуалов», не следует забывать о том, во имя чего, для каких целей используются эти механизмы: не используются ли специфические особенности массы для поддержки «пожирания» ею самой себя, для унификации и деперсонализации личности в массе через усиление механизмов массообразования, не превращается ли человеческая масса в объект манипуляции вождями всех типов и мастей, ибо, как уже было продемонстрировано выше, насильственно поддерживаемый механизм инфантилизации сознания и методики работы с инфантильным сознанием масс отработаны веками человеческой истории.

1994 г.

Методические вопросы подготовки клинических (медицинских) психологов¹

М.М.Решетников

Дорогие коллеги и друзья!
Дамы и господа!

Прежде чем приступить к подготовке доклада, я еще раз сформулировал для себя – почему эта проблема возникла и почему она так важна? Ответ уже был, и мы частично обсуждали этот вопрос на предыдущей конференции в Москве. Поэтому - только кратко повторю: у нас только 2 тысячи дипломированных психотерапевтов и 15 тысяч – психиатров. В гораздо более благополучных с точки зрения психопатологии США (с таким же количеством населения) – 40 тысяч психиатров, 80 тысяч психотерапевтов, около 220 тыс. психиатрических сестер, социальных работников и.т. д. В среднем, у них – 1 специалист на 500 человек, у нас – на 10 тысяч...

Если не считать 300 тысяч российских “альтернативщиков”. А если прибавить всех магов, экстрасенсов, колдунов и прочую психотерапевтическую “нечисть”, тогда и у нас – 1 на 500... При всем негативизме к “альтернативщикам”, мы должны были бы поблагодарить их хотя бы за одно – они объективно демонстрируют нам “запрос рынка” психотерапевтических услуг – нужно еще 300 тысяч специалистов. А где их взять? Даже, если мы переквалифицируем, как это требуют действующие приказы МЗО всех психиатров, это компенсирует лишь 5% потребности.

И тогда мы вспоминаем о психологах. Таким образом, исходно – это не методический, а кадровый и государственный вопрос. Я бы даже сказал – вопрос стратегического планирования, тем более, что тенденция к росту психопатологии остается и ничто не предвещает ее спада.

Послу уяснения первого вопроса, я пытался максимально точно определить, что понимается под словом “методические”. Современная философия определяет “метод”, как “способ достижения цели”², а “Словарь трудностей русского языка” интерпретирует “методический”, как “строго последовательный”³ или “планомерный”⁴. Исходя из сказанного выше, я думаю, что присутствующие согласятся, что конечная цель – это не методика, а кадровые решения и кадровое обеспечение. Но – применительно к моему докладу – это уже сверхзадача, к которой я обращусь, если позволит время.

¹ Доклад на “Совещании проректоров по учебной работе медицинских вузов и учреждений дополнительного профессионального образования по вопросам преподавания клинической (медицинской) психологии” (в соответствии с Указанием МЗО РФ № 1071-у от 29.09.99), Архангельск, 9-11 декабря 1999 года.

² Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова, - 6-е изд. – М.: Политиздат, 1991. С. 258

³ Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка. – 3-е изд. – М.: Русский язык, 1984. -С. 274.

⁴ Александров З.Е. Словарь синонимов русского языка. 7-е изд. М.: Русский язык, 1993. С. 179.

Исходя же из названия доклада, задача, которая была передо мной поставлена, представляется следующим образом: 1. как осуществлять подготовку клинических психологов; 2. какова последовательность этой подготовки.

Я думаю, ни для кого не секрет, что сейчас у нас в стране осуществляется небывалая реформа психотерапии, пересматриваются ряд важнейших документов, регламентирующих деятельность психотерапевтических служб и вопросы подготовки специалистов. Об этом уже говорили предшествующие докладчики - и здесь, и в своих выступлениях и публикациях ранее.

Только за прошедшие 2 года этой проблеме, точнее – целой совокупности проблем, были посвящены несколько конференций - в Смоленске, Москве, Иваново и нынешняя, вероятно, самая представительная, конференция в Архангельске. И я сразу хотел бы выразить благодарность ее инициаторам и организаторам.

В связи с этой реформой главными специалистами МЗО и руководителями ведущих психотерапевтических учреждений и организаций России активно изучается западный опыт, так как мы (и это делает нам честь) признаем, что собственного опыта - пока -недостаточно.

Также поступил и я, и (в рамках поставленной задачи) попросил моих коллег из Европы и Америки сообщить мне – как осуществляется и что включает современная западная модель подготовки клинических психологов.

Наиболее обстоятельные ответы представили коллеги из Гамбургского университета (Германия) и Рутгерс-Университета в Нью-Джерси (США). Обобщая эти и другие данные, я должен признать, что - в целом - наши подходы от западных отличаются не существенно. Но лишь - по форме (я подчеркну последнюю фразу, и еще вернусь к ней).

Клинический психолог, как и любой другой, получает первоначальную общепсихологическую теоретическую подготовку. Таким образом, клиническая психология – это одно из направлений дополнительного образования или - послевузовской подготовки. В западной психологии таких специализаций немного, и кроме уже упомянутого клинического направления, самыми распространенными являются педагогическая и экспериментальная психология (последнее направление самое большое, его смысл немного отличается от нашего, и предполагает такую специальность как “психолог-исследователь-практик” в самом широком смысле слова). Самостоятельным направлением является также классическая психология, существующая преимущественно в качестве академической науки.

Считается, что дополнительное образование клинического психолога длится, как минимум, год, но это не совсем так – на самом деле – оно значительно протяженнее.

Вначале будущий клинический психолог закрепляется за каким-то Институтом, который имеет собственную клинику и договоры с различными учреждениями учреждения на подготовку специалистов.

Первым этапом специализации (в большинстве случаев) является психодиагностика – от 3 до 5 месяцев, при этом обучение ведется только на рабочем месте, например, в центре профориентации молодежи или в службе профотбора кандидатов для армии. Ежедневно – тестирование, обработка данных, их интерпретация и статистический анализ.

После успешного завершения первого этапа будущий клинический психолог становится интерном в психиатрической или психотерапевтической клинике. В клинике он проводит около года, изучая психиатрию, неврологию, психотерапию, продолжая осваивать тесты и методы статистической обработки клинических данных, получает первых пациентов и начинает работать с ними под руководством супервизора, а также – должен регулярно готовить рефераты и доклады по различным клиническим темам.

Этот этап также включает обучение распознаванию клинических синдромов (на практике), диагностику личностных расстройств, участие в разборах случаев, написание диагностических отчетов и ведение историй болезни.

Теоретическая подготовка – также присутствует. В частности, раз в неделю или раз в 2 недели интерны всех отделений собираются на теоретические семинары, где разбираются основные концепции психотерапии и клинического тестирования. Примечательно, что основными теоретическими направлениями являются два – психодинамическое и бихевиоральное, на которых строятся все остальные варианты подходов к психотерапии.

Кроме назначаемого супервизора (опытного практикующего специалиста), каждый интерн имеет еще и “эдвайзора”, то есть – советника, который направляет его теоретическое совершенствование (преимущественно – в виде рекомендаций в ответ на запросы учащегося: “По этому вопросу прочитай вот это...”).

Примечательно, что, судя по полученным данным, для интернов подбираются не самые лучшие условия. Так, два моих коллеги сообщили, что были интернами в тюремной психиатрии, еще один – в государственной психиатрической больнице (“не для богатых”). Еще раз повторю – подготовка также, как и на первом этапе, ведется на рабочем месте.

Чрезвычайно важный вопрос – каждый интерн изучает только конкретный метод психотерапии (к последнему вопросу я еще вернусь чуть ниже).

Особо следует выделить вопрос, который для России является принципиально новым.

Практически во всех западных странах каждый будущий клинический психолог рассматривается как потенциальный психотерапевт. И обязательно в процессе его подготовки проходит персональный психотерапевтический тренинг, в процессе которого он знакомится с чувствами, которые испытывает пациент и прорабатывает собственные проблемы, чтобы не привносить их затем в работу с пациентом. В различных видах психотерапии это называется по разному, но наиболее часто используются термины:

“познание границ собственной личности”, “персональный анализ”, “групповые профессионально-ориентированные тренинги”. Затем или параллельно он осуществляет супервизорскую подготовку, что (в ряде случаев - в разрез с установленными сроками обучения) подразумевает достаточно длительный период работы с пациентами (от года и до 2-3 лет) под систематическим руководством опытного специалиста – консультанта или супервизора.

Стать супервизором очень почетно, очень прибыльно, и очень нелегко. Во многих странах существуют не только профессиональные, но и гласные и негласные возрастные критерии супервизорства - в среднем - супервизорами становятся после, примерно, 15-20 лет практики в возрасте около 50 лет, и в результате достаточно сложной процедуры признания в качестве таковых.

Общий объем программы подготовки клинических психологов сильно варьирует в различных странах и различных институтах в рамках конкретной страны - от 1800 до 3500 тысяч часов, из которых: 25% процентов приходится на теоретическое обучение, еще 25% - на прохождение персональной психотерапии (то есть - познание границ собственной личности), и около 50% часов - на систематически супервизируемую практику.

Я еще раз напомню, что все это - уже на базе диплома психолога или даже врача (которому не возбраняется стать клиническим психологом). Кстати, в базовом образовании врача также имеется специфика: если российский выпускник медицинского вуза имеет около 100 часов подготовки по психологии (включая педагогику), то выпускник большинства западных вузов получает и более качественное образование (его ведут только психотерапевты-практики), и его объем, как минимум, в 4-5 раз больше (до 500 часов).

Еще один очень важный момент. Чтобы этот вопрос был достаточно прояснен, я должен сравнивать, обратившись к нашей практике подготовки врачей-психотерапевтов. Наш специалист, получает первичную подготовку по психиатрии, а затем специализацию по психотерапии, и после этого - уже является дипломированным узким специалистом.

В абсолютном большинстве развитых стран это делается не так. Специалист (психолог или врач) получает общетеоретическую подготовку. Затем проходит дополнительную подготовку – еще год, где сочетаются практическая работа и теория. Параллельно он начинает персональную психотерапию (около 2-3 лет, а иногда - гораздо больше), и начинает систематически супервизируемую практику с пациентами.

Но специалистом он не считается - он кандидат или супервизант в течение еще нескольких лет.

И только после того, как его способности и умения будут позитивно оценены, как минимум, двумя опытными и признанными супервизорами, только после этого - выносится заключение о его пригодности к работе в качестве психотерапевта. И он получает соответствующий сертификат.

В некотором смысле, это аналогично подготовке в академии художеств: диплом выпускника никому не дает право называться художником - это право должно быть заслужено в процессе длительного труда и в результате признания коллег.

В целом - отношение к психотерапии, как к искусству, как к гуманитарной дисциплине, а не естественно научной - также составляет одну из мировых тенденций. Есть ли для этого основания. И есть, и нет.

Это слишком большой и пока слишком дискуссионный вопрос, требующий самостоятельного обсуждения. Будущего обсуждения.

Здесь же, я думаю, мы могли бы продумать и принять предварительное решения о более широком привлечении к подготовке в качестве клинических психологов (то есть – психотерапевтов) врачей общей практики (минуя психиатрию) и дипломированных психологов.

Мне представляется, что в наших подходах к этому вопросу нам необходимо принять два основополагающих тезиса:

психотерапевт (если он работает именно по этой специальности) никогда не делает никаких назначений и не выписывает рецептов.

в отличие от естественнонаучной медицины, где общепризнанным является принцип каузальности, наиболее четко проявляющийся в инфекционной патологии, где конкретный возбудитель вызывает конкретное заболевание, в психиатрии и психотерапии - “ответ” всегда является неспецифическим, то есть - один и тот же негативный фактор может вызывать самые различные (фактически - любые) формы психопатологии (от легкой транзиторной дисфории или невроза до полного и пожизненного аутизма).

Нужен ли здесь психиатр? Да, нужен. Как консультант, назначающий медикаментозное лечение там, где для него есть показания (успехи психофармакологии никто не оспаривает), как консультант, определяющий и дающий заключение о вменяемости пациента, и потребности в его изоляции или отсутствии таковой. А все, что касается повседневной работы с пациентом - это уже не психиатрия. И возьму на себя смелость сказать - не медицина.

И последнее качественное отличие методики обучения клинических психологов в ведущих (в этом отношении) странах мира. Когда мы говорим о трех или более тысячах часов подготовки будущего психотерапевта - имеется в виду подготовка по конкретному методу психотерапии. Это 3000 часов подготовки или - по бихевиоральной психотерапии, или по психодинамической, или по директивной и т.д.

И по каждому методу - это отдельное учебное заведение, куда человек приходит в качестве студента, затем становится кандидатом и начинает проходить персональный тренинг и супервизии только по конкретному методу. И так и идет в рамках избранной им специализации и института – от студента до профессора и супервизора.

В таких институтах работает, как правило, около 25-30 (постоянно практикующих только один конкретный метод) специалистов высшей

квалификации. И каждый из институтов функционирует на базе конкретной клиники, где практикуют преимущественно один метод психотерапии.

Давайте сравним, что делаем мы – установленных стандартом 700 часов, преподаются на наших кафедрах усовершенствования 4-5 преподавателями, которые читают рациональную, директивную, когнитивную, бихевиоральную, эриксоновскую, групповую, телесноориентированную, аутогенную, транзактную, психоаналитическую, плюс НЛП, гештальт, психосинтез, психодрама, арттерапия, символдрама, классический гипноз и т.д. В ряде случаев им просто некогда практиковать. Таким образом, на каждый метод приходится от 2 до 30 часов. И так называемый специалист после этого получает сертификат, приходит в клинику и имеет право применять один из методов (он же не применяет все сразу!) А метод - это инструмент. Каменщика на стройке дольше готовят - 48 часов практики, пока допустят к стене, в качестве подсобника. Я еще раз акцентирую – на Западе – 1800 или 3200 часов – это только и именно (на 90%) по одному единственному методу психотерапии.

Я сейчас умышленно немного усугублю ситуацию. На прошлой конференции в Москве я уже говорил, что любой психотерапевтический метод имеет в своей основе конкретную методологию (то есть - философию) психодинамическую, гуманистическую, бихевиориальную и т.д. И это также кардинально отличает психотерапию от медицины.

В силу этого суб-специальности в психотерапии даже более различны, чем в медицине: в медицине одна методология - естественнонаучная. И, в общем-то, окулист и проктолог, хотя у них и разные инструменты, и объекты терапии очень непохожие, друг друга легко поймут (они действуют в рамках одной методологии и говорят на одном профессиональном языке).

В психотерапии – все наоборот: объект - один и тот же (психика), а вот методология, методика и “инструменты”, и даже большинство основных понятий - принципиально не совпадают. И два психотерапевта различных направлений не только не поймут друг друга, но даже не захотят понимать! Так как индивидуальный выбор того или иного метода психотерапии, как профессии - это вопрос индивидуальных предпочтений, это вопрос психического склада конкретной личности, ее представлений о себе и модели мира.

В этом главная проблема психотерапии в России. Она давно висела в воздухе, но мы прятались от нее за фасадными реформами. А на самом деле готовили и продолжаем готовить специалиста, знающего как называются 40 методов психотерапии, и не умеющего реально пользоваться ни одним. В развитие уже использованного примера, это подготовка аналогична подготовке окуло-кардио-проктолога-физиотерапевта-мануолога-массажиста.

Есть ли выход? Как преодолеть эти трудности роста и становления российской психотерапии? И можно ли их преодолеть с наскака? На последний вопрос, думаю, все согласятся, нужно ответить: “Нет”.

Но выход есть всегда.

Нам нужно набраться мужества, и сделать психотерапию специальностью, для начала - в рамках медицины и психологии, то есть специальностью которую может получить любой врач и любой психолог, если он хочет и способен к этому.

Нам нужно набраться терпения и постепенно начать выделять (очень осторожно и методологически обоснованно) суб-специальности в психотерапии.

Нам нужно не спеша начать формировать циклы по конкретным методам и направлениям в психотерапии, а затем - способствовать созданию специализированных (или переориентации действующих) институтов по конкретным направлениям в психотерапии, именно способствовать - потому что сложиться они могут только естественно историческим путем (нельзя кого-то назначить бихевиористом, а кого-то гипнологом - это всегда индивидуальный выбор).

Нам нужно набраться мужества и, возможно, конвенциональным путем ввести институт супервизорства, но только однократно, из числа признанных специалистов, а всем будущим придется идти уже путем аналогичным западному.

Нам нужно найти в себе добрую волю, и создать - пока - очень мягкий отечественный стандарт дополнительного психотерапевтического образования для врачей и психологов, стандарт персонального тренинга и супервизий – пока - в целом, а затем - по конкретным направлениям в психотерапии. И уже потом – по мере становления российской школы, может быть раз в десять лет - пересматривать его и “подтягивать к европейскому стандарту и международному.

Некритическое воспроизведение западной модели грозило бы нам опасностью еще большего отставания. Практический опыт может появляться только в процессе практики. Кроме этого, мы должны принять, что особенность западной модели в значительной степени диктуется 2 факторами:

Наличие страховой медицины или больничных касс, которые оплачивают то или иное количество часов психотерапии любому гражданину;

наличием безусловного перепроизводства клинических психологов и врачей, что определяет высокую профессиональную конкуренцию и очень сложную систему подготовки.

Уберите эти факторы, и на Западе будет совсем иная модель.

Ни первого, ни второго факторов у нас нет, и не предвидится в обозримом будущем, точнее – в течение всего 21 века. Как мне представляется, нам не стоило бы замыкаться на формальных (я бы сказал) фасадных критериях подобия Западу. Мне кажется, что куда важнее выработать стратегические подходы и начинать готовить специалистов, причем – специалистов амбициозных, без чувства периферийности. Учитывая российскую социально-экономическую и психопатологическую ситуацию, специфику

российской культурной и образовательной традиции. Поэтому, нам есть о чем подумать.

Благодарю за внимание.

Семейный психоанализ как научно-практическое направление

А.Н. Харитонов

Важность обсуждения темы семейного психоанализа как нового научного направления обусловлена многими обстоятельствами как теоретического, так и прикладного характера. Растет число разводов в России, обостряется системный кризис семьи. В массиве обращений за помощью к тем или иным специалистам (психиатрам, клиническим психологам, психотерапевтам любого направления, сексологам и т.п.) заметно увеличился удельный вес многих семейных проблем - конфликтов, трудностей нарушений. Налицо эффективность, перспективность разработки, апробации в клинической практике семейной психоаналитической психотерапии на основе психоаналитического метода (психоанализа как метапсихологии, исследования психических процессов, метода психотерапии). Существует острая теоретическая потребность в осмыслении прикладной роли теорий объектных отношений в семейной психологии, семейной психоаналитической психотерапии.

И, наконец, необходима дифференциация в научном и практическом плане семейных отношений как объекта психоанализа, психотерапии, а также соотнесение в них внутреннего и внешнего, сознательного и бессознательного, индивидуального и межличностного психических уровней.

Виды и направления современного психоанализа.

Современный психоанализ дифференцируется по следующим основаниям:

■ *по форме (виду) реализации:* индивидуальный психоанализ (З.Фрейд); групп-анализ (З.Фулкс); семейный психоанализ (Н.Аккерман);

■ *по работе с различными возрастными категориями пациентов:* психоанализ детей (детский психоанализ); психоанализ подростков; психоанализ взрослых;

■ *по показаниям (уровню нарушения психики пациента):* психоанализ пациентов с неврозами; пациентов с нарушениями характера; нарциссических пациентов; бодерлайн пациентов (borderline); психотиков, пациентов с шизофренией;

■ *по соотношению теории и практики:* теоретический психоанализ (теоретико-методологический, философский); клинический; прикладной.

В современном психоанализе выделяют:

■ инстинкт-теорию З.Фрейда (классический психоанализ) и его последователей в МПА (ПА), значение влечений в психической жизни личности;

■ объект-теории (М.Кляйн, Р.Фэрберн, Д.Винникотт, М. Бал-линт, Гантрип, Дж. Боулби, Р.Спитц, М.Малер, Д.Штерн и др.), роль межличностных отношений в семье;

- эго-психологию (А.Фрейд, Э.Эриксон, Х.Хартманн, Левен-штейн, О.Кернберг и др.), структура Эго, ее отношения с другими структурами, внешней реальностью;

- селф-психологию, или психологию нарциссизма (Х.Когут, О.Кернберг, Г.Розенфельд, Г.Зайдлер и др.), значение раннего развития личности в период нарциссизма, особая метапсихология для нарциссических теорий личности;

- психосоматические теории (телесно-ориентированный психоанализ) (Ф. Александер, В. Райх, Т. Френч, А. Лоуэн и др.), психоаналитическое толкование психосоматических процессов взаимодействия, соотношение психики и сомы, биоэнергетический подход в соединении с психодинамическим;

- гуманистический психоанализ (К. Хорни, Э. Фромм, Г. Сал' Ливан), роль факторов культуры, социума, интерперсональных отношений в формировании личности;

- экзистенциальный психоанализ (Р. Мэй, Х. Диллема, Р.Д. Лэнг), акцентирование роли смысла существования в психоаналитическом измерении.

Семейный психоанализ наряду с индивидуальным и групп-анализом (здесь я опираюсь на многочисленные научно-практические исследования и не менее многочисленные клинические практики) имеет все основания рассматриваться как самостоятельный вид психотерапии и как научное направление в концептуальном ключе. Его методологической основой могут послужить объект-теории.

Семейный психоанализ состоит из семейной психологии психоаналитического толка; семейной психоаналитической психопатологии и семейной психоаналитической психотерапии.

Каждый из названных элементов требует своего обоснования, детализации, раскрытия, но вначале рассмотрим объект-теории.

Объект-теории как методологическая основа семейной психоаналитической психотерапии.

Объект-теория (теория объектных отношений) - это подход, в котором потребность субъекта выстраивать отношение к объектам является определяющей в отличие от инстинкт-теории, строящейся вокруг потребности субъекта ослабить инстинктивное напряжение (Ч. Райкрофт, 1995 г.). По типу объекты различаются на внешний и внутренний, целое и часть, переходный, плохой и хороший; объект, удовлетворяющий потребность, объект-либидо. В психоанализе *понятие объекта* рассматривается с трех основных ракурсов: в контексте влечения, любви (или ненависти), как философская или психологическая категория теории познания.

Объекты и отношения рассматриваются только с точки зрения отдельного субъекта. Объект-отношение может быть либо внешним, либо внутренним объектом.

Существуют многообразные формы отношений объект-теорий с другими направлениями психоанализа: акценты в данном подходе поставлены на взаимодействие объектов «мать - дитя», «отец -ребенок», между супругами, **сиблингов** в формировании ребенка, иными словами, - на динамике развития в раннем детстве, и особенно в первый год его жизни. Взаимоотношения матери и ребенка в отличие от инстинктивных теорий (развитие ребенка в зависимости от удовлетворения влечений, эрогенных зон, линий развития) кардинально смещены на доэдиповы отношения.

Среди исследователей, положивших начало и способствовавших дальнейшему развитию объект-теорий, - З.Фрейд, М.Кляйн, Р.Фэрнбер, Д.Винникотт, М.Балинт, О.Кернберг, А.Фрейд,

Дж.Боулби, Гантрип, Сьютерленд, Дж.Кохон, Р.Спитц, Х.Хартманн, Э.Эриксон, Дж.Сандлер, Якобсон, Эмди, М.Малер, В.Р.Байон, Д.Штерн, Х.Кохут, Г.Левальд и др.

Наиболее яркими, значимыми в этом плане являются, на мой взгляд, концепции М.Кляйн, В.Р.Д.Фэрберна, Д.Винникотта, М.Баллинта, О.Кернберга. Отметим также теорию привязанности Дж.Боулби, сепарации-индивидуации М.Малер (А.Фрейд, британская школа, Р.Спитц, Г.Левапъд, Д.Штерн), эго-психологии (Ф.Тайсон, Р.Л.Тайсон).

Сущность теорий объектных отношений.

Сосредоточение на изучении объектных отношений в процессе развития, то есть по мере того, как взрослеющий ребенок вступает вначале в диадные отношения (мать-дитя), триадные (отец -мать - ребенок) и, наконец, в многоликий мир всевозрастающе сложных, дифференцированных объектных ситуаций. Психоаналитики постепенно стали заниматься более сложными патологиями, глубже обсуждать нормальные и патологические процессы психического развития ребенка (развитие детского психоанализа), придавать отношению с объектом главную роль в человеческой психической жизни.

В общем спектре теорий объектных отношений обозначились два направления. Приверженцы фрейдовского наследия исходят из гипотез о влечениях. Объектные отношения здесь выступают как дополнение, обогащение и развитие теории структуры и влечений (М. Кляйн). Другое направление занимает более радикальную позицию. Объектные отношения рассматриваются как нечто отличное, новое, более трудно согласующееся с теорией структуры, влечений (В. Фэрберн). Многие аналитики занимают промежуточные позиции (О. Кернберг, М. Малер, М. Балинт и др.).

В теории объектных отношений часто появляется концепт дефицита психических функций, или дефицита, который появляется из-за недостатков, ошибок в заботе о психическом развитии ребенка (фрустрации). А в теории З.Фрейда основополагающий компонент психики - конфликт, и вся психопатология основывается на теории конфликтов. В целом теории объектных отношений показывают, что психика - сложнейшая структура,

которая имеет несколько мотивационных импульсов, а отношения субъект-объект крайне необходимы (т.е. детерминационно) для психического существования, развития (гармоничного), при этом они разнообразны, комплексны.

Согласно Дж.Фрамо (1981), в семейной психологии, психоаналитической психотерапии должны приниматься во внимание следующие основные положения теории объектных отношений:

человечество как вид изначально находится в постоянном поиске объектов;

человек неспособен реально изменить объекты, поэтому создает их внутренние психологические дубликаты;

внутренние дубликаты не постоянны, они претерпевают изменения по мере возникновения новых отношений между людьми:

люди актуализируют текущее взаимодействие для решения прошлых конфликтов;

выбор партнера и отношение с детьми имеют в своей основе проективный процесс, в результате которого супруг и дети замещают отсутствующие фигуры из прошлых, первичных, объектных отношений.

Данные теорий позволяют изучать глубинно-психологический (бессознательный), личностный (сознательный), межличностный (бессознательный и сознательный), межсемейный (межгрупповой) и социальный (социокультурный) уровни.

Теории объектных отношений позволяют проследить закономерности и механизмы изменений бессознательных паттернов во внутренних отношениях каждого из супругов (членов семей), а затем их межличностных отношений. Методологически важно рассматривать в семейном психоанализе не индивидуальность саму по себе, а семейные отношения в динамике, в процессе жизненного цикла семьи, семейные защиты, взаимодействия, уровень развития каждого из членов семьи в личностном плане и соотнесение его с уровнем взаимоотношений в родительно-супружеской семье. Исследуются проблемы родительно-детских отношений в семье каждого из супругов, а затем их проявления в супружеских, родительно-детских отношениях в актуальной супружеской семье.

Таким образом, объект-теории дают возможность концептуально объяснить механизмы взаимодействия интрапсихических и интерпсихических явлений в семье, образования различных типов семейной психопатологии и разработать содержательно семейную психоаналитическую психотерапию.

Психоанализ как семейная психология.

К структурным элементам семейной психологии (психоаналитическая парадигма) относятся: сущность брака, нуклеарной семьи, типология брака, семьи; функции семьи; жизненный цикл семьи; семейные комплексы (Эдипа, Электры, Каина); индивидуальные, семейные защитные механизмы;

семейные объектные отношения, в том числе взаимоотношения, их типология по различным основаниям, отношения в различных подсистемах (супружеские, родительско-детские, родственно-семейные); семейное взаимодействие; роли в семье: психосексуальные (мужские, женские), традиционные в нуклеарной семье (муж, жена, отец, мать, сын, дочь, брат, сестра), в расширенной семье (бабушка, дедушка, внук, внучка, дядя, тетя, свекр, свекровь, невестка, теща, тесть, зять и др.), неформальные роли (хозяин, лидер, ответственный за досуг и др.); любовные чувства, эмоции, отношения в семье (Эрос, Тана-тос); агрессивные чувства, эмоции; топографическая и структурная модели личности в семейном контексте - отношений и взаимодействий; развитие личности ребенка (стадии развития в классической инстинкт-теории З.Фрейда и объект-теориях); линии развития ребенка в процессе социализации (А.Фрейд, М.Кляйн, М.Малер); стили воспитания (конструктивные, зрелые и деструктивные, нарушенные); психология детской сексуальности (феномены, механизмы, закономерности); психология мужской, женской сексуальности (феномены, механизмы, закономерности).

Большинство названных концептов, положений достаточно детально и глубоко раскрыты в классическом и современном психоанализе. Но нам представляется, что обращение к ним в контексте анализируемой темы, пусть даже в обзорной форме, является крайне необходимым. Дело в том, что в семейной психоаналитически ориентированной психотерапии в полной мере используются теоретические положения названных выше методов, различные техники с учетом нюансов таких полюсов, как: бессознательная сфера - поведение; свобода выражения - директивность; индивидуальность - группоцентризм; интерпретация, толкование - манипуляция, внушение; интеграция в культуру, искусство, религию - строго научный (сциентистский) подход.

Как полагает К.Витакера (1998), известный специалист в области семейной психотерапии, *развитие семьи, жизнь в семье осуществляется в динамике таких полюсов, как сопринадлежность и индивидуализация, разум и интуиция, роль и личность, контроль и импульс, общественная и личная жизнь, любовь и ненависть, безумие и хитрость, стабильность и изменения.*

Семейная психоаналитическая психопатология.

Основываясь на идеях современного психоанализа, семейной психологии, понимании нормы - патологии, я хотел бы представить авторскую концепцию трудных, нарушенных семейных отношений.

В теории, на практике, научно-экспериментальной деятельности назрела необходимость более четкой дифференциации и выделения признаков семейных межличностных отношений по такому значимому основанию, как *уровень их зрелости (гармонии, нормальности)*. Нами учитывались психофизический, личностный, межличностный уровни, личностное функционирование субъектов отношений в континууме «зрелость -

нарушенность» (патология), компоненты взаимосвязей между субъектами семьи, динамика межличностных отношений в процессе жизненного цикла семьи, определение показателей через категории общее, особенное и единичное. Целесообразно типологизировать теоретически зрелые (гармоничные, нормальные), *трудные* (затрудненные), *нарушенные* (дисгармоничные, ненормальные) семейные межличностные отношения. Используя поуровневый подход (по горизонтали) между зрелыми и трудными отношениями, в реальности выделяются *практически зрелые* межличностные отношения, а между трудными и нарушенными - *пограничные* (преднарушенные) семейные отношения.

Универсальные признаки выделенных типов отношений:

- *генерализованный (общий)* - степень удовлетворенности базовыми личными, семейными потребностями членов семейной группы, а также браком и семьей в целом;

- *парциальные (единичные и особенные) признаки*: психофизической совместимости, личностной зрелости (психофизического здоровья), межличностный мотивационный, межличностный эмоциональный, межличностный когнитивный, межличностный поведенческий и динамический в решении различных проблем в процессе жизненного цикла семьи.

Трудные семейные отношения (семейные трудности) — это негативные, деструктивные межличностные отношения в семье, связанные с неудовлетворенностью базовых потребностей и требующие дополнительных усилий каждого члена семьи и всей семейной группы на пути достижения гармонии, зрелости и нормального функционирования.

Генерализованный признак семейных трудностей выражается в неудовлетворенности или фрагментарной удовлетворенности базовыми потребностями членов семьи (или хотя бы одного из супругов) в процессе трудностей общения, неудовлетворенности браком, семейной жизнью в целом,

Назовем основные единичные признаки наряду с эмпирическими индикаторами трудных отношений:

1. *Недостаточная психофизическая совместимость*, в том числе сексуальная супругов, негативное или неявное восприятие физической привлекательности, приемлемости членов семьи друг другом. Индикаторами психофизического показателя являются несоразмерность затрачиваемых усилий членами семьи для удовлетворения базовых потребностей, напряженность отношений, рассогласованность внутренних и внешних усилий, фрагментарность (в противоположность целостности) психоэнергетических связей, дискомфорт.

2. *Недостаточная личностная зрелость родителей, детей* (или только супругов) в зависимости от пола, возраста, ролевого места в семье. Индикаторы личностного показателя: наличие внутриличностных конфликтов, тревожность, неуверенность, психическое напряжение, симптомы невротических реакций, неврозов; трудности поведения,

акцентуированные черты; недостаточная адекватность в уровне зрелости различных личностных сфер члена семьи; неполная адаптивность в микросоциальных процессах; трудности саморегуляции состоянием, чувствами, поведением и др.

3. *Отсутствие взаимного стремления в удовлетворении базовых потребностей мужа, жены, детей со стороны супругов-родителей.* Индикаторы межличностного мотивационного показателя: слабая удовлетворенность в индивидуальных физиологических, общих и специфических (мужских, женских) психологических, семейных ожиданиях и потребностях, слабое обеспечение потребности в развитии семейных отношений, семьи в целом.

4. *Преобладание в контактах, связях внутри семьи негативных, деструктивных эмоций, чувств (Танатоса) наряду с позитивными, конструктивными эмоциями, чувствами (Эроса).* Индикаторы межличностного эмоционального показателя: фрустрация, слабая эмоциональная привязанность, наличие чувств вины, безразличия, ненависти, враждебности, гнева, отвращения, одиночества, скуки, страхов, тревоги, а также беспокойства, разочарования, раздражения, нерешительности, злобы, нестабильности, нетерпения, страдания, хандры, неудовольствия и др.

5. *Когнитивное рассогласование в восприятии, понимании, совпадении ценностей супругов, родителей и детей.* Индикаторы межличностного когнитивного показателя: различия в представлениях, видении себя, партнера, социального мира в целом, несовпадение когнитивных сценариев, неполное принятие другого как личности, слабый учет мнений других членов семьи и обмен различной информацией, несовпадение культурных, личных, семейных ценностных ориентации у членов семьи и др.

6. *Ригидность, конфликтность, конкуренция, бескомпромиссность, слабая адаптивность в межличностном поведении членов семьи.* Индикаторы межличностного поведенческого показателя: затрудненное распределение власти (ответственность жены, старшего ребенка за семью), скрытая или явная борьба за власть, различные модели общения в семье, привязанность, изменчивость, нормированность, недостаточная активность в действиях, нетерпимость к разногласиям, скрытность, неискренность, различия в общесемейных задачах, пессимизм, неуверенность в действиях, недостаточные волевые проявления и др.

7. *Затрудненный поиск методов, способов, видов решения различных проблем в процессе жизненного цикла семьи.* Индикаторы динамического показателя: недостаточные знания в области видов семейной психологической помощи, недостаточное желание в зависимости от типа личности решать семейные проблемы, закрытость и замкнутость при столкновении с проблемами, сомнения в реализации методов, в обращении к специалисту, различные варианты динамики данных отношений (позитивной, негативной, застревающей) и др.

Нарушенные (дисгармоничные) семейные межличностные отношения. Нарушенные семейные отношения - это *дисгармоничные,*

бессистемные, нестабильные, препятствующие нормальному развитию семьи установки, ожидания, ориентации ее членов относительно друг друга, обусловленные крайней степенью неудовлетворенности их базовых потребностей в процессе нарушения общения на определенном этапе жизненного цикла семьи.

Общий признак этих отношений выражается в сильной неудовлетворенности (фрустрации) членов семьи индивидуальными семейными потребностями, деструктивным браком, дисгармоничным (нарушенным) внутрисемейным общением и семейной жизнью в целом.

Приведем только основные единичные признаки нарушенных семейных отношений. ***Эмпирические индикаторы прямо противоположны (имеют негативную, деструктивную выраженность) индикаторам семи основных единичных признаков (характеристики) зрелых семейных отношений.***

1. *Психофизический показатель.* Психофизическая, в том числе сексуальная, несовместимость супругов, негативное восприятие физической привлекательности, приемлемости членов семьи друг другом, нарушение психоэнергетического баланса (внутренних и внешних связей).

2. *Личностный показатель.* Личностная незрелость, психические нарушения (нарушения психотического, психопатического уровней, borderline, шизофренического характера и др.) или одного из родителей, или обоих супругов, или всех членов семьи.

3. *Межличностный мотивационный показатель.* Высокая степень неудовлетворенности базовым индивидуальным, семейным потребностями, прерывание привычного хода развития семейных отношений, семьи в целом.

4. *Межличностный эмоциональный показатель.* Крайняя степень доминирования деструктивных, негативных эмоций, чувств в контактах, связях внутри семьи (Танатоса).

5. *Межличностный когнитивный показатель.* Неадекватное восприятие друг друга, отсутствие взаимопонимания, крайняя степень несовпадения ценностных ориентации у членов семьи, неприятие другого как личности.

6. *Межличностный поведенческий показатель.* Сильная степень ригидности, конфликтности, дезадаптивности, конфронтации, неустойчивости в поведении членов семьи, деформация власти, нарушения коммуникативных процессов в семье.

7. *Динамический показатель.* Неспособность принять решение, отсутствие мотивации у большинства членов семьи (супругов, родителя и ребенка, детей, подростков) в решении различных проблем на определенном этапе жизненного цикла семьи.

Проблема конкретизации, более четкого определения общих, единичных признаков, эмпирических индикаторов всех приведенных типов, а также практически зрелых, пограничных семейных межличностных отношений требует глубокого всестороннего экспериментального исследования и может быть названа одной из перспективных направлений в научном исследовании.

Семейная психоаналитическая психотерапия.

В построении теории семейной психоаналитически ориентированной психотерапии используются такие принципы, как *системность, детерминизм, интегративность, принципы развития, синтеза, принцип единства внутреннего и внешнего, бессознательного и сознательного, принцип объектного взаимодействия, соотношения внутриличностного и межличностного конфликтов, индивидуальных и семейных потребностей, индивидуального и группового (семейного) уровней зрелости.*

Показаниями к применению данной модели считаются преимущественно трудности, связанные с нарушением родительско-детских, супружеских отношений, личностные трудности, невротические реакции, неврозы, личностные расстройства в контексте жизненного цикла семьи, семейных паттернов взаимодействия.

Значительно реже эта модель используется при трудностях родственно-семейных отношений в семьях профессиональных военнослужащих из-за специфики их проживания и практически нежелательна при *borderline* и психотического уровнях расстройств членов семьи, тяжелых семейных нарушениях, при распаде семьи.

Общая цель данной модели заключается в том, чтобы на основании осознания, понимания и принятия причин психологических личностных, семейных проблем, деструктивных внутренних объектных отношений достигнуть изменения в реальных объектных отношениях на конкретном этапе жизненного цикла, зрелости, гармонии каждого члена семьи и всей семьи в целом. Предлагаемая модель психотерапии позволяет: осуществлять психодиагностику основных типов личностных и семейных проблем, их базовых причин;

достигать осознания, понимания причин внутренних деструктивных объектных отношений, личностных психологических проблем, расогласований реальных объектных отношений в семье через преодоление внутриличностных конфликтов;

изменять реальные объектные отношения в семье, достигать их зрелости, гармонизации на конкретном этапе жизненного цикла семьи;

адаптировать к новому уровню личностной зрелости, реальным согласованным объектным отношениям, новой жизненной ситуации в семье.

Этапы семейной психоаналитически ориентированной психотерапии. Мы предлагаем четыре этапа психотерапии в соответствии с ее задачами (на примере семьи военнослужащего): психодиагностический, этап осознания, реконструктивный (согласование отношений) и адаптационный.

1. *Психодиагностический этап.* Установление вербального и невербального контакта с семьей (членом семьи, диадой). Знакомство с каждым членом семьи, характеристикой жизненного цикла данной семьи.

Предварительная психодиагностика уровней личностной психопатологии (психологических проблем) членов семьи, типов семейных

проблем (конфликтов, трудностей, нарушений), актуального состояния психофизического здоровья членов семьи и их семейных объектных отношений, взаимодействий в соответствии с индивидуальной структурой.

Начало исследования глубинно-психологических причин (родительская семья), межличностных причин (юношеский период, предбрачный этап, актуальная супружеская семья), психологических факторов воинской деятельности мужа-отца военнослужащего (объективные и субъективные факторы учебной, служебной, боевой деятельности, влияющие на объектные отношения в семье).

Дифференциация различных биофизических факторов (болезни, образ жизни, негативные привычки и др.).

Исследование актуальных причин психологических личностных семейных проблем (актуальная проблемная социально-психологическая ситуация в семье профессионального военнослужащего).

2. *Этап осознания.* Дальнейшее исследование глубинно-психологических, межличностных, деятельностных причин личностных и семейных проблем.

Достижение ряда инсайтов (эмоционального, когнитивного осознания) основных глубинно-психологических причин (психотравмы раннего детства, подросткового периода; неконструктивные стили воспитания (социализации); застревания (фиксации) на соответствующих стадиях психосексуального развития, ранних объектных отношениях (значимых фигурах); неадекватная психосексуальная, полоролевая идентичность и др.).

Осознание негативных, деструктивных внутренних объектных отношений и рассогласования межличностных отношений, потребностей, ожиданий, представлений и притязаний супругами.

При этом максимальное самоосознание, принятие, преодоление самих себя (сопротивления, неадекватных - переносных объектных отношений).

Достижение определенного начального уровня саморегуляции взрослыми членами семьи и подростками.

3. *Реконструктивный этап (согласование отношений).* Согласование, конструирование психофизической (сексуальной) составляющей, достижение относительной совместимости (в соответствии с личностными, возрастными особенностями супругов, других членов семьи, этапами жизненного цикла семьи).

Согласование, реконструкция новых объектных отношений в семье (супружеских, родительско-детских, родственно-семейных), их составляющих - эмоционально-потребностной, когнитивной и поведенческой сферы. Достижение в целом наиболее полного понимания и принятия друг другом членов семьи, изменения их отношений в сторону гармонизации, зрелости.

4. *Адаптационный этап.* Приспособление к новому уровню психологической зрелости - личностей супругов, других членов семьи, их объектных отношений, к реальной жизненной ситуации на конкретном этапе жизненного цикла данной семьи. Адаптация и выход из

психотерапевтического процесса членов семьи. Формирование мотивации, установок к самостоятельному преодолению в дальнейшем проблемных личностных, семейных ситуаций посредством различных методов психологической самопомощи и совместной помощи членами семьи профессионального военнослужащего.

Техники и приемы

- *Аналитические приемы*: традиционный анализ сновидений, свободных ассоциаций, фантазий, пересекающихся переносов-контрпереносов, индивидуального, семейного сопротивления (защит), актуальных переживаний членов семьи с помощью конфронтации, прояснения, интерпретации и тщательной проработки.

- *Специальные техники семейной психоаналитической психотерапии* (по Н.Аккерману, 1982): противодействие неуместному отрицанию, смещению и рационализации конфликта; трансформация скрытого, неявного конфликта в открытую форму взаимодействия; поднятие скрытого внутреннего конфликта до уровня межличностного взаимодействия; нейтрализация паттернов формирования роли «козла отпущения», укрепляющей позицию одного из супругов за счет принесения в жертву другого; преодоление сопротивления и ослабление общего конфликта, чувства вины и страха посредством конфронтации и интерпретации; проигрывание роли родителя со стороны психотерапевта, контролирующего межличностную опасность, служащего источником эмоциональной поддержки и удовлетворенности, обеспечивающего недостающие супружеской паре эмоциональные составляющие (улучшение комплиментарности отношений); использование психотерапевтом самого себя в качестве «инструмента» для тестирования реальности; просветительская функция психотерапевта и его демонстрация на собственном примере полезных моделей «здорового» взаимодействия между супругами.

- *Специфические неаналитические техники*: наблюдение; слушание; вопросы и резкие остановки «при пустом обсуждении»; техника улучшения коммуникативных возможностей; отстранение с целью объективного суждения; частичное вмешательство (интервенция); активность; мини-интерпретации; сопоставление позиций-метафор (конструктивный спор); откровенность как расходование ресурсов конфронтации; исследование супружеских объектных отношений по сферам (психоэмоциональная, сексуально-эротическая, культурного общения, материально-бытовая, воспитательная); сопоставление паттернов поведения в родительских семьях; анализ контекста фраз, слов, их специфики у каждого из супругов; эмпатия; конгруэнтность; принятие и полное понимание всех членов семьи (или одного из них при индивидуальной форме).

- *Организация психотерапии, сеттинг*. Варианты сеттинга:

- работа с одним членом семьи (поочередно одним психотерапевтом, реже - параллельно двумя);
- работа с диадой (родитель - ребенок, супруги);
- работа с семьей (триадой и более).

>1 Частота сеансов: 1-2 раза в неделю по 1,5 часа с диадой, семьей или по 50 минут с одним членом семьи.

Продолжительность психотерапии от 20-40 сеансов до 1-3 лет (иногда более) в варианте длительной семейной психотерапии и 12-15 сеансов с частотой 2-3 раза в неделю по 90 минут каждый в варианте краткосрочной семейной психотерапии *{из практики А.Н.Харитоновой, И.И. Андрюшина}*. Дата окончания оговаривается только во втором варианте.

Кабинет должен иметь объем больше, чем это принято в случае индивидуального консультирования и психотерапии, рассчитанный на 3-5 (7) человек, с игрушками, мягкими креслами, игровыми предметами и выполненный в приятной сбалансированной цветовой гамме.

Семейный психоаналитический психотерапевт должен обязательно иметь:

- а) базовое психологическое или медицинское образование;
- б) специализацию в области психотерапии (желательно психоаналитически ориентированного направления);
- в) специальные знания в области семейной психологии, семейной психотерапии, в том числе, семейной психоаналитической психотерапии;
- г) опыт решения психологических личностных и семейных проблем (конфликтов, кризисов, трудностей);
- д) опыт супервизирования с более опытными коллегами (психоаналитиками, клиническими психологами, семейными психотерапевтами), т.е. 1-2 завершенных случая семейной психологически ориентированной психотерапии.

Еще раз подчеркнем, что семейный психоанализ, как один из видов (направлений) современного психоанализа имеет все основания быть самостоятельным научно-практическим направлением, и имеет все перспективы для плодотворного развития.

Литература

1. Александер Ф., Селесник Ш. Человек и его душа: познание и врачевание от древности до наших дней/ Пер. с англ. М.: Прогресс-культура, 1995.
2. Балинт М. Базисный дефект: Терапевтические аспекты регрессии. М.: Когито-центр, 2002.
3. Блум Дж. Психоаналитические теории личности. М.: Академ, проект; Екатеринбург: Деловая книга, 1999.
4. Браун Д., Педдер Д. Введение в психотерапию: Принципы и практика психодинамики. М.: Класс, 1998.
5. Браун Дж. Психология Фрейда и постфрейдисты. М.: Рефлбук, 1997.
6. Браун Дж., Кристенсен Д. Теория и практика семейной психотерапии. С.-Пб.: Питер, 2001.
7. Винникотт Д.В. Маленькие дети и их матери. М.: Класс, 1998.
8. Винникотт Д.В. Разговор с родителями// Пер. с англ. М.: Класс, 1999.
9. Жалюнене Е.В. Вклад Р.Фейрнбейрна в теорию объектных отношений⁷/ Российский психоаналитический вестник, 1994. № 3-4. С. 187— 191.

10. Кан М. Между психотерапевтом и клиентом: новые взаимоотношения. С.-Пб.: Б.С.К, 1997.
11. Кернберг О.Ф. Агрессия при расстройствах личности и перверсиях/ Пер. с англ. М.: Класс, 1998.
12. Кернберг О.Ф. Отношения любви: норма и патология. М.: Класс, 2000.
13. Ключевые понятия психоанализа/Пер. с нем. - С.-Пб.: Б.С.К., 2001.
14. Кляйн М. Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников. С.-Пб.: Б.С.К., 1997.
15. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М.: Высш. школа, 1996.
16. Марсон П. 25 ключевых книг по психоанализу/ Пер. с франц. Челябинск, Урал ЛТД, 1999.
- П. Обухов Я.А. Значение первого года жизни для последующего развития ребенка (обзор концепции Д.В.Винникотта). М.: Р МАПО, 1997.
18. Оудсхоорн Д.К. Детская и подростковая психиатрия. М: Соц. и клин, психиатрия, 1999.
19. Психоанализ в развитии: Сборник переводов/ Сост. А.Н. Поршенко, И.Ю. Романов. Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
20. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа/ Пер. с англ. С.-Пб.: ВЕИП, 1995.
21. Семейная психотерапия. С.-Пб.: Питер, 2000.
22. Соколова Е.Т., Чечельницкая Е.П. Психология нарциссизма. М.: Учебно-методический коллектор «Психология», 2001.
23. Тайсон Д., Тайсон Ф. Психоаналитические теории развития. Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
24. Харитонов А.Н. Объект-теории как методологическая основа семейной психоаналитической психотерапии// Душевное здоровье человека - духовное здоровье нации: Материалы V Всероссийской конференции по психотерапии. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. СЛО.
25. Харитонов А.Н. Психоаналитический подход в семейной психотерапии // Психотерапия сегодня: Материалы III Всероссийской конференции по психотерапии. М.: Изд-во Института психотерапии, 1999. С. 120-123.
26. Харитонов А.Н. Семейное психоаналитическое интервью// Психотерапия сегодня: Материалы III Всероссийской конференции по психотерапии. М.: Изд-во Института психотерапии, 1999. С. 118-120.
27. Харитонов А.Н. Семейный психоанализ как самостоятельное направление семейной психологии и семейной психотерапии// Душевное здоровье человека - духовное здоровье нации: Материалы V Всероссийской конференции по психотерапии. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. С. 18.
28. Харитонов А.Н. Типология семейных отношений// Актуальные проблемы семьи в современной России: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2002. С. 59-61.

Размышления о докладе Скотта Даулинга «Современные представления о целях психоанализа»

М.В.Ромашкевич

Благодаря прекрасному докладу Скотта Даулинга, мы увидели, как изменился психоанализ за 110 лет своего существования. Появление новых теорий открывает нам новые области познания психики человека и новые возможности клинической помощи нашим пациентам. Раньше в США преобладала школа эго-психологии, но сейчас мы видим такое разнообразие школ, как ни в какой другой стране.

Подобное развитие свойственно каждой живой растущей науке. Это вполне оправдывает ожидания, которые Фрейд возлагал на будущие открытия в психоанализе. Он хорошо понимал границы возможностей своего метода и никогда не претендовал на всезнание.

Психоанализ Фрейда – хороший метод познания психологии либидинозных влечений эдипова возраста, а также хороший способ лечения эдиповой патологии, под которой подразумевают невроты переноса (истерические и навязчивые). Один из эффективных инструментов классического аналитика – интерпретация триадного конфликта, помогающая найти лучший компромисс между любовными влечениями и требованиями супер-эго и реальности.

Фрейд не доработал свою теорию влечений, хотя она была одной из главных в его учении. Он в большей степени описал феномены влечений, чем создал теорию о них. И до сих пор идут споры – писал ли Фрейд о влечениях или об аффектах. Теория аффектов, как и теория влечений, по сей день далека от завершения. Так же продолжаются дискуссии по поводу того, в каких местах разных своих работ Фрейд подразумевал «эго», а в каких – «селф» под одним и тем же словом.

В каждой новой психоаналитической теории есть область знания, уже известная из других теорий, но изложенная новым психоаналитическим языком. И другая область знания, которой не было в предыдущих теориях. Иногда сам язык новой теории несет в себе часть нового видения и нового знания об уже известном предмете. Сегодня грамотный аналитик должен изучать все, или хотя бы большинство наиболее важных теорий. Только тогда у него сформируется объемное, многогранное видение человеческих проблем.

Мы все ценим психоанализ и знаем его уникальное свойство – очаровывать людей. Не зря Фрейд сравнивал его с золотом! Это метафора не только ценности, но и специфического очарования, словно бы поклонение золотому тельцу. Так же очарован ребенок, открывающий для себя сексуальную сторону жизни. Главным для Фрейда было беспристрастное исследование психического конфликта. Но мы все знаем о неизбежности первичного разочарования в психоанализе.

Сейчас золото сохраняет свою ценность, но оно практически лишилось своей значимости денег, как символа товара. Говоря аналитическим языком, оно стало символической эквивалентностью, то есть самим товаром. В современной жизни более значимыми деньгами стали цифры на экранах компьютеров или бумажных чеках торговых бирж и банков, посредством которых совершается основная масса финансовых операций в мире по безналичному расчету. Но ценности как товара, эти виды денег (символы) не имеют: они уже не очаровывают, как золото, они дешевле даже той меди, с которой Фрейд сравнивал психотерапию. Таковы парадоксы развития человека и человечества.

Развитие психоанализа находится в общем русле развития человеческой цивилизации, которое напрямую связано с развитием символизма во всех областях жизни. Как деньги все больше освобождаются от своей «товарности», так и символы все больше освобождаются от «символической эквивалентности» – это одно из важнейших свойств развития как такового. Самые глубокие области психики, которые было невозможно символизировать в рамках фрейдовского классического психоанализа, сейчас все больше становятся доступными психоаналитическому пониманию. История развития цивилизации способствует более глубокому раскрытию человеком самого себя, своей сущности, давая тем самым все больше возможностей для творческого самовыражения. В этом содержится парадокс жизни: развиваясь, человек спускается в свои глубины, чтобы вынести их на поверхность, в реальность. А эти глубины соответствуют самым ранним стадиям развития психики – доэдиповым, младенческим. В результате многие пациенты, которых Фрейд характеризовал как примитивных, «с логикой борща и галушек», теперь оказываются аналитически курабельными.

Известно Фрейдовское высказывание, что «аналитик не должен чрезмерно хотеть вылечить пациента, а должен быть беспристрастным исследователем, а излечение возможно появится как побочный эффект психоанализа», было хорошим советом для преодоления сопротивления невротического пациента, зачастую больше желающего реализовать свою переносную любовь к аналитику, чем вскрыть и разрешить конфликт. Но сегодня мы относимся к этому по-другому, примерно так: «аналитик не должен хотеть вылечить пациента больше, чем хочет того сам пациент». Когда страдающие люди и тратят много сил, времени и денег на психоанализ, невозможно поверить, что они могут не хотеть вылечиться, а просто хотят лучше изучить себя. Нам понятно, что, несмотря на сопротивление, какая-то часть их стремится вылечиться. И наша задача – установить контакт с этой частью и помочь ей. Сегодня аналитическая курабельность пациентов определяется в основном возможностями здоровых частей психики или от другими факторами, а не ограничивается неврозами переноса. Другой вопрос, что сегодняшние аналитики ищут контакт с этими здоровыми частями личности на гораздо более ранних, до-эдиповых, младенческих уровнях – а это гораздо сложнее.

Можно сказать, что классический психоанализ конфликта является и ядром клинической работы аналитика, и ядром психоаналитического тренинга. Без возможности пройти в личном тренинговом анализе через невроз переноса и прочувствовать свой эдипов комплекс не может получиться ни хорошего аналитика, ни хорошего терапевта. И Фрейд заложил это ядро в психоанализ. Но это совершенно не значит, что вся психика человека, и вся клиническая практика аналитика должна состоять из одного «ядра». При всей своей ценности, ядро – это только часть чего-то большего.

Ядро динамического бессознательного, связанного с вытеснением и конфликтом, окружено огромной сферой нединамического бессознательного, где господствуют расщепления и парадоксы. И эта сфера так мало изучена потому, что нам очень трудно увидеть мир глазами младенца, понять его, когда собственно «его» еще нет, а есть «нечто» непонятное. (Фильм «Солярис» и многие другие произведения искусства хорошо показывают неготовность человека встретиться с неподобными себе.)

Когда Жан Пиаже рассказал о своем изучении детей Альберту Эйнштейну, тот потрясенно воскликнул: «Да! Понимание атома – это ‘детская игра’ по сравнению с пониманием детской игры». Сложность понимания заключается в том, что Вейкко Тэхкэ описывает как феномен взрослообразности, или взросломорфизма мышления (*adultomorphism*). Взрослый человек вырос из мистического, архаического мировосприятия и не хочет туда возвращаться. Русские могут выучить английский, а англичане – русский. Но как современному цивилизованному человеку понять, а тем более выучить язык какого-нибудь примитивного африканского племени, состоящий, например, из 30 слов и тысячи гортанных звуков, большую часть которых ни его ухо не улавливает, ни его гортань не в состоянии воспроизвести?

Однако подобное становится возможным благодаря нахождению более рафинированных символов, не обремененных символической эквивалентностью. Возможно, поэтому некоторые аналитики даже считают, что неанализабельных пациентов нет вообще, что всем можно найти способ помочь.

Мы знаем о тех гениальных аналитиках, которым это удается. Например, открытие роли нарциссических видов переноса в психоанализе стало одним из таких «почти неуловимых и почти невозпроизводимых гортанных звуков примитивного языка психики». Одно время его даже называли не переносом, а переносоподобным состоянием. И теперь, в отличие от Фрейда, мы уже знаем, что у каждого человека, и больного, и здорового, есть нормальная часть нарциссического либидо, дающего энергию для творческой реализации в переходном пространстве объектных отношений.

Нарциссическое либидо является основой нарциссических видов переноса, столь необходимых для самых тяжелых пограничных и психотических пациентов, не способных к развитию объектных видов

переноса. Эти виды переноса являются «лекарством», «кислородом», единственной связью с селф-объектом, без которого невозможна психическая жизнь. Они требуют от аналитика поддержки, а не интерпретации. В то время как (объектный) невроз переноса является сутью конфликтов, проблем и психопатологии пациента, аналитик должен его разрушить интерпретациями, чтобы помочь пациенту избавиться от связи с инцестуозным объектом, несущим психическую смерть. Нарциссический перенос требует применения более рафинированных символов. Символизм классических интерпретаций отягощен символической эквивалентностью, а именно: он соблазняет пациента на сексуализацию и конкуренцию. Это и разыгрывается в неврозе переноса, и является терапевтическим для разрешения невротического конфликта. Отзеркаливание и тому подобные техники имеют более тонкий символический механизм: они совершенно другим способом превращают нарциссического либидо в объектное, преодолевая расщепления.

Только после этого пограничные или психотические пациенты будут способны сообщить аналитику нужный материал в классической технике свободных ассоциаций и смогут воспринимать интерпретации триадного конфликта. Знание многих невидимых областей нединамического бессознательного мы получаем от наблюдения за детьми – в отличие от знаний детства в классическом психоанализе, полученных из свободных ассоциаций взрослых. И мы стали намного больше видеть и понимать, что такое психическая травма в очень раннем, младенческом возрасте.

Думаю, здесь уместно сравнение нарциссического и объектного либидо с мертвой и живой водой из русских волшебных сказок. Мертвая вода (нарциссическое либидо) сращивает разрубленные куски тела сказочного героя (преодолевает расщепление), а живая вода (объектное либидо) оживляет героя и дает силы (для достижения эдиповой победы над конкурентом-врагом и соединения с объектом эдиповой любви).

Взросломорфизм Фрейда придавал вторичное значение объекту любви и объектным отношениям вообще по сравнению с либидинозным влечением: он знал только один вид объектных отношений – триадный, один тип объекта – целостный, и один тип любви – эдипову любовь. Это само собой разумелось - как мы не думаем о важности воздуха для нашей жизни, пока не появится угроза его лишения. Поэтому казалось глупым тратить время изучение объектных отношений. Новые теории дали нам познание нецелостности и незрелости самого субъекта (как «жителя другой психологической вселенной»), а так же познание более ранних его отношений с объектами любви (тоже из «другой психологической вселенной») – диадных, симбиотических, до-объектных; а так же понимание разных видов объектов – переходных, нецелостных, неличностных, функциональных, расщепленных, частичных, «как мать-обстановка», - мы поняли важность объекта любви, важность отношений с ним именно из-за совершенно другого качества и содержания этой любви как привязанности (attachment) и слияния (симбиоза). Ференци был первым, кто попытался

привлечь внимание Фрейда к нединамическому бессознательному, где отсутствует «воздух» триадных отношений – в этом и состоял их конфликт. Поэтому многие, называя Фрейда отцом психоанализа, называют Ференци матерью психоанализа.

Соответственно этому появились новые концепции, параметры, правила психоаналитической техники и сеттинга, расширился наш набор аналитических инструментов – о чем докладчик прекрасно нам изложил – чтобы лучше соответствовать потребностям более нарушенных пациентов, с логикой парадокса, а не конфликта. Сегодня мы в большей степени нацелены на заботу о разных пациентах и обращаемся к психоаналитическим теориям и школам с таким вопросом: «Какой подход лучше поможет мне понять данного пациента и лучше помочь ему?». Если мы не видим доэдиповые формы переноса и контрпереноса, то это ведет к их отыгрыванию и повторению раннего детского травматизма, превращает аналитика в соврагителя или насильника, а пациента - в жертву.

Формулировка главной ценности психоанализа как «чистого познания», «науки ради науки» является иллюзией, скрывающей удовольствие ребенка при открытии для себя сексуальной стороны жизни. В викторианскую эпоху Фрейда психоанализ был почти единственным легитимным способом познания своей сексуальности для «культурного человека». После сексуальной революции 20 века (в том числе – благодаря и самому психоанализу), теперешние наши пациенты приходят главным образом за терапевтической помощью, а не за сексуальным просвещением. Во взрослой жизни любое познание не мыслимо без практической пользы, вытекающей из него. Как дешевые цифры-деньги стали практичнее и актуальнее дорогого золота, так и терапевтический, клинический аспект современного психоанализа стал важнее чисто научно-наблюдательного. И стимулом для появления новых теорий в психоанализе стало стремление к более эффективной терапевтической помощи нашим пациентам.

За свою историю психоанализ преодолел разные иллюзии: всемогущественного «всезнания» психики, возможности «полного анализа» и полного разрешения своих проблем, т.д. Мы уже не боимся осознания того, что чем больше наша сфера знания, тем больше точек соприкосновения с непознанными сферами. Внушает оптимизм тот факт, что постепенно мы сможем все больше смотреть на разнообразие аналитических школ и теорий как на возможность пополнения наших познаний человеческой психики, что поможет нам лучше помогать нашим пациентам.

Размышления над докладом Кеннета Райша «От объектных отношений к теории отношений: надежда в терапии пар»

В.А.Потапова

Работа терапевта с парой - сложная, многогранная и неоднозначная задача, оставляющая больше вопросов, чем решений.

Что определяет выбор пациентами такой формы терапии? Почему семейное консультирование, помогающее выявить ракурс внутренних конфликтов и их интерсубъектных отыгрываний в контексте проекций и проективных идентификаций не позволяет в каких-то случаях прийти индивидуальной работе со своим интрапсихическим в личном анализе и, тем самым сохранить в паре тайну сексуального возбуждения, о которой говорит О.Кернберг в работе «Отношения любви: норма и патология», ссылаясь на работы Столера. Он отмечал важность тайны в сексуальном возбуждении, описывая анатомические и физиологические факторы, которые во взаимодействии с эдиповыми желаниями и опасностями вносят вклад в качество возбуждения и фрустрации и являются частью тайны. Тайна и продуцирует, и отражает сексуальные фантазии.

Столер подчеркивал функцию сексуального возбуждения в воспроизведении опасных и потенциально фрустрирующих ситуаций и их преодоления путем удовлетворения специфическими сексуальными фантазиями и действиями.

О.Кернберг заключает: «с точки зрения способности к сексуальному возбуждению и эротическому желанию и способности к интеграции доэдиповых и эдиповых объектных отношений, интеграция либидо и агрессии, любви и ненависти постепенно становится основным аспектом способности к любовным отношениям, а также патологии в любовных отношениях (Кернберг, 2000).

Другой, столь же важный вопрос к нам самим - почему мы выбираем такой метод работы и в какой концептуальной парадигме мы строим нашу технику? В любом случае, в семейной терапии мы соединяем технику индивидуального и группового анализа, ставя пару, семью в центр нашего внимания, создавая согласно основоположнику группанализа Фулксу «группоструктурирующую норму», привнося, как считает А.Грин, тот ответ, который исторически объект не принес субъекту. Функцию какого объекта мы несем в определенный момент терапии? Контейнирующего и привносящего символический смысл, осуществляя функцию альфа, объекта для отыгрывания индивидуальных и групповых переносов, защитного психического конверта-кожи Я, защищающего от непереносимых несвязанных возбуждений. Одновременно, всемогущего и соблазняющего, что присуще взаимоотношениям с первичным объектом. Но аналитик еще и третий, несущий слово Другого, разделяющий всегда существующий симбиоз «сумасшествия вдвоем». Тогда согласно концепции Рене Руссийона о символизирующей функции объекта (где он разделяет объект, который

символизирует и объект, чтобы символизировать), субъект обретает возможность символизировать с третьим нехватку и неполноту, воспринятую в отношении с первичным объектом.

Аналитический сеттинг сам по себе создает треугольное пространство, где присутствует пациент, амбивалентные репрезентации отца и матери аналитик но и мужчина и женщина, реальные отец и мать и третий в семейной терапии. Итак, аналитическое пространство становится сценой, на которой разворачивается психологическая драма, происходят множественные взаимодействия между разными персонажами, а аналитик одновременно и участвует в ней и наблюдает за ней. В результате множественных переносов, проигранных на этой сцене, знание себя приходит через понимание других: матери, отца, аналитика-партнера. «Интерсубъективное становится необходимым посредником для осознания интрапсихического» считает А.Грин. Понимание А.Грином интерсубъектного отличается от понятия интерперсонального.

Во французской психоаналитической школе интерсубъективное означает взаимодействие между двумя бессознательными внутренними мирами, коммуникация. При этом, во многом основывается на возникающих в ходе игры проекции и интроекции эмоциях и фантазиях у аналитика и пациента, интрапсихическая реальность каждого из которых тесно связана с бессознательным. Влечениями и инфантильной сексуальностью Фрейд описывал влечение в соответствии с четырьмя характеристиками: толчок (Trieb), истоки его соматической конституциональной природы, направленность на цель - удовлетворение при помощи случайного, частичного объекта до того, как эти влечения не организуются под приматом генитальности и не направляются на поиск цельного объекта, с которым и связывается удовольствие. Объект придает цель и смысл влечениям. Но их дуализм неизбежно приводит к психическому конфликту. По мнению французских психоаналитиков дуализм влечений необходимо рассматривать в соответствии со структурой психического объекта. Влечение носит с самого начала дуальный характер из-за двойственности инвестирования объекта. Амбивалентный конфликт между любовью и ненавистью конституирует рождение объекта. По мнению Фрейда, этот конфликт происходит из-за либидинозного влечения к связи с объектом и деструктивного влечения к разрушению этой связи.

Когда Джеки и Пьер пришли на семейную терапию, разрушаемые своими внутренними конфликтами и под гипнозом семейных межпоколенческих паттернов, на что они надеялись?

На изменения паттернов их отношений на более зрелые и эффективные, на появление себя и отдельности каждого из них, на помощь их сыну Джейсону? Почему то мне кажется, что основная надежда - это любовь не Агапе (любовь к ближнему) не теофилия, а Эрос - любовь, познаваемая через объект, влечение к объекту. «Способность свободно испытывать сексуальное наслаждение составляет начальную стадию проверки, насколько каждый из них (партнеров) способен к свободе,

богатству и разнообразию сексуальных отношений. Способность смело встречать сексуальные запреты, ограничения или отвержения партнера есть выражение стабильной генитальной идентификации в противоположность яростному отвержению и обесцениванию партнера» - пишет О.Кернберг.

Джеки и Пьер пришли в терапию двумя маленькими детьми, анаклитически слитыми в своем страхе и отвержении зрелой генитальной любви мужчины и женщины, все более отдаляющимися друг от друга, погружаясь в зависимость от наркотических и алкогольных суррогатов симбиотической связи с первичными объектами. Их сын - их симптом, который кричит об этой зависимости, но они не могут занять родительской позиции, где признается функция третьего - отца, защищающего и несущего закон. Сверх-Я предстает архаическим и инцестуозным, запрещающим. Отец, обесцененный всемогущей фаллической матерью, страшится своей жены и Пьер либо страдает преждевременной эякуляцией, либо садирует жену вплоть до кастрации - он ей повреждает руку и испытывает желание близости. Она, движимая привычным отказом от своих чувств, соглашается (мать затыкала рот, отец не хотел слушать) и далее, идентифицируясь с агрессором, переживает гинекологическую операцию, окончательно кастрируя тем самым свою женственность и более сопротивляясь отношениям мужчины и женщины в их паре. Здесь я разделяю мнение ряда авторов - Катрин Пара, Сильви Фор Пражье, Жаклин Шеффер о женском активном принятии через принятия фаллоса вагиной и вынашивании ребенка.

Что стоит за этим: реализация желания матери видеть ее мальчиком? Ее собственный страх своей латентной бисексуальности? «Бисексуальность... Я тоже привыкаю рассматривать всякий сексуальный акт как событие предполагающее четырех участников» - пишет Фрейд Флиссу в августе 1899 года. «Встреча двух не может состояться без встречи четырех, т.е. без принятия мужского и женского в себе» - размышляет Д.МакДугалл в своей статье о женской гомосексуальности. Желание ничего не чувствовать (а именно инцестуозное влечение) как при промискуитете, спровоцированном изменами отца и возможным, тайным от матери поиском встречи с ним. И виной, и наказанием кастрацией.

Что разворачивается на аналитической сцене перед глазами аналитика? Фантазм первосцены как защита от соблазняющей матери, первосцены первертной, с насилующим отцом-мужем, наполненной не интегрированными возбуждением и насилием. Как будто бы все фантазии, не имеющие возможности символизироваться в психическом, проигрываются в символизации на уровне тела, как это описывает Бержере. И, конечно же, фантазм кастрации, приводящий хаос первосцены в порядок, связанность, смысл: три персонажа, инцестное желание, запрет, угроза наказание, отказ от удовольствия. Контроль жесткого Сверх-Я. Что показывает эта пара своему аналитику за упреками, проработанными в переносе? Не содержатся ли упреки в отказе от мира фантазий и желаний, не всегда вписывающихся в тот или иной паттерн?

Утвердившаяся в своей самости Джеки снова удаляется в комнату и приходит с этим к аналитику. На что она сейчас надеется? Что пытается Джеки сообщить своему психоаналитику во сне с отцом, которому она жалуется, что ее нет? Может она взывает, может хочет узнать, готов ли аналитик увидеть в ней не просто хорошую женщину, лучше справляющуюся со своими страхами и запретами, способную к диалогу с мужем, но и женщину, наполненную желаниями, фантазиями, например, чтобы муж поднялся к ней и готовую соединиться с этим Другим незнакомым ей мужчиной без запрета на удовольствие? Возможно, она удалилась, чтобы думать о нем, об аналитике, об отце, расставание с которым не прогоревано. В конце концов, Джеки продает катер отца, который занимал слишком много места в ее психическом пространстве. Но не может одеть халат, подаренный мужем, боясь регресса быть вновь помещенной в объект как во всемогущую мать. Джеки предпочитает ручку и блокнот, подаренные сыном как возможную фаллическую защиту или как возможность быть активной, например, в творчестве своих отношений с мужчиной.

Нет ли в ее поступках борьбы за то, что в терапии лишены места ее инфантильные фантазии и желания, напоминания о том, что «Оно» отменить невозможно.

С сайта Общества психоаналитической психотерапии

Советские евреи: психоаналитический очерк

А.М. Кантор

«Еврейские скисающие сливки»

«Еврейский вопрос» — более чем традиционная и острая тема в российской культуре и менталитете последних двух столетий. Всякий раз — в периоды социальных потрясений — он актуализируется, «задевая за живое» самые различные слои российского (русского) общества. И это не зависит от числа евреев в стране. «Еврейский» пункт (фиксация) связан с приписыванием им необычных качеств: ума или вредности, вездесущности и т.п.

Детская считалка: «Сколько время? — Два еврея. Третий — жид, по веревочке бежит».

Народные частушки: «В Третьяковской галерее на стене одни евреи, среди трех богатырей — Илья Муромец — еврей»...

Из анекдота 70-х гг.: «Беседуют члены Политбюро: «Сколько у нас евреев?» — «Миллиона 2—3». — «А сколько захотят уехать, если мы откроем границу?» — «Наверное, миллионов 10...».

Эти примеры характеризуют нееврейские образы еврейства России, хотя российская идентичность евреев сформировалась именно с участием и под воздействием среды российской. Начну, как подобает психоаналитикам, с момента «там и тогда».

В архивах «евсекции» («еврейской секции») Наркомнаца (Народного комиссариата по делам национальностей) хранится немало материалов: писем, документов, отчетов и др. многочисленных бумаг, содержащих немало сведений о жизни местечка в первые годы советской власти, о настроениях, чаяниях его обитателей и т.д. В них совершенно очевидно отторжение традиционного местечкового быта, желания «строить мир по-новому». Часто упоминаются конфликты с раввинами — «носителями мракобесия», «верующими в бога — отсталыми стариками» как примеры «классовой борьбы». Например, у местечкового парикмахера были конфискованы ножницы и другие предметы его ремесла как «орудий классового господства», причем инициатором конфискации являлся сын парикмахера. Вообще фактов подобного рода было немало, и отнюдь не только курьезных.

Революция на деле способствовала выходу евреев из местечек, вовлечению их в жизнь «большого общества» — участию в деятельности гражданских и государственных институтов, что было необычным и даже шокирующим не только для многих евреев, а в первую очередь для неевреев.

«Сахар Бродского,/ чай Высоцкого,/ Россия — Троицкого» и «Гоп, мои гречаныки, вси жида — начальныкы» — частушечные свидетельства событий того времени.

Среди «начальников»-евреев выделялась фигура «комиссара» — выходца из местечка — с характерной жестикующей, смешными ошибками в русском языке, соответствующим акцентом, бывшего ешибохера (ученика еврейской религиозной школы — «ешивы») и носителя «передовых революционных идей». В общественной мысли и беллетристике 20-30-х гг. представлены комические (Абрам Пружинер в «Белой гвардии» М. Булгакова), трагикомические (в романе И.Эренбурга о Лазике Ройтшванце) и трагические (в «Конармии» И. Бабеля) типы таких людей.

Их протест против еврейской традиции выглядел весьма радикальным. «...Хаим Без / делать сыну обрезанье отказался наотрез. / Первый случай в Кишиневе — / что придумал, сукин сын!/ Говорит: «Довольно крови,/ уважаемый раввин». (И. Уткин «Повесть о рыжем Мотэле», 1925).

Энергия отрицания ритуала столь значительна, что еврей позволяет себе выпады почти на грани антисемитского «кровавого навета».

Другой неофит революции, Э. Багрицкий, спустя десятилетия вспоминал свое еврейское детство таким образом: «Меня учили: крыша это крыша,/ груб табурет, убит подошвой пол,/ ты должен видеть, понимать и слышать,/ на мир облокотиться как на стол» («Происхождение», 1930); «...под окнами тот же скопческий вид, тот же кошачий и детский мир, который удушьем ползет в крови, который до отвращения мил... двор в колючих кошках, в мертвой траве, не разберешься, который век» («ТВС»).

Это был замкнутый, неподвижный и полный унижительного страха мир, с которым не могло окончательно смириться и само еврейство.

«Еврейские павлины на обивке,/ еврейские скисающие сливки,/ костыль отца и матери чепец,/ все бормотало мне: подлец, подлец» («Происхождение»).

Еврейское местечко сформировало специфический Эдипов комплекс российских евреев. Он связан с вынужденно матрилокальной структурой еврейской семьи в силу социально репрессированной позиции еврейского отца, его социальной приниженности. Однако позиция еврейской матери («идише мамэ»), занятой, преимущественно, домашними делами, являлась более самостоятельной и цельной.

Приведу ряд свидетельств орального уровня развития — из еврейских колыбельных песен (эпохи оседлости).

«Фейгеле, люли. Дер Татэ знито ги. Ву из тате гефорн кеин ярмарка. Эр вет шикн цванцик долер, Заунт портрет дертсу, Ун вет немен, лебн здер, ундз ахинцуцу».

(Иди спать, моя птичка! Где твой папа? Твой папа поехал на базар. Отец нас оставил, поехал за счастьем в Америку. Он пришлет тебе 20 долларов, свой портрет и заберет нас отсюда).

Отец в еврейских колыбельных почти всегда вне дома. Поэтому именно еврейская мать несет всю полноту ответственности за ребенка; не только за его здоровье, но также за его духовное развитие и будущее.

«Майн кинд вет Зайн гезунт инт фриш. Дос кинд вет лернен, Тойре вет ер лернен, Шторим вет ер шрайбн. А гутер ун а фрумер йид, Вет майн кинд блаибн».

(Мой малыш будет здоровым, Он станет изучать Тору (Священное Писание), Он сам станет писать святыи книги, Он станет хорошим и благочестивым евреем).

Отношения между ребенком и его матерью в еврейской семье достаточно долго оставались симбиотическими. Возможно, отсюда берут истоки полярные характеристики еврейских мужчин: «матерински зависимых» (т.н. «тихих евреев» или, по выражению одного из психиатров начала века, — «юдофреников») и, наоборот, экстремально маскулинных («хитрый, нахальный еврей»). В первом случае имела место идентификация с подчиненной позицией отца, во втором — гиперкомпенсация мужской роли. Нередко встречается сочетание двух этих крайних типов у одной личности. (В американских психоисторических штудиях обычно речь идет о воплощениях первого типа — у Мартова, второго — у Троцкого).

Базовое еврейское Супер-Эго российской диаспоры представляется в этом случае противоречивым, а Эго — расщепленным. Последнее ведет к так называемой «обученной беспомощности» (learned helplessness) или устойчивым негативным эмоциям, депрессиям, базовым страхам существования, «полным грусти еврейским глазам».

Данная Эдипова ситуация проливает свет, по моему мнению, на «еврейское упрямство» и перфекционизм, страсть к резонерству и другим видам obsessions и compulsions.

Еврейский обычай «нахеса» (желание родителей видеть в детях свое продолжение и самореализацию, характерное для европейских евреев-ашкеназов), упомянутый выше, без сомнения, представляет собой род нарциссического проекта: «мы жили плохо, но наши дети должны выйти в люди (стать богатыми, образованными и т.д.)». Чувство вины перед родителями акцентировалось виной перед нееврейским, преимущественно антисемитским окружением. Этническая (и личностная) идентичность евреев была, таким образом, семейно-персоналистической, что порождало стремление еврейских детей доказать собственную «лучшесть», обеспечить повышенную защищенность существования, ориентируясь на успехи и т.п.

Казалось, шансы были...

Первые десятилетия советской власти, казалось, давали шансы на гармонизацию еврейской идентичности. И хотя имел место также этнический нигилизм (не только среди евреев) типа легендарного высказывания Троцкого: «Я не еврей, а коммунист-интернационалист», есть и другие свидетельства. В рассказе И. Бабея «Сын рабби» автор встречается на польском фронте гражданской войны со смертельно раненым сыном житомирского раввина, красноармейцем Брацлавским. В сундучке бойца «портреты Ленина и Маймонида (Средневековый еврейский философ. – Ред.) лежали рядом... и на полях коммунистических листовок теснились кривые строки древнееврейских стихов. Печальным и скучным дождем падали они на

меня — страницы «Песни песней» и револьверные патроны». Примечательны последние слова юноши: «Мать в революции — эпизод, — прошептал он, затихая. — Пришла моя буква ... и организация услала меня на фронт...».

Идентификация с революцией здесь вовсе не исключает, но включает еврейство; революция, таким образом, становится субститутотом родительства. Незадолго до своей смерти Э. Багрицкий (в поэме «Февраль», написанной в 1934/35 гг.) так вспоминает о революции: «Моя иудейская гордость пела,/ как струна, натянутая до отказа... / Я много бы дал, чтобы мой пращур/ в длиннополом халате и лисьей шапке/...признал потомка/ в детине, стоящем подобно башне/ над летящими фарами и штыками».

Речь шла не о потере еврейства, но о приобретении им нового, «высокого» статуса согласно идишитской поговорке «Дер Мистер верд а шистер, унт шистер верд а мистер» (Хозяин станет сапожником, а сапожник хозяином). Лион Фейхтвангер, посетивший СССР в конце 30-х гг., встречался с московскими евреями; они, по его словам, ощущали себя полноценными советскими гражданами, а их национальное достоинство ни в чем не ущемлялось («Москва в 1937 г.» М., 1990).

Однако в течение последующих военных и послевоенных лет (40—50-е гг.) положение дел в отношении евреев резко меняется: они становятся советскими париями. Помимо гибели в огне второй мировой войны многих очагов восточно-европейского еврейства, оно пострадало также от грандиозной сталинской «кадровой революции», начавшейся еще в 30-е годы; в результате последние евреи были практически «вычищены» почти со всех крупных государственных постов. В итоге советские евреи лишились любых форм реального этнического существования и самовыражения: от мест компактного проживания до учебных заведений, прессы и т.д.; они стали пропагандистским «образом врага» (или «козла отпущения»), в целом — экраном проекций всевозможных страхов советской власти и населения. Актуализируется, казалось бы, вытесненное за послереволюционные годы чувство «еврейской вины». «В чем мы провинились, Генрих Гейне?! Чем не угодили, Мендельсон?..» (М.Алигер, 1942); «евреи — люди лихие,/ они — солдаты плохие,/ Иван воюет в окопе,/ Абрам торгует в рабкопе. Я все это слышал с детства,/ скоро совсем постарею, /но все никуда не деться / от крика: "Евреи, евреи!" /...ношу в себе, как заразу, / проклятую эту расу» (Б. Слуцкий, 50-е гг.).

Начинался новый этап истории советского еврейства, где «мы (евреи — А. К.), припертые к стене, в ней точку обрели опоры» (Б. Слуцкий). Очевидно, что «стеной» и «опорой» этничности явилась еврейская семья, вынужденно ставшая единственным еврейским «местечком» целого этноса. Неудивительно, что позднее местечко отождествлялось именно с семейной общностью: «...черта за чертою. / Пропала оседлость:/ шальное богатство, веселая бедность./ Селедочка — слава и гордость стола,/ селедочка в Лету давно уплыла» (Б. Слуцкий, 60-е гг.).

Довольствуясь малым, лишенная даже «мамэ лошэн» (материнского языка. — А. К.), еврейская семья, тем не менее, сохранила многие ценности этнической культуры: чадолюбие, почитание образованности и знаний, повышенную личную ответственность (видимо, отчасти связанную с чувством вины), ориентацию на «масоретские» профессии (учитель, врач, адвокат и т.п.) и даже мессианские представления в форме завышенных ожиданий от одноплеменников и др. Во многих семьях российских евреев сохранился старый ашкеназский обычай именованя новорожденных в честь уважаемых предков и запрет на повторение имен живущих.

И хотя «чисто» еврейские имена давались нечасто, другие условно соотносили с еврейскими: Ефим — Хаим, Альберт — Алтэр, Семен — Соломон и т.д.

Значимость синагоги как очага этнокультуры в целом была невелика, ее место, судя по всему, занимало семейно-родственное общение, протекавшее преимущественно в мифологизированной форме — устных рассказов, сохранения домашних реликвий: писем, фотографий, предметов быта и т.п. Во многих еврейских семьях коллекционировали книги, вырезки из печатных изданий с упоминанием евреев или еврейской проблематики и др.

Возврат в «еврейский дом»

Сведенная к повседневности, национальная идентичность становится пусть более архаической, но и более глубинной, бессознательно-эмотивной и, как ни парадоксально, укорененной. В этой связи примечательно сохранение еврейского самосознания среди почти 20% лиц еврейского происхождения, «записанных» в официальных документах неевреями. Между тем, семейно-центричность еврейства также принадлежит к фундаментальной традиции иудаизма, понимающего еврейство как «еврейский ДОМ». Недаром «еврейская семья» воспринимается многими неевреями как этнодифференцирующий признак евреев; а в русской среде — с доминирующими установками на государственность — как феномен, чуждый советскому и русскому обществу.

Однако социальная одиозность евреев, признаваемых общественным мнением позитивно лишь в качестве отдельных личностей («хороший человек, хоть и еврей»), вынуждала их вытеснять черты этнического характера, возрождая досоветский тип «закомплексованного» еврея с хрупким, уязвимым, нарциссическим самоуважением, вечно ищущим подтверждения и поддержки собственного, общественно слабого «Я».

Показательны следующие анекдоты. «Некто слушает репортаж о футбольном матче: «Хаим, ты слышишь?! Гол забил Гершкович!» — «И как ты думаешь, неужели засчитают?». «Вы читали, это невиданно: в зоопарке родился слон! — Ну, и как это отразится на евреях?». «На оперном спектакле «Евгений Онегин» муж обращается к жене: «Сарра, а как ты думаешь: кто из

них еврей?» — «Я думаю, что няня». — «Почему няня?» — «Она из них самая умная». — «Няня! Няня!!! Браво няне!».

Реальный (неофициальный) общественный статус евреев имел, по существу, негативный модус: публично и позитивно признанными могли быть т.н. «дрессированные» евреи в качестве «борцов с сионизмом» или выступающие в системе пропаганды с антизападных или антиизраильских позиций.

Еврейская история и культура (в любом, даже самом популярном варианте) для широкой аудитории отсутствовала (исключая, может быть, весьма редкие концерты еврейской музыки, преимущественно в провинции). Официальный советский журнал на языке идиш «Советиш Геймланд» читать было практически некому из-за незнания языка, почти весь небольшой (не обозначавшийся) тираж журнала вывозился в США.

Итак, сорокалетнее послевоенное существование еврейства было, без преувеличения, пустынным. Его этничность все более регрессировала к семейно-родовому «местечку». Разумеется, эта «местечковость» не была абсолютно отграничена от «большого общества», особенно с конца 60-х г. г. Это было связано с 6-тидневной арабо-израильской войной, ростом правозащитного и сионистского движения, распространением радиоприемников «ВЭФ» и прослушиванием «Кол Исроэль» (Голос Израиля) и др. зарубежных радиостанций.

В расколдовании «евреев молчания», как называл советских евреев Эли Визел (румынский еврей, писатель, Нобелевский лауреат), иницирующую роль сыграло еврейство крупных городов СССР, главным образом столиц — Москвы, Киева, Вильнюса... Именно там религиозные праздники собирали массу народа, несмотря на контроль и противодействие этому властей. Многие иностранные наблюдатели отмечали предпочтение, отдаваемое советскими евреями праздникам Симхат-Тора и Пуриму; менее значимым для еврейского календаря по сравнению с Рош-Ашана (Новый год) и Пейсахом (Пасха).

Причина, очевидно, в том, что именно этим праздникам присущи карнавальность, атмосфера всеобщего ликования, способствующие публичному и позитивному самоутверждению, идентификации себя с еврейством как коллективным целым, снятию или ослаблению чувства социальной вины... «Тот, кто не видел своими глазами, как отмечается Симхат-Тора в Москве, тот никогда в жизни своей не наблюдал подлинной радости», — писал посетивший СССР в 70-е гг. XX века Эли Визел. (Э. Визел. Евреи молчания. // Цит. по: Й. Телушкин. Еврейский мир. М: 1992.С.357.)

** «Шалом» на иврите — «мир» в значении покоя, благословения. «Иерусалим» на иврите также означает «город мира».*

Теории сексуальной революции

Д.Костенко

Подходя к любому вопросу, начинать плясать всегда следует от печки, а печкой в случае сексуальной революции является человек, который раскрыл истинное назначение сексуальности в поведении человека - Зигмунд Фрейд (точнее, Фройд).

Именно Фрейд впервые показал, что сексуальность индивида подвергается репрессии со стороны общества.

Сексуальная репрессивность, обусловленная иудео-христианской моральной традицией, выражалась в подавлении сексуального влечения, принудительной моногамии, лишении многих членов общества возможности сексуального удовлетворения и в тайной сексуальной свободе элиты.

Отношение к общественной репрессии сексуальности у Фрейда было, если выразаться в терминах самого Фрейдизма, амбивалентным. С одной стороны, большинство тайных подавленных сексуальных влечений относилось к области бессознательного, потому, что они приходили в противоречие с общественными нормами, носили темный, противоестественный характер. Подавление этих инстинктов и сиюминутных половых влечений необходимо, потому что в случае их освобождения, обществу грозит самоуничтожение. С другой стороны, подавление сексуальных влечений, вытеснение их в бессознательное, приводит к неврозам, возникновению извращений. Какой же вывод делает отсюда Фрейд?

Дело в том, что Фрейд был великим и плодовитым мыслителем. Он написал много, и в ответе на этот вопрос он не менее многолик, чем Маркс в ответе на вопрос о форме диктатуры пролетариата. Именно многоликость и многовариантность учения Фрейда и породила существующую ныне пестроту школ психоанализа и неофрейдизма.

В разное время Фрейд то говорил о неизменности человеческой природы и неизбежности сохранения статус кво, то выражал надежду, что благодаря всеобщему распространению психоанализа, неврозы постепенно исчезнут и эволюционным путем произойдет глубинное изменение сущности человека, и сексуальные инстинкты будут в нужный момент удовлетворяться или сублимироваться.

Дальнейшее развитие психоанализа шло разными путями: Юнг и его школа критиковала Фрейда за гипертрофию сексуального, но нашелся человек, которому место, отведенное сексуальности в теории Фрейда, показалось недостаточным.

Вильгельм Райх (или Рейх в англоязычном варианте - 1897-1957) был первым из целой плеяды левых мыслителей XX века, которые пытались

запрячь в одну повозку трепетную лань фрейдовского психоанализа и марксистского мерина.

Поначалу Райх был членом германской компартии и приехал в Союз, восхищенный предложенной для иностранцев советской показухой, и даже опубликовал две свои статьи "Диалектический материализм и психоанализ" в советском журнале "Под знаменем марксизма" (там он доказывал, что фрейдизм не противоречит марксистской философии); и "Психоанализ и естествознание", где он доказывал, что психоанализ - это наука, а не выдумка буржуазных врачей, предназначенная для удовлетворения прихотей богатых пациентов.

Но добавка сексуального перчика к пресной марксистской каше оказалась неприемлемой для официальных идеологов. О причинах иммунитета к Фрейду марксистско-ленинской идеологии хорошо сказал Альбер Камю в "Бунтующем человеке": "Иные марксисты пытались, например, примирить свою доктрину с теориями Фрейда. Это было немедленно поставлено им в вину. Фрейд - еретический и "мелкобуржуазный" мыслитель, он вытащил на свет бессознательное, признав за ним по меньшей мере такую же реальность, как за "сверх-Я" или социальным "Я". Ведь отсюда недалеко и до того, чтобы признать за бессознательным определяющую роль в человеческой натуре, противопоставив ее историческому "Я". А человек должен к своему общественному и рациональному "Я", которое поддается расчетам".

Бунтаря Райха с треском вышибают из рядов германских коммунистов.

В 1927 году он публикует свою первую программную работу "Функция оргазма", в которой начинает развивать идеи, не характерные ни для классического марксизма, ни для традиционного фрейдизма. Спасаясь от преследования нацистов, Райх иммигрирует в США, где выходят его наиболее знаменитые работы "Психология масс фашизма" (1933) и "Сексуальная революция" (1936).

В "Функции оргазма" Райх ставит на место фрейдистского либидо - стремления к наслаждению и влечения к удовольствию, понимаемого шире исключительно сексуальности - более локальное понятие - функцию оргазма. Функция оргазма универсальна для всего живого, это основополагающий принцип, сочетающий в себе напряжение - разрядку - удовлетворение. Поздний Райх, на старости лет дошедший до некоего сексуально-мистического комизма, распространял функцию оргазма на неживые, космические объекты.

Будучи верным сторонником марксизма, Райх внес вклад и в развитие его категорий: вместо мировой политэкономии, он предложил свою сексуальную экономию. Жить сексуально-экономически - это свободно удовлетворять свои влечения, плюя на запреты и табу. В обществе, где большинство народа жили бы секс-экономически, не возникало бы неврозов. Но возможно ли такое общество? Современное общество, в котором культура - это результат подавления сексуальности, которое основано на авторитарной патриархальной семье и запрете на детскую сексуальность,

жить секс-экономически невозможно. Это общество сексуального отрицания. Но в обществах, где отсутствует экономическое угнетение и имеется матриархальная семья, существует совершенно иной тип сексуальных отношений.

Опираясь на исследования Бронислава Малиновского матриархального общества на острове Тродриан, Райх писал: "Мы видим, что моральные стандарты тродрианцев коренным образом отличаются от наших. У нас эти стандарты выводятся из всеобщего секс-отрицания, тродрианцы выводят их из позитивного отношения к генитальной сексуальности и из абсолютно ясного ощущения болезненного характера преверзий". По мнению Райха, матриархат был свободен от репрессивности, но при переходе от него к патриархату происходит:

переход власти от женщины к мужчине и, в связи с этим, перемещение власти по вертикали, в соответствии с рангом;

переход от естественной генитальной жизни в любви к принудительному заключению брака;

переход от секс-утверждения к секс-отрицанию, от утверждения добрачной половой активности к требованию добрачного аскетизма;

возрастающая социальная дифференциация между верхушкой общества и низами.

В "Психологии масс фашизма" Райх пытается выявить зависимость между господством авторитарной патриархальной семьи и возникновением тоталитарных и авторитарных режимов. Подобно Эриху Фромму, Райх считал, что тип общества зависит от господствующего типа характера. В отличие от Фромма, различавшего 4 типа социального характера, Райх сводил все к двум типам:

открытый генитальный характер, способный к саморегуляции. Он регулирует конфликт с репрессивной средой либо путем оргазмной разрядки, либо путем сублимации оргазмной энергии в социально-конструктивных целях;

невротический характер, не способный к разрядке, подавляет оргазм. Одной из важнейших черт такого характера является покорность авторитету власти. Такой характер - благодатнейшая почва для фашизма. Ребенок, приученный к авторитету в семье, в политической жизни подчиняет себя вождям и партиям.

Образцом оригинального языка Райха, сочетающего марксистскую и фрейдистскую терминологию и аргументацию, может послужить следующая фраза, объясняющая, почему угнетенные массы являются проводниками идей фашизма: "И сексуальная мораль, тормозящая развитие массового сознания, и те силы, которые выступают в интересах коммунизма, черпают свою энергию из вытесненной сексуальности. Теперь мы лучше понимаем сущность процесса обратного воздействия идеологии на экономический базис. Сексуальное торможение так структурно изменяет экономически угнетенного человека, что он начинает действовать, чувствовать, рассуждать,

вопреки своим интересам. Это равнозначно его приравнению к буржуазии".

В "Психологии масс фашизма" Вильгельм Райх подверг творческой переработке наследие Фрейда. По Фрейду структура личности делилась на верхнюю часть - супер-эго (сверх-Я), то есть, грубо говоря, совесть; среднюю часть - эго, то есть, собственно сознание человека; и ид - подсознание, содержащее в себе все темные стремления человека (допустим, взять и удовлетворить прямо сейчас все свои темные инстинкты). По Райху же, биопсихологическая структура характера состоит из трех, самостоятельно действующих слоев:

"поверхностный слой" - "слой социальной кооперации", фальшивый притворный социальный слой, где подлинное лицо человека скрыто под маской любезности, вежливости. Слой, который, подавляя все остальные, удерживает человека в рамках норм поведения, устанавливаемых для него обществом и государством;

"промежуточный слой" - соответствующий фрейдовскому подсознанию, грубые, садистские и сладострастные порывы;

"глубинный слой" - биологическое ядро человека, которое состоит из благих природно-социальных импульсов.

То есть, по Райху, глубинную сущность человека составляют "любви прекрасные порывы". Работы Райха как психоаналитика для нас не так интересны, как его вторжение в область социологии. Райх перенес структуру личности непосредственно на политическую сферу, поставив в соответствие каждому уровню сознания определенное политическое течение. Лживо-социальному слою, согласно его теории, соответствуют этические и социальные идеи либерализма. Они служат подавлению вторичных антисоциальных импульсов, но природная, внутренняя социальность для них недостижима и чужда. Политически организованным воплощением промежуточного уровня является фашизм, тоталитаризм. А настоящая, глубинная революционность соответствует глубинным слоям сознания человека, его биологическому ядру.

В своей главной работе "Сексуальная революция" (1936) Райх пришел к выводу, что подлинная пролетарская социальная революция обречена на провал без революции сексуальной. Победивший пролетариат, с точки зрения Райха, для ликвидации всех форм репрессивности и угнетения должен снять запрет с детской сексуальности, ликвидировать принудительный брак, гарантировать от репрессий со стороны традиционной морали поиск новых сексуальных партнеров.

Но в предложениях о практическом обустройстве такого свободного от сексуальных репрессий общества, Райх, к сожалению, оставался вполне марксистом, и его социальный идеал, названный "демократией труда", скорее напоминал сексуальную диктатуру пролетариата. По его предложению, во всех учреждениях и органах нового общества центральную руководящую роль должны будут играть профессиональные чиновники-сексологи, направляемые в своей деятельности специальным центральным

сексологическим учреждение. Государство должно будет взять на себя и специальное материальное обеспечение детской сексуальности. То есть общество Райха получается вполне в духе антиутопии Олдоса Хаксли "О дивный, новый мир", хотя его критика сексуальной репрессивности в существующем обществе зачастую довольно справедлива.

Позднее Райх частично отошел от своих прежних взглядов и увлекся мистицизмом и космизмом. Но это не помешало американским властям в период маккартизма обвинить бывшего члена компартии и сексуального революционера на старости лет в половых преступлениях (!) Вильгельм Райх умер в 1957 году в тюрьме Луисбурга, штат Пенсильвания, в возрасте 60 лет.

Знамя сексуальной революции, выпавшее из рук Райха, было подхвачено Гербертом Маркузе. Из его обширного наследия критике репрессивной цивилизации и идеям сексуального раскрепощения посвящены две работы: "Эрос и цивилизация" (1956) и "Очерк об освобождении" (1969). "Эрос и цивилизация" - это попытка интерпретировать теорию Фрейда в социологических терминах.

Система взглядов Маркузе была несколько иной, чем у Райха: если Райх пытался создать синтетическое учение на стыке традиционного марксизма и фрейдизма, то Маркузе в своих построениях опирался лишь на молодого Маркса младогегельянского периода, исследовавшего проблему отчуждения. Помимо Фрейда, на него оказали влияние экзистенциализм в варианте Мориса Хайдеггера, у которого Маркузе некоторое время работал секретарем, и социальная философия его коллег по Франкфуртскому институту социальных исследований Маркса Хоркхаймера и Теодора Адорно.

Анализируя происхождение современной культуры, как результат репрессии Эроса - светлого начала, влечения к продолжению рода, инстинкта жизни, Маркузе задается вопросом: компенсируют ли преимущества, доставляемые культурой, подавление личности? Прогресс культуры современной цивилизации влечет за собой увеличение организованного господства над личностью, и как следствие, постепенное накопление агрессии в обществе. Прорыв этой агрессии может вылиться в разгул насилия, в новый тоталитаризм. Маркузе вводит два новых понятия, не свойственных психоанализу, - "прибавочная репрессия" и "принцип производительности".

Общественную репрессию сексуальности Маркузе разделил на две составляющие, подобно тому, как Маркс разделил стоимость на основную и прибавочную. Основная репрессия связана с необходимостью человеческого существования, необходимостью сдерживать агрессивные и сексуальные чувства для того, чтобы не нанести вред другим членам общества. Прибавочная репрессия связана лишь с отношениями господства. Вот как Маркузе объясняет возникновение прибавочной репрессии в первобытном обществе. Обращаясь к разбору фрейдовской работы "Тотем и табу", он пишет: "Не бедность и слабость обусловили первое, решающее для культуры подавление половых влечений, а деспотичное господство, тот факт, что

деспот несправедливо распределяет и использует бедность, скудость и слабость других членов орды. Следовательно, имела место прибавочная репрессия, единственно в интересах господства и сохранения деспотичного господства, а не потому, что надо было обуздать агрессивные устремления членов орды или сдерживать их хаотические сексуальные порывы".

Принцип производительности - это характерная для индустриального общества форма фрейдистского принципа реальности, осуществляющего подавление эроса. При господстве принципа производительности, подавление сексуальности, стремление к наслаждениям осуществляется в первую очередь в интересах материального производства, превращая человека в придаток машины, в орудие производства. Возникновение принципа производительности Маркузе так же относит к раннему этапу в истории человечеству, когда сексуальность, распределенная прежде, как у животных, по всему телу, локализуется на половых органах. Это происходит под давлением превращенного принципа реальности для того, чтобы превратить, чтобы превратить человеческое тело из инструмента наслаждения в орудие производства, высвободить остальные части тела для производства.

В отличие от Райха, Маркузе негативно относился к чисто генитальной сексуальности, считая ее продуктом репрессии. Современное общество - общество потребления, не просто подавляет протест, но, используя мощнейшие средства психологической обработки, оно внушает человеку, что жить так, как он живет, производя и потребляя материальные ценности и подавляя естественные влечения - вот подлинное счастье. Эта целенаправленная система воспитания приводит к возникновению особого индивида - "одномерного человека", человека, интегрированного потребительским обществом, не способным на настоящий протест, на подлинную борьбу за свои интересы.

От этого подавления свободны неинтегрированные, аутсайдеры, чье недовольство и протест очевидны. Но и "одномерный человек" способен освободиться. Свободной от репрессии остается сфера фантазии. Она подчинена лишь принципу удовольствия и свободна от принципа реальности. Именно через осознание своих желаний, своей подлинно человеческой, экзистенциальной сущности, через протест, против навязываемого извне стандарта, через противостоящий всякой агрессии Эрос человек может прийти к отрицанию современной цивилизации, основанной на насилии и отчуждении.

Революции социальной должен предшествовать ряд индивидуальных революций - революций в сфере сознания. "Вся власть воображению!" - как было начертано на стенах Сорбонны. Основой нового общества должна стать новая мораль, основанная на свободе Эроса и преодолении ханжества и насилия. Фактически, для того, чтобы сбросить с себя оковы современного бесчеловечного индустриального общества, человек должен вернуться в детство, когда все его поступки были подчинены лишь принципу удовольствия.

Маркузе не углубляется в подробную разработку модели нерепрессивного общества, не стремится сдерживать творящих это новое общество какими-то рамками. Он писал, что в наше время исчезает само понятие "утопия". Любая "утопия" при современном уровне развития цивилизации может быть реализована. Сдерживает ее реализацию лишь господство "одномерного" сознания.

Маркузе казалось, что идеал сексуальной революции уже завоевывает мир. В конце 60-х годов всплеск молодежного бунта, рост альтруистических, антипотребительских настроений, коммуны свободной любви, возникавшие как грибы после дождя - все вселяло оптимизм.

Но к началу 80-х интегрирующие тенденции, тенденции скрытого подавления, о которых предупреждал Маркузе, взяли верх. На смену сексуальной революции пришла половая реакция, вновь торжествует культ репрессивной патриархальной семьи и ханжеской пуританской морали бургеров, вновь потребление становится господствующим жизненным принципом.

Единственной страной, свободной от господства "принципа производительности (всем на производство наплевать) и от господства потребительского сознания (потреблять-то нечего) остается Россия.

Россия - надежда неинтегрированной части человечества.

Россия - флагман грядущей сексуальной революции.

"Великий отказ", 1991, № 2

**Культ власти - служение смерти
(К истории психоанализа в России)
(фрагменты)**

А.М.Эткинд

Интеллектуальная история России XX века внутри страны оказалась фальсифицированной в не меньшей степени, чем ее политическая история. Результаты исследований западных историков и историков-эмигрантов, свободные от идеологического пресса, до сих пор, к сожалению, в России остаются малоизвестными. Впрочем, эти исследования в ряде случаев тоже оказывались ограниченными как вследствие недоступности архивов, так и в результате дистанции между их авторами и интересующим их советским опытом. Несчастно общество, правда о котором пишется другими; но и эта правда бывает ущербна – неполна и монологична.

История, написанная изнутри – и, тем более, изнутри глобального исторического кризиса, – неизбежно субъективна. Но это именно та субъективность, в которой нуждается меняющееся общество. Непосредственное переживание исторического процесса искажает перспективу; но и обогащает ее опытом людей, точно знающих, к чему привела сегодня их История.

* * *

Русская традиция не знала и до сих пор не знает такой специализации профессионалов, какая привычна на Западе; академическая и художественная культуры были в ней слиты одними и теми же духовными влияниями и политическими идеями. В истории психоанализа в России участвуют не только врачи и психологи, но и поэты-декаденты, религиозные философы и профессиональные революционеры.

Взлет русской культуры в короткие полтора десятилетия между началом столетия и Первой мировой войной породил свои вершины и провалы в гуманитарных науках так же, как в политике и социальной мысли, живописи и поэзии. Россия серебряного века была одним из центров высокой европейской цивилизации.

Хотя среди утонченных представителей культуры модерна не было недостатка в пророках, предвещавших скорый расцвет варварства, в столицах и провинциях развивались самые современные направления наук и искусств. Аргументы славянофилов отступали перед напором Запада, однако, в тот раз реформам не суждено было сбыться.

Серия военных поражений, бесконечные ошибки царя, разочарования в возможностях изменить реальный ход вещей, предчувствие близкой катастрофы – все это вызывало интерес к эзотерическим тайнам и заставляло брать на веру романтические мечты. «Эрос невозможного» – так

сформулировал настроение эпохи лидер русского символизма Вячеслав Иванов. Бурная жизнь интеллигенции порождала все более удивительные плоды, от столоверчения до масонства, от оргий придворных хлыстов до политического подполья эсеров...

Мысль направлялась сразу же на предельные вопросы бытия, по пути проскакывая конкретное разнообразие жизни. Любовь и смерть стали основными и едва ли не единственными формами существования человека, главными средствами его понимания; а став таковыми, они слились между собой в некоем сверхприродном единстве. Интуиция единства любви и смерти стала инвариантом этой культуры, объемля такие разные ее проявления, как философия Вл. Соловьева, поздние повести Л. Толстого, поэзия Вяч. Иванова, романы Дм. Мережковского, драмы Л. Андреева и психоанализ С. Шпильрейна.

Как нигде и никогда популярен был в России на рубеже веков Фридрих Ницше. Его презрение к обыденной жизни, призыв к переоценке всех ценностей оказали долговременное, до сих пор не до конца осмысленное воздействие на русскую мысль. По словам самого авторитетного свидетеля, Александра Бенуа, «идеи Ницше приобрели тогда прямо злободневный характер (вроде того, как впоследствии приобрели такой же характер идеи Фрейда)».

Страстная проповедь Ницше вовсе не была рассчитана на практическую реализацию. Но на русской почве она приобретала конкретные черты, казавшиеся зримыми и доступными для воплощения в жизни каждого. Как писал Федор Степун: «Замечание Достоевского, что русская идея заключается в осуществлении всех идей, верно не только по отношению к общественной, но также и к личной жизни». То, что для Ницше и большинства его европейских читателей было полетом духа и изысканной метафорой, которую лишь варвар может принимать буквально, в России стало базой для социальной практики.

Новый человек. Сверхчеловек, попиравший своим существованием отживший здравый смысл, должен быть создан и будет создан именно здесь. Православные философы, начиная с Владимира Соловьева, призывали строить Богочеловечество на земле, переделывая тварного человека. Потом этот импульс истощился в магических абстракциях антропософии Рудольфа Штейнера, обещавшей все то же, но более легким путем. Такие лидеры будущей советской интеллигенции, как Горький, Маяковский, Луначарский, в свои молодые годы находились под сильнейшим влиянием Ницше, и их позднейший большевизм, возможно, позаимствовал у Ницше куда больше, чем у Маркса.

Политический экстремизм русских марксистов соседствовал тогда с духовным экстремизмом Николая Федорова, требовавшего оставить все человеческие занятия ради своей «философии общего дела», заключающейся в научном методе воскрешения всех живших на земле людей. Теперь, почти столетие спустя, легко судить о том, что эти духовные течения, казавшиеся современникам абсолютно различными, общи в своем утопизме, основанном

на вере в науку и родственному Ницше пренебрежению существующим на свете порядком вещей.

Программная книга А. А. Богданова, единственного серьезного теоретика среди большевиков (и психиатра по образованию), под точным названием «Новый мир» начиналась с эпитафий из Библии, Маркса и Ницше. «Человек – мост к сверхчеловеку», – цитировал Богданов и продолжал от себя: «Человек еще не пришел, но он близок, и его силуэт ясно вырисовывается на горизонте». Шел 1904 год.

Человек как он есть оказывается не целью и безусловной ценностью, а средством для построения некоего будущего существа. Как учил Ницше: «Человек есть то, что следует преодолеть».

Эта идея представляется нам сегодня, на основе опыта прошедшего столетия, не просто опасной, но и, в буквальном смысле этого слова, человеконенавистнической. В начале века с ней соглашались многие. Литераторы-декаденты и православные теософы, сановные масоны и идеологи терроризма непримиримо спорили о средствах грядущего преобразования человека и человечества – мистических или научных, эстетических или политических. Но сама цель и необходимость изменения природы человека мало кем подвергалась сомнению.

Православный идеал соборности – особого недемократического коллективизма, основанного на априорном согласии и повиновении, – добавлял свой оттенок в представления о целях и средствах преобразования. Духовная традиция, развивавшаяся под разнообразными и, кажется, несовместимыми влияниями ницшеанства, православия и социального экстремизма, приобретала особую, поучительную и сегодня цельность.

Победившие большевики в своих программах массовой переделки человека довели идею до ее воплощения – воплощения варварского и для этой культуры самоубийственного, но, возможно, в ее рамках единственного, которое только и могло быть на деле осуществлено.

* * *

С начала 10 и вплоть до 30-х годов психоанализ был одной из важных составляющих русской интеллектуальной жизни. В многоцветной мозаике быстро развивавшейся культуры необычные идеи Зигмунда Фрейда воспринимались быстро и без того ожесточенного сопротивления, которое они встречали на Западе.

В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, психоанализ был известен в России более, чем во Франции и даже, по некоторым свидетельствам, в Германии. В России, писал Фрейд в 1912 году, «началась, кажется, подлинная эпидемия психоанализа».

Извечная русская «тоска по мировой культуре» наводила естественное удовлетворение в те времена, когда О.Мандельштам и Б.Пастернак, В. Иванов и А. Белый, Н.Евреинов и С.Дягилев, И.Ильин и Л.Шестов, Л. Андреас-Саломе и С.Шпильрейн годами жили, учились и работали за

границей (уже следующее российское поколение будет лишено этой роскоши уезжать и возвращаться домой). Сегодня трудно даже представить, насколько тесно интеллигенция тех лет была связана с интеллектуальной жизнью Европы, насколько доступны были для выходцев из российских столиц и местечек лучшие университеты, салоны и клиники Германии и Франции, Австрии и Швейцарии.

Возвращаясь домой, молодые аналитики находили в обществе, с небывалой быстротой освобождавшемся от старых зависимостей, заинтересованную клиентуру.

Первые русские психоаналитики занимали престижные позиции в медицинском мире, были тесно связаны с литературными и политическими кругами, имели свой журнал, университетскую клинику, санаторий и шли к институционализации психоанализа по лучшим европейским образцам. Среди их пациентов были и выдающиеся деятели «серебряного века».

Психоанализ, который проходили в 10-е годы Эмилий Метнер и Иван Ильин, был одной из подспудных причин раскола в символизме, повлиявшего на судьбу и творчество его лидеров. Под влиянием многочисленных переводов Фрейда в языке русских интеллектуалов, от Вяч. Иванова до К.Станиславского, распространяется слово «подсознание» (специфическое для психоанализа в отличие от более старого слова «бессознательное»).

История психоанализа полна удивительными выходцами из России, которые стали выдающимися фигурами психоаналитического движения.

Блестящая и космополитичная Лу Андреас-Саломе, психоаналитик и близкий друг Фрейда, была одной из самых ярких звезд общеевропейской культуры модерна и сохраняла при этом в своем творчестве отчетливые следы влияния русской философии.

Макс Эйтингон, ближайший ученик Фрейда, в течение многих лет возглавлял Международную психоаналитическую ассоциацию, финансируя ее мероприятия деньгами, которые контролировались правительством большевиков.

Сабина Шпильрейн, самая романтическая фигура в истории психоанализа, вернулась в 1923 году в Россию, чтобы внести вклад в строительство утопии, и прожила вторую половину своей жизни в нищете, одиночестве и страхе...

Эти и другие выходцы из России, сохранявшие разнообразные связи со своей страной и нередко в нее возвращавшиеся, составляли важную часть окружения Фрейда и его первых учеников.

Аналитики Вены, Цюриха и Берлина годами вели богатых русских пациентов. Как и в других европейских странах, в России в 10–20-е годы начала формироваться собственная психоаналитическая традиция. Николай Осипов, Моисей Вульф, Татьяна Розенталь, Михаил Асатиани, Леонид Дрознес были психоаналитиками, которые обучались или консультировались у самого Фрейда, Юнга или Абрахама; все они вернулись в Россию до

революции, чтобы начать активную работу в качестве практиков и популяризаторов психоанализа.

Дальнейшая их судьба была различной.

Розенталь покончила с собой в 1921 году. Асатиани отказался от психоанализа, и имя его носит Институт психиатрии в Тбилиси.

Осипов и Вульф вновь, и навсегда, уехали на Запад в 20-х. Вульф вместе с Эйтинггоном положил начало психоанализу в Израиле. В Праге Осипов со своим учеником Федором Досужковым основал местное психоаналитическое движение, так что и сейчас психоанализ в Чехословакии ведет преемственность от русских аналитиков.

В самой России следующее поколение психоаналитиков, которое на Западе вошло в силу в конце 20-х годов, реализоваться не сумело.

Фрейд внимательно, сначала с надеждой, потом со страхом и, наконец, отчаянием и отвращением следил за развитием событий в Советской России. Он, впрочем, стремился опровергнуть легко возникающее впечатление, что его «Будущее одной иллюзии», как и другие социологические работы 20-х годов, вызваны к жизни именно советским опытом: «Я не собираюсь проводить оценку того громадного культурного эксперимента, который в настоящее время совершается на обширных пространствах между Европой и Азией», – писал Фрейд в 1927 году. Но уже через три года он признавался С. Цвейгу, что происходящее на этих пространствах заботит его как личная проблема: «Советский эксперимент... лишил нас надежды и иллюзии, не дав ничего взамен. Все мы движемся к тяжелым временам... Я сожалею о своих семи внуках».

Среди тех, с кем Фрейд обсуждал русские проблемы на протяжении десятилетий, был его пациент и соавтор Уильям Буллит, первый Посол США в СССР. Он оставил свой характерный след в «Мастере и Маргарите», и неожиданные пересечения судеб Фрейда, Буллита и Михаила Булгакова позволяют по-новому прочесть этот роман.

Проблемы, к которым обращался формировавшийся психоанализ, много раз оказывались в центре исканий русской интеллигенции.

Один из самых необычных русских мыслителей, Василий Розанов, завоевал скандальную славу, пытаясь разрешить загадки пола. Крупнейший писатель эпохи Андрей Белый пытался реконструировать в своих романах опыт раннего детства таким способом, что исследователи, начиная с не менее известного Владислава Ходасевича, при анализе его творчества прибегают к психоанализу. И в советский период мы находим те же неожиданные пересечения. Михаил Бахтин, чьи литературоведческие работы получили мировое признание, всю свою долгую жизнь продолжал явный или неявный диалог с Фрейдом. Михаил Зощенко, знаменитый сатирик, десятилетиями лечил себя самоанализом, который практиковал под прямым влиянием Фрейда; с помощью него он сумел выиграть духовную борьбу с направленной лично против него мощью режима. Сергей Эйзенштейн, крупнейший кинорежиссер эпохи, тоже был увлечен психоанализом и использовал его идеи в своем творчестве.

Работы московских аналитиков одно время поддерживались и курировались высшим политическим руководством страны и более всего Львом Троцким, история отношений которого с психоанализом заслуживает особого обсуждения.

Педология, специфически советская наука о методах переделки человека в детском возрасте, создавалась людьми, прошедшими более или менее серьезную психоаналитическую подготовку.

Определенное влияние психоанализ оказал на зарождавшиеся в 20-е годы идеи, которые стали определяющими в развитии психологии в стране на полвека вперед. Крупнейший психолог советского периода А. Р. Лурия начинал свой длинный путь в науке ученым секретарем Русского психоаналитического общества.

Книги Фрейда оказали заметное влияние на работы Л. С. Выготского и П. П. Блонского. Общение с С.Н.Шпильрейн, привезшей в Москву живые традиции венской, цюрихской и женеvской психологических школ, оказало, видимо, ключевое влияние на формирование психологических воззрений Выготского, Лурии и их окружения.

Русская медицина принимала психоанализ менее охотно, чем широкая публика. Книги Фрейда систематически переводились на русский язык с 1904 по 1930 годы, но в университетских курсах психиатрии и психологии они редко находили отражение. Физиология И.П. авлова и психоневрология В.М.Бехтерева, борющиеся между собой за первенство в той области, которая сегодня называется нейронаукой, периодически проявляли некоторый интерес к психоанализу, но оставались далеки от него. Советская психиатрия развивалась по пути механических классификаций и репрессивных методов лечения, которым психоанализ был чужд.

В советской психотерапии, в полном соответствии с духом времени, господствовал гипноз.

После падения Троцкого психоаналитическая традиция в России была грубо и надолго прервана. Часть аналитиков нашла прибежище в педологии, но и эта возможность была закрыта в 1936 году.

Сейчас, уже в самом конце XX века, мы вновь стоим перед задачей, которая с видимой легкостью была решена нашими предками в его начале. Только теперь задача возобновления психоаналитической традиции кажется нам почти неразрешимой.

* * *

Особенности психоанализа делают специфичной и его историю. История психоанализа – отдельная область исследований со своими авторитетами, традициями, журналами и своей Международной Ассоциацией.

Русский читатель легко заметит в стиле и содержании этой книги отличия от известных ему отечественных историй психологии. Мой подход отличается и от тех доминирующих сегодня взглядов на особенности русской

и советской психологии, которые представлены в работах американских историков.

Истории таких смежных с психоанализом наук, как психология и медицина, больше ориентированы на анализ научных идей, методов и категорий и меньше интересуются людьми науки, их личностями, биографиями и взаимоотношениями.

В истории психоанализа развитие идей тесно переплетено с судьбами людей; и то, и другое отчасти вбирает в себя черты своего времени, а отчасти сопротивляется его меняющимся влияниям.

Меня в большей степени интересовало то, что можно назвать историческим и, еще шире, человеческим контекстом психоаналитической теории и практики: глубокая и по политическим причинам часто недооцениваемая преемственность между советским и дореволюционным периодами духовной истории России; взаимные влияния психоанализа и современной ему русской философии, литературы, художественной культуры; отношения между содержанием науки и жизнью вовлеченных в нее людей.

Жизни людей – как аналитиков, так и их пациентов, – интересны в истории психоанализа не меньше (а, пожалуй, и больше), чем судьбы их научных идей. Такова природа анализа, что на биографиях этих людей, на их словах и поступках, на выборе, который они делали в жизни, и на их отношениях между собой сказались психоаналитические ценности, взгляды, цели, средства, методы. Через людей влиял на существование аналитических представлений сам ход Истории. Взаимодействие идей, людей и эпох – вот что будет интересовать нас здесь, в истории психоанализа в России.

Такая методология не является ни общепринятой, ни, тем более, единственно возможной. Мы можем настаивать только на том, что она соответствует взглядам многих героев этой книги. Ницше писал в 1882 году Андреас-Саломе: «Моя дорогая Лу, Ваша идея свести философские системы к личной жизни их авторов (хороша)... я сам так именно и преподавал историю древней философии, и я всегда говорил моей аудитории: система опровергнута и мертва – но если не опровергнуть стоящую за ней личность, то нельзя убить и систему».

Споря с Юнгом, Фрейд так заключал свою историю психоанализа: «Люди сильны, пока защищают великую идею; они становятся бессильными, когда идут против нее».

Юнг, со своей стороны, писал русскому литератору Эмилию Метнеру в 1935 году: «твоя философия сродни твоему темпераменту, и оттого ты рассматриваешь личность всегда в свете идеи. Это меня очаровало». Владислав Ходасевич говорил «о попытке слить воедино жизнь и творчество... как о правде символизма. Эта правда за ним и останется, хотя она не ему одному принадлежит. Это – вечная правда».

Михаил Бахтин формулировал: «Идея – это *живое событие* разыгрывающееся в точке диалогической встречи двух или нескольких

сознании». А булгаковский Воланд понимал задачу так: «Я – историк... Сегодня вечером на Патриарших будет интересная история!»

Эта книга в своей композиции пытается соответствовать сложной исторической ткани. Рассказ о людях, делавших историю психоанализа в России, чередуется с рассказом о последовательных периодах этой истории. Главы книги следуют друг за другом так, что после монографической главы, посвященной истории жизни кого-то из наших героев, следует обзорная глава, посвященная той или иной эпохе в восприятии, развитии и трансформации психоанализа в России.

В западной и, прежде всего, французской и американской, а также английской, немецкой, итальянской, венгерской, болгарской, швейцарской и шведской литературе, истории психоанализа в России посвящено немало исследований.

В отечественной литературе настоящая книга по существу открывает эту благодарную тему.

* * *

Заключение

Опыт Фрейда показывает возможность того, что так часто подвергалось и подвергается сомнению в XX веке, – возможность преодоления идей национальных границ.

Ориентированный на индивида, психоанализ оказался источником идей, которые в одних и тех же своих значениях были восприняты разными обществами.

Интеллектуальные ценности в своих итоговых формах могут стать вненациональными, сколь бы ни были специфичны процессы их созревания. Но этот универсализм, желанная цель столь многих, дается далеко не всем.

Достаточно сравнить историю психоанализа с судьбой марксистских идей, чтобы понять, как сложно и почти невероятно подобное транснациональное проникновение, со сколь гибельными для идеи искажениями связано оно в иных случаях. Возможность эта не зависит от субъективных намерений ее автора. По крайней мере, у Фрейда по этому поводу было больше опасений, чем надежд.

Видимый парадокс состоит в том, что марксизм со всей навязчивостью провозглашал универсальный характер своих целей и потерпел крах. «Фрейдизм» был в этой области крайне нерешителен, но одержал победу.

С каждым десятилетием XX века психоанализ распространялся во все новых национальных культурах. Он приобретал национально-специфические черты, примером которых может служить структуралистский психоанализ Жака Лакана во Франции или необычно глубокое взаимопроникновение психоанализа и медицины в Соединенных Штатах.

Последним из завоеванных им континентов была Латинская Америка, в странах которой падение диктаторских режимов неизменно сопровождалось

бурным расцветом психоанализа. Несмотря на длинную историю расколов и дискуссий, психоанализ сохранял, как правило, свою идентичность.

Судьбу психоанализа в разных национальных средах можно, пожалуй, сравнить с путем кометы, пересекающей разные солнечные системы. Комету окружает вакуум, она не встречает на своем пути ничего похожего на самое себя. И вместе с тем в этом пространстве есть свои силовые линии, свои гравитационные и магнитные поля, искривляющие путь небесного тела, завихряющие его хвост и отрывающие от него целые облака, которые начинают вращаться по внутренним орбитам данной системы...

Психоанализ был настолько быстро и активно воспринят в России начала века, что, когда соприкасаешься с этой историей сегодня, трудно освободиться от чувства удивления: неужели речь идет о той же самой России?

Но в ее необычных духовных и политических условиях психоанализ подвергся, пожалуй, наибольшим деформациям за всю свою историю. В конечном итоге этого бурного развития он оказался практически неузнаваем. Национальные особенности русской культуры, взаимодействовавшие с уникальностью исторической ситуации, породили беспрецедентную интеллектуальную смесь.

Психоанализ играл свою роль в этом необычном процессе. Жесткость психоанализа, определенность того, что им является, и что не является, позволяет с необычной наглядностью увидеть сложные переплетения научных идей, духовных ценностей и политических сил, которые определили интеллектуальный облик России XX века.

Русский психоанализ имел многообразную специфику. В теоретическом плане наиболее любопытна линия от адлеризма русских психотерапевтов 10-х годов до троцкизма советских аналитиков 20-х. Сексуальность в теории и перенос в технике анализа были последовательно замещены проблемами власти, с одной стороны, и сознания – с другой.

И в практической работе осознанию и внушению придавалось куда больше значения, чем переносу, о котором почти не говорили аналитики советского периода. Уводя от исследования сексуального либидо в поиск иных движущих человеком сил, линия этих поисков была, пожалуй, противоположна мировому направлению развития психоанализа.

«Можно с уверенностью утверждать, что в России могло бы развиваться сильное и плодотворное психоаналитическое движение, если бы против него не велась такая энергичная война со стороны официальных сил», – писал в 1930 году в берлинской эмиграции недавний Президент Русского психоаналитического общества Моисей Вульф. Пожалуй, в свете сегодняшнего исторического знания, да и политического опыта, утверждение Вульфа выглядит упрощением.

Невозможно избежать интеллектуальной ответственности, ссылаясь на злую волю властей. В борьбе за политическое доминирование сами психоаналитики шли на драматические изменения своих взглядов. Они руководствовались собственными утопическими иллюзиями, в которых не

видели противоречий с психоанализом. С надеждой и верой относясь к новой власти, развиваясь и перерождаясь вместе с ней, они находили с ее стороны понимание и поддержку до тех пор, пока сама эта власть состояла из людей, близких им по духу.

Начиная с Татьяны Розенталь и кончая Иваном Ермаковым, для работы русских аналитиков было характерно избегание проблем либидо, а иногда даже прямое ханжество в вопросах секса. Неприятным, а то и комичным примером является эволюция Арона Залкинда, который от адлеровского психоанализа плавно перешел к попыткам государственной репрессии сексуальности во имя классовой власти.

Напротив, другие традиции, которые восходили, например, к просвещенному эротизму Лу Андреас-Саломе, идеям сексуально-классового освобождения Вильгельма Райха или концепции диалога русского пророка постмодернизма Михаила Бахтина, были забыты, потому что не были прямо связаны с проблематикой власти.

Культ власти, основная ось тоталитарного сознания, поглощал в себя любой духовный материал, и в том числе самый неподходящий, каким был и есть психоанализ.

Культ власти всегда, независимо от намерений и обстоятельств, оборачивается обрядами смерти.

Начиная с Сабины Шпильрейн, тема влечения к смерти приобрела первостепенное значение для русских аналитиков, приближавшихся здесь к узловой, идущей от Владимира Соловьева и Вячеслава Иванова проблеме отечественной культуры.

Смерть и власть составляли тот универсум, в котором существовал психоанализ в России и все то, что из него произросло. Смерть и власть составляли ту двойную планету с полем тяготения чудовищной силы, вокруг которой вращалась залетевшая сюда совсем из других пространств комета психоанализа – вращалась до тех пор, пока не упала, вконец отождествившись с этими черными солнцами.

Противоестественное государство могло достичь стабильности лишь при условии изменения самой человеческой природы своих подданных, – преобразования, которого оно ежечасно от них требовало и, действительно, пыталось осуществить. Наблюдая события из эмиграции, Федор Степун писал в ужасе: «Государственный деспотизм не так страшен своими политическими запретами, как своими культурно-педагогическими заданиями, своими замыслами о новом человеке и новом человечестве».

Идея «нового человека» была центральной для русских интеллектуалов начиная с поэтов-символистов 10-х годов и вплоть до педологов 30-х. Потом она теряла свое значение параллельно с либерализацией режима, но, выхолощенная до пустого лозунга, дожила до брежневского времени.

Ранний советский психоанализ был в невиданной степени политизирован и близок к государственной власти.

Руководство Русского психоаналитического общества начала 20-х годов почти полностью составляли видные большевики, намеревавшиеся

использовать психоанализ в своих интересах. Москва 20-х годов видела организацию Государственного психоаналитического института (словосочетание, невиданное в истории психоанализа) и Психоаналитического детского дома, специализированного заведения для детей высших партийных функционеров. На психоанализ как на часть своей новой политики делал ставку Троцкий, а в детском доме-лаборатории психоаналитическое воспитание получал сын Сталина Василий, впоследствии генерал авиации и алкоголик.

Но беспрецедентная близость к власти не уберегла ни советских аналитиков, ни русский анализ. Скорее наоборот, смерть приближалась ровно в той мере, в какой близка была власть.

Адольф Иоффе, пациент Адлера, проводивший потом психоанализ на сибирской каторге, покончил с собой после ликвидации троцкистской оппозиции, одним из лидеров которой был. Арон Залкинд умер от инфаркта после осуждения его педологии, науки о «новом массовом человеке». Александр Лурия, крупнейший психолог советского периода, начал свой путь ученым секретарем Русского психоаналитического общества, но оставил этот пост для разработки детектора лжи по заданию Генерального прокурора московских процессов.

Сама Сабина Шпильрейн, открывшая влечение к смерти задолго до Фрейда, добровольно осталась в оккупированном нацистами Ростове, где и была расстреляна в толпе ростовских евреев.

Сергей Эйзенштейн, которому увлечение психоанализом не помешало, а скорее помогло создать свои фильмы, жестокие и прекрасные памятники побеждающего тоталитаризма.

И, наконец, человек, олицетворявший власть в международном психоанализе – Макс Эйтингон, одна из самых загадочных и зловещих фигур интеллектуальной истории...

В истории психоанализа – истории идей – влечение к власти, описанное А. Адлером и никогда не признававшееся Фрейдом, очень далеко от влечения к смерти, описанного С. Шпильрейн и потом переоткрытого Фрейдом.

История психоанализа – история людей – позволяет, однако, задать странный на первый взгляд вопрос: так ли уж далеки друг от друга два эти влечения?

Во всяком случае оба они возвращают нас к Ницше. И, пройдя этот круг, мы чувствуем скрытую, парадоксальную его логику.

КУЛЬТ ВЛАСТИ... СЛУЖЕНИЕ СМЕРТИ... ЭРОС НЕВОЗМОЖНОГО.

Эткинд А. М. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб.: «Медуза», 1993 (Фрагменты введения и заключения).

Ещё о Л.С.Выготском: забытые тексты и найденные контексты

А.М.Эткинд

В русской и западной литературе Л. С. Выготскому посвящены многие серьезные работы. Особо здесь нужно отметить многолетние усилия М. Г. Ярошевского. Последняя, самая подробная монография трактует Л. С. Выготского как классика психологии развития [50]. Он продолжает интересовать и психоаналитиков, находящих в его теориях совпадения с последним словом своей науки [52]. Однако и сегодня важные аспекты интеллектуальной биографии Л. С. Выготского остаются неясными или недооцененными.

Необходимость новых переосмыслений творческого пути Л. С. Выготского очевидна. Политический контроль привел к таким искажениям интеллектуальной жизни, масштаб которых и сейчас еще трудно оценить. Цензура и самоцензура ограничивала работу не только советских исследователей, но и западных коллег, зависимых от публикуемых в СССР материалов, а иногда и от трактовок. Новые публикации архивного характера проясняют множество темных мест истории советской мысли и в особенности ее зарубежные связи; но восстановление исторической канвы требует не только архивной работы. Более всего, вероятно, важно историческое изменение множества подходов, оценок и интуитивных представлений,— смещение самой оптики исследования, которое для русских ученых имеет, в сравнении с предыдущим поколением, едва ли не катастрофический характер.

Настоящая статья посвящена пяти эпизодам интеллектуальной биографии Л. С. Выготского, характеризующих преимущественно ранний, наименее понятный ее период.

Л. С. ВЫГОТСКИЙ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Творческий путь Л. С. Выготского принято открывать его первой психологической работой, обратившей на себя внимание будущих коллег,— докладом на Всероссийском съезде по психоневрологии в январе 1924 г. В новейших исследованиях, более чутких к культурному контексту, ключевыми для становления взглядов Л. С. Выготского считают его “Психологию искусства” (см. [50]) и работу о “Гамлете” (см. [37]). Но, как известно, первыми опубликованными работами Л. С. Выготского были его литературно-критические статьи.

Период литературной критики был коротким и в сравнении с продуктивностью, которая станет характерной для Л. С. Выготского десятью годами спустя, не очень плодотворным. Судя по “Списку трудов Л. С.

Выготского” [7], в 1916 — 1917 гг. выходят пять его рецензий, среди которых отзывы на вышедшие тогда книги Вяч. Иванова, Д. Мережковского и две рецензии на А. Белого. Ранние рецензии Л. С. Выготского и сегодня озадачивают исследователей. Если в публикациях советского времени их не стоило перепечатывать или хотя бы пересказывать по причинам, которые станут ясными из последующего изложения, то для западных исследователей эти его сочинения, похоже, остались вне знакомого им контекста; их лишь перечисляют как свидетельство того, что Л. С. Выготский был “хорошо образован” в литературе серебряного века [50]. Все же странно, что ранние работы Л. С. Выготского до сих пор не анализировались.

Наиболее крупная из рецензий Л. С. Выготского была напечатана под названием “Литературные заметки” в еврейском культурно-просветительном журнале “Новый путь”. Она представляет собой довольно большой, занимающий полтора разворота, анализ только что вышедшего “Петербурга” А. Белого. По свидетельству близкого с Л. С. Выготским в Гомеле С. Ф. Добкина, будущий психолог считал “Петербург” “самым замечательным романом из современной литературы” (см. [13; 26]). Содержание “Литературных заметок”, однако, выходит далеко за пределы литературы. В них встречаются довольно неожиданные рассуждения, специально не связанные с “Петербургом” или связанные лишь косвенно. Любопытно, что Л. С. Выготский оставляет без рассмотрения психологическую подоплеку “Петербурга”, которая именно в этом романе очевидна: начиная с В. Ф. Ходасевича ([35]; см. также [5]), писавшие о “Петербурге” использовали интерпретации психоаналитического характера. Действительная тема “Заметок” — еврейский вопрос в России и отношения евреев с русской интеллигенцией.

В своих “Заметках” Л. С. Выготский пишет: “Очень часто приходится слышать обвинение в том, что евреи склонны все решительно, даже не имеющие отношения к этому “всемирному племени” (слова Ф. М. Достоевского), рассматривать сквозь призму еврейской проблемы. Точно все, что совершается в мире, вся мировая история, в ее великом и малом — все равно, имеет к ней непосредственное касательство”. Так часто кажется евреям; но часто о том же самом — “мир вращается вокруг еврея” — кричат и антисемиты. “Разумеется, это не больше, как грубая ошибка, пожалуй, невежественное заблуждение”, — оговаривается Л. С. Выготский. И все же, пишет будущий психолог, так устроен человек, что, даже зная о своем заблуждении, он продолжает руководствоваться не этим знанием, а несомненной для него данностью опыта: “И жизнь наша продолжает протекать на основе ложных предпосылок — будто земля неподвижна и солнце вокруг нее вращается. Такова уж природа человеческого “я”, так уж устроен человеческий глаз, что всякое открытое место представляется взору замкнутым кругом, в центре которого — сам наблюдатель. Так же обстоит дело в мире идейном вообще, еврейском в частности; трудно, смотря в мир из глубины еврейского “я”, не представлять себе, что крестовые походы и открытие Америки — спутники планеты еврейской истории” [5; 27].

При всей самоиронии этого рассуждения в нем присутствует некоторая двусмысленность. Так и остается непонятным, к чему относит автор открытие Колумба — к еврейской истории или мировой; та же неопределенность характеризует и способ, которым Л. С. Выготский воспринимает роман А. Белого. “Точно так же, как во всякой точке истории всемирной прощупывается история еврейская, так и во всякой точке проблемы России есть выход в проблему еврейскую”. Основную идею романа Л. С. Выготский видит в противопоставлении Петербурга и России, причем столице, какой ее описывает А. Белый, присущи еврейские черты. Впрочем, признает Л. С. Выготский, “трудно даже сказать определенно, указать точно, в чем именно выразился антисемитизм автора”.

Рецензент различает у А. Белого антисемитизм “непосредственный” и некий “лирический”. Что касается “непосредственного”, то Л. С. Выготский находит в романе некоторые косвенные его признаки, но “лирический” важнее. “Проникающая весь роман “русская идея” заключает в себе неуловимый, как бы “лирический” антисемитизм, который чувствуется чуть ли не за каждым словом”. В умах “кающихся интеллигентов” (кающихся за свое участие в событиях 1905 г.) произошел, констатирует Л. С. Выготский, определенный сдвиг к антисемитизму: “воскресает все более и более идейное наследие Достоевского — тот антисемитизм, который устанавливает исконную (...) враждебность “идеи жидовской” с идеей России, гибельность ее для России”. В этом, пишет Л. С. Выготский, повинны (в 1916 г.) и Н. А. Бердяев, и Д. Мережковский. Роман А. Белого, считает Л. С. Выготский, дает этому настроению “художественное выражение”.

А. Белый сменил за свою жизнь немало верований и увлечений; антисемитизм наверняка не был главным из них, и тем более не был он доминирующей идеей “Петербурга”. Те антисемитские реплики, которые приводит в качестве примеров Л. С. Выготский, говорятся не автором, а его героями, точка зрения которых вряд ли совпадает с точкой зрения самого А. Белого. В объемистой литературе о “Петербурге” мне неизвестны другие работы, которые бы, подобно рецензии Л. С. Выготского, указывали на антисемитизм как на главную или хотя бы важную идею этого произведения. Роман А. Белого любил, например, О. Мандельштам, который несколькими годами спустя, иронизируя над новыми сочинениями А. Белого, писал: “Над Белым смеяться не хочется и грех: он написал “Петербург” [21, т. 3; 422]. Смеялся же над А. Белым, и специально над “Петербургом”, Л. Троцкий [30].

Росший в черте оседлости, Л. С. Выготский принадлежал к открыто дискриминируемому большинству. По словам С. Ф. Добкина, еврейский вопрос сильно занимал Л. С. Выготского с юности; в 15 лет он уже руководил кружком еврейской истории и “сумел внести в наши занятия так много удивительного”. В частности, юный Л. С. Выготский дал тогда собственное определение нации, считая ее критериями не территорию и язык, а “общность исторической судьбы” (см. [13; 20]). Озабоченность молодого интеллектуала проблемами своей нации более чем понятна;

понятна и чувствительность, с которой он реагировал на малейшее проявление дискриминации и, тем более, на следы национальных предрассудков в высокой литературе. Понятно также, что подобного рода сверхчувствительность должна быть играть определенную роль в становлении талантов и интересов молодого Л. С. Выготского. Далее, нетрудно предположить, что проблемы антисемитизма и еврейской идентичности, как бы ни менялся их исторически конкретный характер, продолжали занимать мысли Л. С. Выготского, получая какую-то интерпретацию в психологических терминах. Но по столь же понятным причинам никаких упоминаний еврейского вопроса в позднейших сочинениях Л. С. Выготского мы не находим.

Отдаленную аналогию возможным психологическим размышлениям Л. С. Выготского по национальному вопросу можно увидеть в его теории дефекта и сверхкомпенсации. Эта словесная оболочка была заимствована у А. Адлера (левый социал-демократ, женатый на русской социалистке и общавшийся с Л. Троцким, по своему положению и взглядам он был близок к кругу Л. С. Выготского). Понятие дефекта и особенно понятие сверхкомпенсации понимаются Л. С. Выготским безгранично широко. “Путь к совершенству лежит через преодоление препятствий, затруднение функции есть стимул к ее повышению” [7, т. 5; 36]. Оценка своей социальной позиции как малоценной или заниженной ведет к сверхкомпенсации. “Чувство или сознание малоценности, возникающее у индивида вследствие дефекта, есть оценка своей социальной позиции, и она становится главной движущей силой психического развития”.

Смысл теории в том, что компенсация неадекватна дефекту. В конце концов прирост функции вследствие ее сверхкомпенсации оказывается большим, чем ее первоначальный недостаток вследствие дефекта. Поэтому дефект играет в развитии двойную роль: с одной стороны, препятствует ему, а с другой, более важной стороны, “служит стимулом к развитию окольных путей приспособления”. Здесь Л. С. Выготский дополняет А. Адлера своей излюбленной оппозицией между природой и культурой. Дефект может быть каким угодно; но сверхкомпенсация вся развертывается не в природе, а в культуре. “Культурное развитие есть главная сфера, где возможна компенсация недостаточности”. Итак, выходом из состояния малоценности является сверхкомпенсация в культуре. “Там, где невозможно дальнейшее органическое развитие, безгранично открыт путь культурного развития” [7, т. 3; 302].

Идея сверхкомпенсации становится своеобразным обоснованием гипертрофированного культурного активизма, столь свойственного Л. С. Выготскому и его кругу. Возможно, Л. С. Выготский именно так понимал феномен небывалой культурной продуктивности того вышедшего из черты оседлости поколения, к которому принадлежал и он сам. Но в соответствии со своими задачами Л. С. Выготский ничего не сказал о проблеме, которая логически следует из его теории сверхкомпенсации и смысл которой особенно ясен нам сегодня. Вследствие самого компенсаторного характера

развивающейся таким способом культуры ее продуктам должны быть свойственны некоторые особенности; но они данной теорией не предсказываются и не описываются. В духе А. Адлера эти особенности легко назвать невротическими; к ним могут быть отнесены навязчивость, насильственность, непрочность такой культуры. Сверхкомпенсация порождает удивительные культурные результаты; но насколько они “выдвинуты” в культуру, настолько же они “оторваны” от природы. Не об этом ли гадал применительно к своему “Петербургу” А. Белый?

Л. С. Выготский же здесь, как и во множестве других случаев, был между природой и культурой в пользу культуры.

Л. С. ВЫГОТСКИЙ И “ПРЕОДОЛЕВШИЕ СИМВОЛИЗМ”

В других рецензиях Л. С. Выготского интересно не столько их содержание, сколько его выбор своих литературных “героев” и журналы, в которых он печатался. Л. С. Выготский пишет о лидерах главного литературного течения эпохи — символизма; и в двух случаях (“Петербург” А. Белого и “Борозды и межи” Вяч. Иванова) Л. С. Выготский указывает на наиболее значительные их произведения. Время было бурное и богатое новинками; даже в более спокойные времена такое “попадание” начинающего критика можно было бы считать редкой удачей. Впрочем, авторы, о которых писал Л. С. Выготский, были не только значительны, но и модны.

Если в начале века символизм был литературой для элиты, то в предреволюционные годы А. Белого, Вяч. Иванова и Д. Мережковского читала просто интеллигентная публика. Для нее и выходили те журналы — “Новый путь” и “Летопись”, в которых публиковал свои рецензии Л. С. Выготский. Журнал “Летопись”, в котором печатались М. Горький и А. Керенский, А. Луначарский и Лариса Рейснер, играл важную роль на левом, социалистическом фланге литературной жизни; еврейский еженедельник “Новый путь” по политическим взглядам был близок к “Летописи”.

В обоих журналах активно сотрудничал двоюродный брат будущего психолога, литератор Д. И. Выгодский. Бывший всего на три года старше Льва Семеновича, Давид Исаакович сумел к этому времени занять прочные позиции среди левой петроградской интеллигенции [31]. Братья были так близки, что, как пишет биограф Д. Выгодского, Л. Выготский в начале 20-х гг. изменил букву в своей фамилии (“д” на “т”), “чтобы как-то различаться с Давидом Исааковичем” [31; 84]. После революции Д. И. Выгодский был близок к формалистам и ОПОЯзу.

*

Для журналов, в которых печатались рецензии Л. С. Выготского, круг символистов был скорее враждебен как в эстетическом, так и в политическом планах. Однако рецензии Л. С. Выготского в “Летописи”, отстаивавших

социальный реализм горьковского плана, реферативны и примирительны. В рецензии на “Борозды и межи” Л. С. Выготский суммирует философские и эстетические идеи Вяч. Иванова, интерпретирует их в психологическом ключе и упрощает до формул: “процесс творчества как раз обратный процессу восприятия”; “человек восходит, художник нисходит”. Рецензия спокойно оценивает теоретический труд признанного лидера символизма. Язык Вяч. Иванова, “в котором есть нечто, напоминающее скульптуру”, кажется Л. С. Выготскому не лишенным “крупных подчас недостатков”. Продолжая мысль Вяч. Иванова, Л. С. Выготский замечает от себя: “утверждая символизм как принцип всякого истинного искусства, школа тем самым сливается со всем истинным и подлинным, что в нем было, и перестает отдельно существовать” [16; 351 — 352].

Короткая рецензия на пьесу Д. Мережковского “Будет радость” [17] носит более резкий характер. Пьеса Л. С. Выготскому не нравится, кажется лишенной жизни, драматизма и, можно сказать, диалогизма: герои Д. Мережковского “не живые лица”; они “только сосуды его идей, за них всегда говорит автор”. В этой пьесе “один автор — первопричина всего”. “Здесь одна воля — преднамеренно тенденциозная власть автора”.

Перед нами размышления молодого учителя литературы из черты оседлости, увлеченного основным руслом современной ему русской литературы и находящего в ней те две проблемы, которые более всего волновали его самого: еврейский вопрос, с одной стороны, и психологию, с другой. В нейтральной рецензии на “Петербург”, опубликованной в “Летописи”, рецензент признает достоинства романа, пишет (в отличие от того, что он писал в “Новом пути”) и о выразительности образа Петербурга, и об очаровании стиля А. Белого. Л. С. Выготский акцентирует не антисемитизм А. Белого, а скорее его антипсихологизм, и критика имеет здесь иной характер. “Здесь нет реалистически психологической жизненной ткани, но все зыбко, неустойчиво, размывается туманом”. Похоже, что в этой рецензии Л. С. Выготский подвергает критике не только особенности данного романа, но и вообще занимавшие его аспекты символистского метода. Здесь Л. С. Выготский находит довольно сильные слова. “Все герои романа не только мертвые души, но и мертвые сознания, отдельные от тела”, — пишет он о “Петербурге”. “Сознание героев как бы отделяется от личности их, и автора занимает не живая психология людей, но голая логика их отдельных сознания; поэтому вместо картины душевной жизни, предлагаются описания “роев себя мысливших мыслей”.

Л.С.Выготский верно почувствовал у А.Белого его резкую антипсихологическую направленность, которая документируется сегодня с куда большей определенностью, чем предполагаемый Л.С.Выготским антисемитизм. Все европейское искусство лишь “плюханье в психологическом болоте”, — писал в 1905 г. А.Белый матери А. Блока и восклицал: “Ничто так не окрыляет, как мысль о том, что никакой психологии не существует (...) “Нет никакой психологии”, — хочется мне кричать и ликовать”. “На нас лежит обязанность очистить музыкой, вольной

и плавной, Авгиевы конюшни психологии, оставленной нам в наследство” [2; 93],— призывал А.Белый. Психология отождествлялась с бытием, плотью и природой; попав внутрь соответствующих бинарных оппозиций, в символизме крайне жестких, психология оказывалась противопоставленной всему хорошему и светлому — сознанию, музыке, культуре.

Воздух эпохи был перенасыщен эфиром духовности, но беден кислородом, нужным для жизни тела. Символизм с его верой в мистическую реальность, независимую от плоти, слишком отрывался от телесной жизни, оставлял ее без осмысления, интерпретации и культурной переработки. В свой антропософский период А. Белый столкнется с невозможностью жить в вакууме, к которому привело его отрицание психологии вместе с верой во всемогущество сознания по отношению к плоти. В своих “интимных” записях А.Белый рассказывает об “искушениях святого Антония”, которым он подвергся, когда стал аскетом после ухода жены; но, в отличие от Антония, у него не было духовного оружия для борьбы с соблазном. “Чтобы не пасть и победить чувственность, я должен был ее убить усиленными упражнениями; но они производили лишь временную анестезию чувственности; плоть я бичевал; она — корчилась под бичом, но не смирялась” [1; 380]. И.А.Ильин, проходивший психоанализ в 1910-х гг., писал тогда, что антропософ ищет не знания, а власти над непокорной и несчастной стихией своего существа [12; 63].

“Дано мне тело. Что мне делать с ним?” — спрашивал О.Мандельштам. Когда вопрос облекается в столь ясные слова, значит, ответ уже найден. Новое поколение, вступавшее в творческую силу в 1910-х гг., возвращало телу, слову, сексуальности и психологии отобранную у них предыдущим поколением ценность. “Как адамысты, мы немного лесные звери и во всяком случае не отдадим того, что есть в нас звериного, в обмен на невращение”,— писал Н. Гумилев [9; 57]. М. Пришвин, начинавший вместе с младшими символистами, всю жизнь возвращался к природе: “исчезла искусственная черта, разделявшая в моей душе любовь чувственную от душевной и духовной (...) На самом деле черты такой между земным и небесным миром вовсе не существует” [26; 253]. Этот разрыв с традицией воспринимался драматически; секретарь Религиозно-философского общества С.П.Каблуков писал о О. Мандельштаме: “религия и эротика сочетаются в его душе какой-то связью, мне представляющейся кощунственной” (см. [22; 256]).

Призыв лидеров нового движения имел успех. Пройдет несколько лет, и О. Мандельштаму придется уже предупреждать об обратном — об опасностях излишнего психологизирования: “С тех пор, как язва психологического эксперимента проникла в литературное сознание, прозаик стал оператором, проза — клинической катастрофой” [21, т. 3; 333]. Предчувствуя недоброе, но скорее всего не осознавая тогда подлинного значения своей метафоры, он называл в 1922 г. интерес новой литературы к новой психологии “романом каторжника с тачкой”.

В том же 1916 г., когда были напечатаны рецензии начинающего Л. С. Выготского, В. М. Жирмунский опубликовал большую теоретическую работу “Преодолевшие символизм”. В ней он так характеризовал достижения новой поэтической школы: “вместо сложной, хаотической, уединенной личности — разнообразие внешнего мира (...) вместо мистического прозрения в тайну жизни — простой и точный психологический эмпиризм”. Для В. М. Жирмунского “преодолевшие символизм” несли в себе “явные черты этого нового чувства жизни”; важнейшей было новое отношение к слову, при котором верилось: “душевное содержание как будто до конца воплотилось в слове”. Опытный филолог, впрочем, знал, что это не более чем плодотворная иллюзия, поддерживаемая самоограничением: “все воплощено, оттого что удалено невоплотимое, все выражено до конца, потому что отказались от невыразимого” [10; 111 — 112, 131 — 132]. Итак, вместо мистицизма — психологизм; вместо погружения в индивидуальность — выход в отношения с миром; вместо внесловесной реальности — поиск полного воплощения в слове... Удивительно, насколько полно эта литературная программа описывает Л. С. Выготского, одновременно его научный идеал и интуитивное содержание его теорий.

Полемикой с символизмом, и более всего с теми же Вяч. Ивановым и А. Белым, на этот раз как теоретиками, пронизана вся “Психология искусства”. “Вместо того, чтобы объяснить нам психологию искусства, они (символисты.—Л. Э.) сами нуждаются в объяснении”; и объяснение может быть только научно-психологическим [8; 58]. Новая психология начинается с психологии искусства; а та, в свою очередь, начинается с критики, “объяснения” и преодоления символизма. Молодого Л. С. Выготского можно понять, если рассматривать его в блестящем ряду “преодолевших символизм”. Символисты принадлежали уже к поколению отцов; дети преодолевали их идеи, направляя удары в самое слабое место. Местом этим оказалась “психология”, как понималось это слово в культуре того времени; и психолог стал, наряду с поэтами, одним из выразителей новой идеи.

Опыты литературной критики Л. С. Выготского, бесспорно, принадлежат к этому основному для своей эпохи интеллектуальному течению. В свою краткую литературную жизнь Л. С. Выготский вступал в одном ряду с О. Мандельштамом и Н. Гумилевым, В. Жирмунским и М. Бахтиным. Но к этому же направлению мысли принадлежат и теоретико-психологические его работы; и это представляется гораздо более важным. “Научными” способами Л. С. Выготский пытался ответить на те же вопросы, разрешить или хотя бы примирить те же дилеммы — я и мир, дух и плоть, культура и природа, мысль и слово,— которыми мучились до него или одновременно с ним русские поэты и философы. Такое рассмотрение Л. С. Выготского было совершенно не в интересах его преемников, людей следующего поколения, которым были чужды проблемы 1910-х гг. и которые предпочитали видеть в Л. С. Выготском марксиста-самородка на манер И. В. Мичурина,— человека, лишенного всякой почвы или, точнее, нашедшего ее в своих учениках.

Л. С. ВЫГОТСКИЙ И О. МАНДЕЛЬШТАМ

В. П. Зинченко в своих недавних очерках [11] выявляет черты родства между поэтикой О. Мандельштама и психологией развития. Подобные сопоставления кажутся особенно перспективными в историческом плане, применительно к пониманию культурных (и в частности, научных) процессов 1910-х и 20-х гг. Наука — часть культуры; обе владеют одним наследством, имеют одни иллюзии и разделяют одну судьбу. Снимая различия между областями культуры, такое понимание ищет историческое родство науки, искусства, политики и современной им обыденной жизни. Оно показывает культурную относительность там, где виделись научные открытия абсолютной значимости.

Принципиальным замыслом акмеизма было воссоединение природы и культуры,— снятие оппозиции, которую символизм преувеличил до безумия. В своем манифесте “Утро акмеизма” О. Мандельштам писал: “Мне не хотим развлекать себя прогулкой в “лесу символов”, потому что у нас есть более девственный, более дремучий лес — божественная физиология, бесконечная сложность нашего темного организма” [21, т. 3; 323]. В его мечтах эта “божественная физиология” была тем же, что и “органическая поэтика”: обе мыслились как некие естественные, “биологические” науки о слове-плоти и организме-культуре.

Конечно, знакомство Л. С. Выготского с Мандельштамами было далеко не случайным. Н. Я. Мандельштам пишет: “Еще встречались мы в тот год (1933.— А. Э.) с Выготским, человеком глубокого ума, психологом, автором книги “Язык и мышление”. Выготского в какой-то степени сковывал общий для всех ученых того времени рационализм. На улице мы останавливались со Столпнером, переводчиком Гегеля, который убеждал О. М., что мыслит не словами” [20; 216]. По другим воспоминаниям, Б. Столпнер¹ в начале 1930-х гг. “часто бывал” у Л. С. Выготского [14; 85]. Это был тот самый Борис Григорьевич Столпнер, “огненная ругань” которого еще в 1908 г. нравилась А. Блоку; В. Розанов писал о нем так:

“Столпнер был очень умен и в отдельных суждениях сильнее меня; но в общем сильнее меня не был” [27; 84]. Писал о нем и Л. Троцкий как об одном из “светских богословов”, который “весь состоит из мнений, одно другого лучше” [30; 294]. Удостоившийся лестного упоминания столь разными авторами, Б. Г. Столпнер (1871— 1967) прожил долгую и загадочную жизнь. Живой носитель интеллектуальной традиции, он запомнился Надежде Яковлевне ключевой своей идеей, о которой был готов говорить на улице: “что мыслит не словами”. Значение этой идеи нам

¹ Кстати, жена Б. Г. Столпнера, Г. Л. Розенгарт-Пупко была психологом, автором известной книги «Развитие речи ребёнка младшего возраста» (1947). Перед своей эмиграцией в Израиль в 70-х гг. она подарила все имеющиеся в её личной библиотеке издания З. Фрейда А. В. Запорожцу, который являлся учеником Л. С. Выготского и находился в дружеских отношениях с четой Столпнеров. (Прим. ред.).

предстоит оценить. Л. С. Выготский с О. Мандельштамом и, вместе или по отдельности, с Б. Г. Столпнером наверняка обсуждали эту проблему, следствия из которой простирались далеко за пределы психологии.

Поэзия раннего О. Мандельштама в большой степени сосредоточена на этой важнейшей и для Л. С. Выготского проблеме слова и того, что стоит за ним. “Слово — плоть и хлеб”, — пишет О. Мандельштам [21, т. 3; 225]. Таков (для него) русский язык — “непрерывное воплощение и действие разумной и дышащей плоти”. И курсивом: “поэтому русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью” [21, т. 3; 245 — 246]. То же и в стихах: “Я слово позабыл, что я хотел сказать. И мысль бесплотная в чертог теней вернется”, — цитирует Л. С. Выготский [7, т. 2; 295]². Итак, мысль без слова становится бесплотной. Слово — плоть мысли.

Позиция психолога в отношении основной проблемы его науки казалась Н. Я. Мандельштаму более “рационалистической”; но по сути своей она была той же, что и позиция поэта. Эпиграф из О. Мандельштама, поставленный на центральное место “Мышления и речи”, сполна отражает это родство идей. Возвращаясь в чертог теней, мысль, подобно душе без тела, не перестает существовать; она принимает иную форму. Как призрак, она тревожит своими чувственными и эмоциональными составляющими: “О если бы вернуть и зрячих пальцев стыд, и выпуклую радость узнаванья”. Но подлинно воскреснуть, воплотиться мысль может только в слове. Это понимание не так уж далеко от изоощренных формулировок более современных авторов (см., в особенности, [4]). Бесплотная, бессловесная, прозрачная мысль невнятна и бесцельна: “Все не о том прозрачная твердит”. В знаменитом “*Silentium*” поэт конструирует праединство слова и того, что, за неимением другого слова, он вслед за Ф. Ницше и А. Блоком называл “музыкой”: “Она и музыка и слово, И потому всего живого ненарушаемая связь”. Хорошо бы жить в молчании, одной душой, не воплощаясь в словах, как дельфины (тогда не знали, что и дельфины разговаривают): “Ни о чем не нужно говорить, Ничему не следует учить” ... Хорошо, но невозможно, и вынужденное, ироничное либо радостное признание этого — новое слово культуры: “Мы напряженного молчанья не выносим — Несовершенство душ обидно, наконец!”; но с другой стороны, “Слово — чистое веселье, Исцеленье от тоски!”.

В стихотворении об “имябожцах”, веривших в то, что Бог живет в своем имени, и бесконечно это имя повторявших, чтобы приобщиться благодати³, О. Мандельштам выстраивает новую версию основной

² Л. С. Выготский цитирует неточно: либо по памяти, либо ему был известен какой-то неопубликованный вариант.

³ Иное прочтение этого стихотворения см.: *Паперно И. О природе поэтического слова. Богословские источники спора Мандельштама с символизмом*//Литер. обозр. 1991. № 1. С. 29 - 36. Собрания сочинений О. Мандельштама - и американское трехтомное, и российское двухтомное - в своих комментариях неправильно рассказывают об имябожцах, а вернее, об именованцах, делая смысл стихотворения совершенно непонятным; комментаторы академического издания “Камня” ближе в этом вопросе к истине. Об именованстве см.: *Бердяев Н. Гасители духа* // Собр. соч. Париж. YMCA-Press, 1989. Т. 3. С. 622 - 634; *Булгаков С. Православие. Очерки учения православной церкви*. Киев: Лыбидь, 1991. С. 180 - 182; оба религиозных философа относились к именованству с сочувствием.

метафоры: поскольку слово есть плоть, а любовь есть любовь к плоти, постольку нельзя любить то, имени чего не знаешь. Любовь к слову-плоти разрывает с традицией и потому есть ересь. “Но от ереси прекрасной Мы спасаться не должны. Каждый раз, когда мы любим, Мы в нее впадаем вновь”. И действительно, любовь поэта совершается в переборе все новых кличек, которые он дает возлюбленной: “Я научился вам, блаженные слова — Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита”. В этом осуществление человека, потому что “смертным власть дана любить и узнавать”, а узнавать — значит называть.

Итак, слово — плоть мысли. Такое понимание приходит не сразу: “Сначала думал я, что имя — серафим, И тела легкого дичился”. Мистификация слова и пренебрежение к телу — это и есть оставленный позади символизм. “Значенье — суета, и слово — только шум, Когда фонетика — служанка серафима”. Позже, в 1922 г., поэт скажет о символизме жесткой прозой: “От этой дамской ерунды с одинаковым подозрением отшатываются и профессиональные почтенные мистики, и представители науки” [21, т. 3; 422]. Место “дамской ерунды” символизма, противопоставляющего природу и культуру, должна занять “божественная физиология”, сливающая их в новом единстве. Если слово — плоть мысли, то филология обладает “всеми чертами биологической науки”; поэтому подлинная жизнь “теплится (...) в филологии и только в филологии” [21; 249 и 256].

Воссоединение культуры с природой, души с плотью, мысли со словом было спасением от разорвавшего их символизма. Одновременно метафора слова-плоти и мысли-души, дающая психологии образ, созвучный новому религиозному сознанию, могла рассматриваться и как альтернатива психоанализу. Свойственное ему разделение внутреннего мира на то, о чем знаешь, и то, о чем не знаешь, конечно, воспринималось как рационалистическое. Ранний Л. С. Выготский прямо приравнивал сознание к тому, что воплощено в слове [7, т. 1; 148].

У Ф. Ницше и символистов кризис культуры, сомневающейся в своих рациональных основах, звучал как музыка, высшее искусство, не нуждающееся в словах. Но скоро музыка превратится в тот “шум”, который А. Блок слышал в революции, и потребность в словах, объясняющих крушение жизни, возродится с неведомой ранее силой. По поводу “Silentium” В. Шкловский писал: “Слова, обозначающего внутреннюю звукоречь, нет, и когда хочется сказать о ней, то подвертывается слово музыка, как обозначение каких-то звуков, которые не слова; в данном случае еще не слова” [36; 22]. У Л. С. Выготского та же интуиция принимает форму “первоначального единства сенсорных и моторных процессов”, — единства натурального, свойственного и детям, и животным, которое “распадается в процессе культурного развития (...) с тех пор, как слово вдвигается” внутрь [7, т. 6; 42 — 43]. Знаковая же организация, как помнит любой студент, которого учили “по Выготскому”, оказывается важнейшим признаком и механизмом всех высших психических функций.

Постепенно “знаковая организация” движется все глубже, замещая и вытесняя “дух музыки”. Позднее не кто иной, как сам И. Сталин, закрыл дискуссию о том, кто как мыслит—словами или не только словами — своими точными формулировками: “Говорят, что мысли возникают в голове человека до того, как они будут высказаны в речи (...). Но это совершенно неверно. Оголенных мыслей, свободных от языкового материала (...) — не существует” [28]. Мысль равна слову, человек равен телу. В этом — исчерпывающее психологическое обоснование тоталитаризма. Если “оголенных мыслей не существует”, то человек прозрачен и весь доступен социальному контролю. В советских условиях проблема мыслей и образов, значений и слов, мышления и речи была отнюдь не только проблемой науки; ее значение выходит далеко за рамки психологии. Сталин, посвятивший ей свои стратегические страницы, видел это лучше других.

О. Мандельштам и Л. С. Выготский, в отличие от символистов, знали значение плоти. Но, в отличие от философствующих большевиков, они знали и многое другое. В радикально понятом развитии, о котором говорит Л. С. Выготский, претворяются плоть и душа, меняется само их отношение друг к другу. Эта идея, имеющая глубокие религиозные корни, стала для Л. С. Выготского выходом из пост-символистской ситуации, в которой внутреннее расщепление человека было осознано и подвергнуто критике, но вряд ли было преодолено. Именно здесь Л. С. Выготский хотел бы — и в этом нескромном желании признается — видеть нечто, что “и не снилось мудрецам” [7, т. 2; 305]. Эти страницы “Мышления и речи”, несущие эпиграф из строк О. Мандельштама и свободные от привычной полемики с западными психологами, выражают одну лишь интуицию автора, его подлинное открытие. Проникнутые динамизмом 20-х гг., они до сих пор, совсем в иное время, сохраняют свое обаяние.

“Мысль не выражается в слове, но совершается в слове”, — писал Л. С. Выготский. “Слово (...) есть плоть деятельная, разрешающаяся в событие”, — писал О. Мандельштам. Для обоих это значило, что ни души, ни плоти, ни слова, ни мысли в их отдельности нет, а есть процесс их становления и взаимных превращений. Переводя знаменитую формулу Л. С. Выготского с помощью метафоры О. Мандельштама, получаем: “Дух не выражается в плоти, но совершается в плоти”. Это могли бы сказать В. Розанов и Д. Мережковский; с этим согласились бы Л. Шестов и М. Бубер. Мы возвращаемся здесь к иудеохристианской традиции, считавшей возможным и желанным — в ожидании мессии, в его образе или в его делах — подлинное одухотворение плоти и воплощение духа. “Слово плоть бысть”, — сказано в Писании.

Итак, “органическая поэтика” О. Мандельштама совпадала с “культурной психологией” Л. С. Выготского в их общей реакции на “дамскую ерунду” символизма. Но идеи Л. С. Выготского и О. Мандельштама, отправляясь от общего источника, развивались в разных направлениях. Сильно упрощая, можно сказать, что Л. С. Выготский стремился к культуре, О. Мандельштам после 1917 г. — к природе. Природа

возьмет свое, растворив и самое подлинное в человеке, и самое фальшивое в нем. “Наша кровь, наша музыка, наша государственность — все это найдет свое продолжение в нежном бытии новой природы, природы-Психеи”. Воплощение старой мечты о “новой одухотворенной природе” О. Мандельштам видит теперь в траве, пробивающей камень петербургских улиц: мечь природы недостойной ее культуре, “царство духа без человека” [21, т. 3; 225].

В отличие от Л. С. Выготского, О. Мандельштам был предельно далек от наивной веры в науку. “Свободный ум человека отделился от науки. Он очутился всюду, только не в ней: в поэзии, в мистике, в политике, в богословии” [21, т. 3; 243]. Вообще же проблема теоретического обоснования “нового чувства жизни”, разработки “божественной физиологии” как науки хорошо понималась в том филологическом кругу, к которому принадлежали и О. Мандельштам, и Л. С. Выготский. “Конечно, в тысячу раз легче оглашать воздух такими призывами, чем подводить под эти смутные тяготения прочную теоретическую базу”, — писал в связи с “Silentium” Б. Лившиц [15; 115].

Динамический дух интеллектуальных течений начала века — дух нищезанятия и всего, что за ним последовало — привнес в эту традицию новую практическую устремленность. Дело одухотворения можно и нужно совершить самим — в революции ли, в поэзии или в педагогике. Общим знаменателем “нового чувства жизни” было возвращение к здравому смыслу, человеческой плоти. Слово “плоть” отличается от более привычного нам слова “материя” дополнительным значением: плоть сексуальна. У новых людей 1910-х гг. новый материализм соединялся с новым эротизмом; у наиболее начитанных — с психоанализом.

Л. С. ВЫГОТСКИЙ И САБИНА ШПИЛЬРЕЙН

Исследователи Л.С.Выготского (напр., [50]) отмечают удивительную особенность его биографии. Бурное начало его психологических публикаций датируется 1924 г., когда вышли в свет шесть его работ по психологии и дефектологии. “Моцарт психологии” был не так уж юн — в этом году ему исполнилось 28. Удивительно здесь только то, что до этого года Л. С. Выготский не опубликовал ни одной психологической работы. В списке его трудов (см. [21, т. 6]) в 1915 — 1923 гг.— только вышеупомянутые рецензии, рукопись о Гамлете и неопубликованные доклады на учительских конференциях. Но уже в 1926 г. выходит его “Педагогическая психология”. Жизнь в послереволюционном Гомеле, конечно, не благоприятствовала научной работе. Но, учитывая необыкновенную продуктивность последующих лет, молчание этого одаренного, зрелого и страстного в науке человека требует объяснения. У феномена психологического “обращения” Л. С. Выготского есть одна параллель, которая кажется весьма важной.

1921 г. оказался переломным годом в жизни двадцатипятилетнего Ж. Пиаже. Его познавательная энергия, до того метавшаяся от систематики

моллюсков до философской эпистемологии, теперь, наконец, нашла точку приложения. Именно в 1921 г. Ж. Пиаже публикует первую свою статью, посвященную развитию речи и мышления у ребенка, и совершает свое открытие эгоцентрической речи. В том году Ж. Пиаже прошел курс психоанализа у выдающегося русского психоаналитика Сабины Николаевны Шпильрейн⁴. Анализ длился восемь месяцев, по утрам каждый день. По словам Ж. Пиаже, проведенный С. Н. Шпильрейн психоанализ не был ни терапевтическим, ни учебным, а имел “пропагандистский” характер. Ж. Пиаже вспоминал, что С. Н. Шпильрейн была направлена в Женеву Международной психоаналитической ассоциацией с целью пропаганды там анализа, и он с удовольствием, как он говорил много лет спустя, “играл роль морской свинки”. Ж. Пиаже был сильно заинтересован, но испытывал сомнения по поводу теоретических вопросов. В конце концов С. Н. Шпильрейн прервала анализ по собственной инициативе, не желая, по словам Ж. Пиаже, “тратить по часу в день с человеком, который отказывается проглотить теорию” [40; 145]. К тому же он не собирался становиться психоаналитиком, хотя и участвовал в Берлинском конгрессе 1922 г., на котором была и С. Н. Шпильрейн; тогда же имя Ж. Пиаже появляется в списках Швейцарской психоаналитической ассоциации. В своей “Автобиографии” Ж. Пиаже не упоминает о пройденном им анализе. Но в интервью Дж. Раису в 1976 г. Ж. Пиаже, подтвердив, что аналитиком была именно С. Н. Шпильрейн, описывал ее как очень умного человека со множеством оригинальных идей [44]. Он рассказывал Дж. Раису, что пытался установить с ней контакт после ее возвращения в Россию, но ему это не удалось.

Влияние С. Н. Шпильрейн помогло Ж. Пиаже осознать реальный круг своих профессиональных интересов. Сразу же он начинает серию экспериментов, которые открывают эпоху в экспериментальных исследованиях психологии развития. В 1923 г. выходит его знаменитая книга “Язык и мышление у ребенка”. В ранних работах Ж. Пиаже эгоцентрическая роль противопоставляется социализованной речи, которая постепенно вытесняет первую, позволяя ребенку общаться с родителями и сверстниками. Годом раньше своей встречи с Ж. Пиаже, в 1920 г. С. Н. Шпильрейн “из Лозанны” делала доклад на 6-м Международном психоаналитическом конгрессе в Гааге. Доклад в сокращенном виде был опубликован в официальном органе Международной ассоциации. Он называется “К вопросу о происхождении и развитии речи” [45]. Шпильрейн рассказывала коллегам, что есть два вида речи — аутистическая речь, не предназначенная для коммуникации, и социальная речь. Аутистическая речь первична, социальная речь развивается на ее основе. В статье 1923 г. “Некоторые аналогии между мышлением ребенка, афазическим и бессознательным мышлением” [46] С. Н. Шпильрейн продолжает свои рассуждения, выстраивая ту систему аналогий (аутистическая речь ребенка — мышление при афазии — фрейдовское

⁴ Об этой женщине см.: [39], [39a], [40], [51].

бессознательное), которая будет иметь ключевое значение для последующей психологии столетия. Свои идеи С. Н. Шпильрейн подкрепляет наблюдениями и маленькими экспериментами над своей старшей дочерью Ренатой. В другой работе, доложенной на Берлинском психоаналитическом конгрессе 1922 г. и, следовательно, современной самым первым экспериментам Ж. Пиаже, С. Н. Шпильрейн рассуждает о генезисе понятий пространства, времени и причинности у ребенка [47].

Первые слова — “мама” и “папа” — выводятся С. Н. Шпильрейн из звуков, издаваемых ребенком при сосании. Звуки “мо-мо” ребенок издает, когда хочет есть и сосет грудь; звуки “по-по” — когда, насытившись, играет грудью. В аутистической фазе ребенок, чмокая губами, получает удовольствие даже в отсутствие материнской груди. Потом ребенок связывает эти два типа звуков с родителями; так возникают первые слова социальной речи. Когда голодный ребенок, сам себя удовлетворяя, чмокает “мо-мо”, приходит мать; связывая это свое движение с появлением материнской груди, ребенок приходит к магическому использованию издаваемого им звука. Позже звук удовлетворения “по-по” связывается с отцом. Двухлетний ребенок, овладевая социальным использованием речи, сохраняет многие качества аутистического мышления. В частности, он нечувствителен к противоречиям, легко переключается, но так же легко возвращается к старой идее, и по многим признакам демонстрирует те же особенности мышления, которые известны у больных афазией. Маленький ребенок, подобно сновидцу, знает только настоящее. Первой фазой формирования понятия о времени является идея о том, что нечто например, мать, продолжает существовать и тогда, когда она недоступна непосредственному наблюдению.

Во всем этом С. Н. Шпильрейн чрезвычайно близка к поискам молодого Ж. Пиаже. Ставя одни и те же проблемы, С. Н. Шпильрейн и ее швейцарский пациент шли от общей точки в разных направлениях: логика формальных операций мышления станет открытием Ж. Пиаже, С. Н. Шпильрейн же углубилась в собственно психологический анализ взаимосвязи речи, мышления и эмоционально насыщенных отношений ребенка с родителями. Подход С. Н. Шпильрейн — психоаналитический, придающий главное значение содержанию взаимодействий ребенка с родителями; Ж. Пиаже же постепенно отказывался от него, формируя свой собственный структурный подход. Конечно, сходство и различие их взглядов множество раз обсуждались между С. Н. Шпильрейн и Ж. Пиаже, когда пациент подвергал сомнению теоретические основы анализа, а терапевт, помня о своих “пропагандистских” задачах, в ответ приводила свои теоретические аргументы. Работу знаменитого швейцарского психолога еще многие десятилетия продолжал стимулировать интерес к ключевым вопросам, поставленным перед ним в 1921 г. С. Н. Шпильрейн.

В 1923 г. С. Н. Шпильрейн публикует экспериментальную работу под названием “Три вопроса” [48]. Студенты в Женевском Институте Руссо должны были придумать три самых важных вопроса, которые они могли бы

задать Богу, судьбе или другой высшей инстанции; через неделю эксперимент был повторен с той разницей, что перед ним студенты сидели две минуты с закрытыми глазами. Во второй серии вопросы студентов были более конкретными и, как пишет С. Н. Шпильрейн, “эгоцентрическими”. Наконец, уже в 1931 г., в Ростове-на-Дону, С. Н. Шпильрейн в иной экспериментальной процедуре исследует ту же ключевую проблему соотношения сознательной, социальной, адаптивной и бессознательной, эгоцентричной, аутистической мысли [49]. Несколько групп детей и взрослых получали задания рисовать с открытыми и закрытыми глазами. Рисунки, сделанные с закрытыми глазами, были не только более примитивны технически, но и в большей степени связаны с кинестическим опытом, более проективны и во многом напоминали рисунки детей.

В 1923 г. С. Н. Шпильрейн по совету З. Фрейда возвращается в СССР. Согласно официальному сообщению Международной психоаналитической ассоциации [41], доктор С. Шпильрейн, бывший член Швейцарского психоаналитического общества, была принята в члены только что организованного Русского общества осенью 1923 г., одновременно с А. Лурия и двумя другими казанскими аналитиками. Ее авторитет и научные связи были сразу же признаны. В том же 1923 г. она вошла в Комитет из пяти членов, сформированный для верховного руководства как Государственным психоаналитическим институтом, так и Русским психоаналитическим обществом. С сентября 1923 г., судя по ее кадровой анкете, С. Н. Шпильрейн работает в трех местах: научным сотрудником Государственного психоаналитического института, врачом-педологом в “Городке имени Третьего Интернационала” и заведующей секцией по детской психологии 1-го Московского университета. Свою профессию она определяет как “психиатр и врач-педолог”. В январе 1924 г. (как раз тогда, когда Л. С. Выготский делает свой доклад в Петрограде и входит в московский научно-политический мир) документ, направленный в Наркомпрос за подписью директора Государственного психоаналитического института И. Д. Ермакова, подтверждает: С. Н. Шпильрейн числилась тогда научным сотрудником института [34].

Итак, возвратившись из длительной эмиграции и сориентировавшись в непростой московской атмосфере, С. Н. Шпильрейн делает акцент на медико-психологической работе с детьми). То же — и одновременно или чуть позже — делает приехавший из Гомеля Л. С. Выготский, идущий как в своей карьере, так и в своих теоретических интересах буквально по следам Сабины Николаевны. Разница, конечно, в том, что С. Н. Шпильрейн была в это время ученым с мировым именем; Л. С. Выготский же — блестящим дебютантом. К этому еще можно добавить, что брат Сабины Николаевны, И. Н. Шпильрейн, лидер советской психотехники, тогда был и надолго останется для Л. С. Выготского уважаемым и близким коллегой (например, в 1933 г. Л. С. Выготский был заместителем И. Н. Шпильрейна как председателя Психотехнического общества [14]).

С. Н. Шпильрейн читала в институте курс лекций по психологии бессознательного мышления, а также вела семинар по психоанализу детей и амбулаторный прием. В ноябре 1923 г. она читала на заседании Психоаналитического общества доклад “Мышление при афазии и инфантильное мышление”, в котором рассказывала о том, что нарушения мышления при афазии сходны с мышлением детей, и оба эти типа мышления проливают свет на процессы формирования речи. В 1923 г. С. Н. Шпильрейн была автором 30 печатных работ. В своей кадровой анкете она сообщала, что два новых труда о символическом мышлении она предполагает закончить и опубликовать в России (этого не случилось). В том году вышло семь статей С. Н. Шпильрейн в западных психоаналитических журналах [35]. В составленном А. Р. Лурия наброске оглавления 2-го (невышедшего) тома книги “Психология и марксизм” значится статья С. Н. Шпильрейн “Проблема бессознательного в современной психологии и марксизм”. Нам неизвестно точно, когда она переехала в Ростов-на-Дону, но вероятно, это был конец 1924 или 1925 г. Институт был ликвидирован в августе 1925 г. [36].

С. Н. Шпильрейн была человеком не только выдающихся творческих способностей, но и умела влиять на людей. По ее отношениям с З. Фрейдом мы знаем о ее способности на десятилетия опережать развитие самой сильной мысли, а также о ее такте и, как писал ей З. Фрейд, умении “нежной рукой разглаживать наши складки и морщины” [40]. По ее отношениям с К. Юнгом мы знаем о ее женском обаянии, смелости и умении выходить из трудных ситуаций. По ее отношениям с Ж. Пиаже мы знаем о стимулирующей роли непосредственного интеллектуального общения с ней. Молодой А. Р. Лурия, ученый секретарь Института, и молодой Л. С. Выготский, собирающийся вступить в члены Русского психоаналитического общества (он будет числиться членом его по списку 1929 г. [41]), могли слушать лекции, семинары и доклады С. Н. Шпильрейн как последнее слово мировой науки, которой они поклонялись заочно, но от реальной жизни которой они были прочно оторваны. Провинциалы-энтузиасты, верящие в науку как в средство решения проблем страны и не мыслившие вне этой науки своей собственной жизни, они, естественно, смотрели на С. Н. Шпильрейн как на олицетворение передовой европейской мысли. Эта женщина знала З. Фрейда и К. Юнга, Э. Блейлера и А. Клапареда, Ж. Пиаже и Ч. Балли. И как знала ...

Едва ли не первая теоретическая публикация Л. С. Выготского — совместное с А. Р. Лурия предисловие к “По ту сторону принципа удовольствия” З. Фрейда,— той самой фрейдовской работе, для которой такую удивительную роль сыграла в свое время С. Н. Шпильрейн. Л. С. Выготский и А. Р. Лурия писали там о своих фрейдомарксистских проблемах, которые вряд ли интересовали С. Н. Шпильрейн; но, читая работу, к которой сами писали восторженное предисловие, они не могли не обратить внимание на то, как З. Фрейд — сам Фрейд! — ссылается на работающую с ними под одной крышей коллегу: “В одной богатой

содержанием и мыслями работе, к сожалению, не совсем понятной для меня, Сабина Шпильрейн предвосхитила значительную часть этих рассуждений” [32; 417]. Но, говоря, что эта работа З. Фрейда еще до ее перевода вызвала дискуссию в русских психоаналитических кругах, Л. С. Выготский и А. Р. Лурия не упоминают С. Н. Шпильрейн. Каковы бы ни были причины этого, ясно, что С. Н. Шпильрейн не создала вокруг себя культа, который был, кажется, неременной принадлежностью социального успеха в те годы. Она наверняка не владела тем философским новоязом, который с необыкновенной быстротой рождался вокруг нее, в том числе и под пером близких ей психологов — ее брата И. Шпильрейна, ее ассистента Б. Фридмана, ученого секретаря ее института А. Лурия.

У талантливых людей впечатление от общения с яркой, знаменитой, продуктивной личностью, полученное в самом начале карьеры, может надолго определять ход развития научных интересов. Кажется правдоподобным предположение, что знакомство с С.Н. Шпильрейн сыграло определяющую роль в формировании психологических интересов Л. С. Выготского. Вполне вероятно, что С.Н. Шпильрейн сыграла роль общего инициатора двух направлений мировой психологии, “генетической психологии” Ж. Пиаже и “культурно-исторической теории” Л. С. Выготского и А. Р. Лурия. Впоследствии Ж. Пиаже [25], отдавая должное Л. С. Выготскому и его критике в свой адрес, видел оригинальный вклад Л.С. Выготского в идее внутренней речи и в гипотезе о том, что она происходит из эгоцентрической речи; мы снова чувствуем здесь, в этой оригинальности Л. С. Выготского, влияние ранних идей С. Н. Шпильрейн. Ж. Пиаже никак не комментировал исторические корни странного сходства их взглядов и интересов, тем более удивительного, если представить себе разницу между обстоятельствами их жизненного пути, равно как и между московским и женевающим бытием 20-х гг.

Для С. Н. Шпильрейн, в отличие от Ж. Пиаже, Л. С. Выготский был человеком той же культуры, к которой принадлежала она сама. Его интеллектуальное наследство и его проблемы были хорошо знакомы и понятны С. Н. Шпильрейн. В ее экспериментах со словом и с тем, что стоит за ним и что может обойтись без него, чувствуется тот же общий для постсимволистской культуры интерес, с которым пришел в психологию Л. С. Выготский и о котором писал на языке своих метафор О. Мандельштам. Эта проблематика важна и сегодня. Попробуйте мысленно представить себе, из-за каких “теоретических разногласий” буксовал проводившийся когда-то в Женеве анализ и что отвечала на возражения Ж. Пиаже С. Н. Шпильрейн; скорее всего, ваша внутренняя речь воспроизведет аргументы Л. С. Выготского из “Мышления и речи” ...

Как и С. Н. Шпильрейн, Л. С. Выготский придавал значение тем эмоциональным факторам общения ребенка с родителями, которые был склонен игнорировать Ж. Пиаже. Подход Л. С. Выготского, направленный на совмещение структурных моделей Ж. Пиаже с интуицией о роли Другого, по своей сути продолжает подход С. Н. Шпильрейн. Свой вклад Л. С.

Выготский идентифицировал как “марксистский”; но в конце концов его идеи оказались более близки психоаналитикам, чем марксистам. И генетически они глубже связаны с фрейдовским пониманием роли родителей, чем с теми неограниченно политизированными представлениями, которые назывались марксистским учением о среде (пример подобной эволюции, далеко уводящей от общей с Л. С. Выготским основы, дал в “Советской России” другой бывший психоаналитик, А. Б. Залкинд (см. [39]). Вспоминал ли Ж. Пиаже о своих давних спорах с С.Н. Шпильрейн, когда отвечал на критику Л. С. Выготского? Во всяком случае, поздний Ж. Пиаже своей уступчивостью в отношении довольно жесткой критики признавал прозорливость своих русских коллег. Он делал этим шаг навстречу психоанализу в версии Шпильрейн — Выготского, но, конечно, не марксизму в версии Выготского — Залкинда.

Детальный анализ преемственности между работами С. Н. Шпильрейн и ранними работами Ж. Пиаже, Л. С. Выготского и А. Р. Лурия еще предстоит произвести. Пока же можно ограничиться наблюдением поразительной одновременности, с которой молодые люди в столь далеких друг от друга Женеве и Москве меняют свои интересы после встреч с этой удивительной женщиной, начиная заниматься одними и теми же проблемами: эгоцентрической речью ребенка, ее соотношением с социальной речью и генезисом внутренней речи; попыткой разобраться в связях между когнитивным развитием ребенка и его аффективными отношениями с другими людьми; аналогией между афазией, неврозом и фрейдовским бессознательным; и, наконец, поиском экспериментального подхода к невербальным компонентам мысли. Обращает на себя внимание и сходство клинических процедур работы с ребенком, последовательно появлявшихся в экспериментальных исследованиях С. Н. Шпильрейн, Ж. Пиаже и Л. С. Выготского начиная с 1920 г.

Л. С. ВЫГОТСКИЙ И Л. Д. ТРОЦКИЙ

В Москве середины 20-х гг. Л. С. Выготский, вместе со всем своим окружением, находился под интеллектуальным и политическим влиянием Л. Троцкого. Следы такого влияния многочисленны как в текстах Л. С. Выготского, так и в организационных делах учреждений, с которыми он был связан. Особенно очевидна поддержка Л. Троцким московских психоаналитиков, прослеженная мной в другом месте [39]. Не менее серьезной была, по-видимому, и поддержка им психотехники: И. Н. Шпильрейн вел многолетние исследования по заказу Красной Армии и в 1935 г. был расстрелян как троцкист. Но более важной является содержательная сторона дела.

Уже Ф. Ницше, часто называвший себя психологом, понимал, что, если оставить в стороне темные биологические проекты, то единственным путем к изменению человеческой природы оказывается именно психология. Он так и писал: “Психология должна быть поставлена выше всех других наук и

должна иметь их все в своем распоряжении (...), потому что психология есть путь ко всем остальным проблемам” ([23; 4]; см. также [24; 258]). Л. Троцкий повторял эту идею, не ссылаясь: “Наряду с техникой педагогика — в широком смысле психофизиологического формирования новых поколений — станет царицей общественной мысли” [29; 460]. С помощью чего-то вроде психоанализа будет создано что-то вроде сверхчеловека: “человек поставит себе целью овладеть собственными чувствами, поднять инстинкты на вершину сознательности (...) и тем самым поднять себя на новую ступень (...) если угодно — сверхчеловека” [30; 197]. Л. С. Выготский, конечно, думал не о Ф. Ницше, а о Л.Троцком, когда заканчивал свой “Исторический смысл психологического кризиса” скрытой цитатой: “В новом обществе наша наука станет в центре жизни (...) Она действительно станет последней в исторический период человечества наукой (...) Но и эта наука о новом человеке будет все же психологией” [7, т. 1; 435]. Эта работа, датируемая 1927 г., проникнута безошибочно узнаваемым троцкистским духом и потому, вероятно, после быстрого падения Л. Троцкого осталась неопубликованной. Экстатическую веру этих людей, степень ее радикальности и утопизма сегодня не надо забывать: “Новое общество создаст нового человека. Когда говорят о переплавке человека, как о несомненной черте нового человечества, и об искусственном создании нового биологического типа, то это будет единственный и первый вид в биологии, который создаст сам себя”, — писал Л. С. Выготский [7, т. 1; 436]. Может быть, для понимания природы этой веры стоит еще раз вспомнить теорию сверхкомпенсации...

Л. Троцкий, выстраивая свои политические приоритеты как иерархию сознательно свершаемой истории, плавно переходил от политики через экономику к психологии. “Человек сперва изгонял темную стихию из производства и идеологии, вытесняя варварскую рутину научной техникой и религию - наукой. Он изгнал затем бессознательное из политики (...) насквозь прозрачной советской диктатурой. Наиболее тяжело засела слепая стихия в экономических отношениях, но и оттуда человек вышибает ее социалистической организацией хозяйства (...) Наконец, в наиболее глубоком и темном углу бессознательного, стихийного, подпочвенного затаилась природа самого человека. Не ясно ли, что сюда будут направлены величайшие усилия исследуемой мысли и творческой инициативы?” [30; 197]. Психология здесь — цель, вершина и подлинный смысл революции.

Страницами цитировал эти идеи Л. Троцкого Л. С. Выготский в своей “Педагогической психологии” 1926 г. (см. с. 347). В издании 1991 г. под редакцией В. В. Давыдова цитата раскавычена и имя Л. Троцкого, видимо, по политическим причинам, выпущено⁵. Авторы последней американской монографии о Л. С. Выготском [50], доверяя В. В. Давыдову, вслед за его изданием цитируют этот текст как творение самого Л. С. Выготского.

Следуя за Л. Троцким, Л. С. Выготский писал, что “революция предпринимает перевоспитание всего человечества” [6; 368]. Революция

⁵ Между тем тот же пассаж Л. Троцкого цитировался в [38].

перманентна и осуществляется в сознании так же, как в бытие; или даже с опережением. Поэтому революция оставляет такое большое и почетное место для психологии. Как мощный и ничем не заменимый инструмент в арсенале культуры, психология должна служить революции, совершая свою долю изменения мира.

По мере разочарования в возможностях улучшения жизни на этом пути взгляды всегда сосредоточивались на детях; с ними, не испорченными косной жизнью и доступными новым методам, можно все начать сначала. Своего расцвета эта идея достигнет гораздо позже, на пике преобразующего энтузиазма советского времени. Но закладывались эти идеи очень рано, среди совсем иных людей и обстоятельств. Л. С. Выготский выстраивал свою “педагогическую психологию” на указанных тем же Ф. Ницше путях, направленных против натурализма: “для Толстого и Руссо ребенок представляет из себя идеал гармонии. Для научной психологии ребенок раскрывается как трагическая проблема” [6; 367].

Наука о детях в ее философских и прикладных, мифологизированных и наукообразных вариантах становится в центр устремлений эпохи. Выступавшая под разными названиями (педагогическая психология, педология, педагогика), она неизменно понималась как могущественная социальная техника, которую можно изобрести и которой можно обучать. Педагогика, какая она есть, достойна презрения или в лучшем случае сожаления. “Для психолога прежняя школа осуждена (...) В свете психоанализа мы можем прямо сказать, что педагогическая система (...) создавала учительский невроз”, — писал Л. С. Выготский [6; 365]. В обществе близкого будущего учителя будут не нужны и даже вредны так же, как вредны, по Л. С. Выготскому, детские сказки. Каждый станет учителем по творчеству жизни.

В книге харьковчанина Г. Малиса “Психоанализ коммунизма” [19] идеи Л. Троцкого разворачиваются в некую систему, близко напоминающую идеи “Педагогической психологии” Л. С. Выготского. Психоанализ — главный, наряду с марксизмом, участник великой переоценки ценностей, которая вот-вот преобразит духовную жизнь человечества. Пока что, в 1924 г. размах совершенного не удовлетворяет автора: “человеческой мысли предстоит в области идеологии произвести ту же революцию, которая начинается сейчас в экономике”. В гармоничном обществе завтрашнего дня, так же как и в первобытном обществе, вытеснять будет нечего и незачем: “новое общество, мучительное зарождение которого мы имеем счастье видеть, раскроет каждому человеку все виды удовлетворения”. А значит, “в коммунистическом обществе не будет ни неврозов, ни религии, ни философии, ни искусства”. Все надежды Г. Малис, естественно, возлагает на детей и их воспитание в новом духе: надо “объединять детей в монолитные социальные образования с выборным вождем”; такие “коммунистические отряды” сумеют “поглотить ребенка целиком”. Главными же врагами этого золотого века и здесь оказываются учителя, детской ненавистью к которым сочинение Г. Малиса удивляет более

всего остального. Учителя — “наиболее надломленный элемент общества”; психоанализ же излагается как коммунистическая альтернатива любым методам педагогики, куда более радикальная, чем даже линия Наркомпроса.

Подобно теургии, о которой мечтал когда-то А. Белый [3], педагогика призвана совершить невиданное, долгожданное действие преобразования. Перерождение, перевоспитание, переплавка, перековка должны идти под крылом существующей власти, под началом ныне здравствующих лидеров. Педагогический Апокалипсис совершится под чутким и требовательным руководством политиков. Это и есть теперь задача гуманитарной науки — переделывать людей так, чтобы они были довольны и производительны в существующих условиях. В бесклассовом обществе дискуссия о средствах, не о целях, станет центром общественной жизни, над которой будут возвышаться победившие большевики. “Педагогические системы будут спланировать вокруг себя могущественные партии. Социально-воспитательные опыты и соревнования разных методов получают размах, о котором ныне нельзя и помышлять”, — писал Л. Троцкий [29; 460]. И эти слова тоже — наверно, с гордостью и надеждой — цитировал в “Педагогической психологии” Л. С. Выготский. Когда новая наука адаптирует людей к новой власти, — тогда новые, необыкновенные педагоги станут хозяевами жизни.

За всем этим чувствуется соперничество в высших сферах партийной власти; но одновременно старая, как мир, борьба между реальностью и мечтой. Учителя давили на Наркомпрос, требуя притормозить темпы культурной революции и возбуждая этим ненависть радикальных коммунистов; но реальность побеждала, и последовательные варианты решения проблемы — трудовая школа, поддерживаемая Н. К. Крупской, педология, за которой стоял Н. И. Бухарин, и, наконец, сталинская педагогика — были все более компромиссны и консервативны. Л. С. Выготский времен “Педагогической психологии” еще целиком на стороне Л. Троцкого и троцкистов; но ему скоро придется выучить правила новой игры, более умеренные, менее блестящие, столь же опасные.

Л. С. Выготский не был одиноким героем из ницшеанско-большевистской мифологии; тем более не был он мессией, ниоткуда явившимся спасать психологию и сразу нашедшим в ней верных апостолов. Это был человек культуры, интеллектуал, действовавший в основном русле современных ему эстетических, философских, политических и просто жизненных идей. Не родоначальник новых принципов, взявший их из недр своей одаренности, а один из представителей самых модных течений, владевших умами своего поколения. Не вундеркинд, родившийся марксистом, а литератор пост-символистской эпохи, пришедший к психологии и марксизму по сложным и характерным путям. Не “Моцарт психологии”, а человек своего времени, удачно приложивший его культурный опыт в новой и неожиданной области.

Примечания

1. Андрей Белый и антропософия. Публикация Д. Мальмстада // Минувшее. Т. 6. М., 1988.
2. Белый А. Арабески. М., 1911.
3. Белый А. О теургии // Новый путь. 1903. № 9.
4. Веккер Л. М. Психические процессы: В 2 т. Т. 2. Л., 1976.
5. Выгодский Л. С. Литературные заметки (“Петербург”, роман Андрея Белого. 1916) // Новый путь. 1916. № 47.
6. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1926.
7. Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. / Под ред М. Г. Ярошевского. М., 1982 — 1984.
8. Выготский Л. С. Психология искусства М., 1968.
9. Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М., 1990.
10. Жирмунский В. М. Теория литературы Поэтика. Стилистика. Л., 1977.
11. Зинченко В. П. Проблемы психологии развития (читая О. Мандельштама) // Вопр. психол. 1991. № 4 — 6; 1992. № 3 — 6.
12. Ильин И. Религиозный смысл философии. Три речи 1914 — 1923. Париж.
13. Левитин К. Е. Личностью не рождаются. М., 1990.
14. Леонтьев А. А. Л. С. Выготский. М., 1990.
15. Лившиц Б. Полутораглазый стрелец.
16. Л. С. (Выготский). Рецензия на “Борозды и межи” Вяч. Иванова // Летопись. 1916. № 10.
17. Л. С. (Выготский). Рецензия на пьесу Д. Мережковского “Будет радость” // Летопись. 1917. № 1.
18. Л. С. (Выготский). Рецензия на роман А. Белого “Петербург” // Летопись. 1916. № 11.
19. Малис Г. Психоанализ коммунизма. Харьков, 1924.
20. Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1989.
21. Мандельштам О. Собр. соч.: В 3 т. М., 1991.
22. Мандельштам О. Камень. Л., 1990.
23. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М., 1990.
24. Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990.
25. Пиаже Ж. Комментарии к критическим замечаниям Л. С. Выготского на книги “Речь и мышление ребенка” и “Суждение и рассуждение ребенка” // Хрестоматия по общей психологии / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. М., 1981. С. 188 — 193.
26. Пришвин М. М. Мы с тобой // Дружба народов. 1990. № 9.
27. Розанов В. Уединенное / Розанов В. Сочинения. М., 1990.
28. Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1949.
29. Троцкий Л. О культуре будущего (из набросков). Сочинения. Т. XXI.
30. Троцкий Л. Литература и революция (1923). М., 1991.
31. Фатхуллина Р. Материалы к биографии Давида Выгодского // Лица. Т. 1. М., СПб., 1992.
32. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989.
33. Ходасевич В. Андрей Белый // Серебряный век. Мемуары / Сост. Т. Дубинская-Джалилова. М., 1990.
34. ЦГА РФ. Фонд 2307 Оп. 9. Дело 222. Л. 155
35. ЦГА РФ. Фонд 2307. Оп. 23. Ед. хр. 13. Л. 19 — 20.
35. ЦГА РФ. Фонд 259. Оп. 9а. Дело 3. Л. 159.
36. Шкловский В. О поэзии и заумном языке // Поэтика: Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1919.
37. Щедровицкий П. Г. Истоки культурно-исторической концепции Л. С. Выготского: Автореф. канд. дис. М., 1992.
38. Эткинд А. Лев Троцкий и психоанализ // Нева. 1991. № 4. С. 183 — 190.
39. Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. М., 1993.

- 39а. Эткинд А. М. Чистая игра, или Необыкновенная история Сабины Шпильрейн, рассказанная документами // Звезда. 1992. № 7. С. 115 — 138.
40. Carotenuto A. A secret symmetry. Sabina Spielrein between Freud and Jung. L.: Routledge, 1980.
41. Internat. J. of Psychoanalysis. 1929. V. 10.
42. Internat. J. of Psychoanalysis. 1924. V. 5.
43. Ljunggren M. The dream of rebirth. A study of A. Belyj's novel «Peterburg». Stockholm: Almqvist, 1982.
44. Rice J. L. Russian stereotypes in the Freud— Jung correspondence // Slavic Rev. 1982, spring. V. 14. P. 13 — 35.
45. Spielrein S. On the origin and development of the speech // Internat. J. of Psychoanalysis. 1920. V. 1.
46. Spielrein S. Quelques anigtes entre la pensee de l'enfant, celle de l'aphasique et la pensee subconsciente // Archive de psychologie. 1923. V. 18. P. 305 — 322.
47. Spielrein S. Die Zeit im unterschwelligem Seelenleben // Imago. 1993. V. 9. S. 300 — 317.
48. Spielrein S. Die Drei Fragen // Imago. 1923. V. 9. S. 260 — 263.
49. Spielrein S. Kinderzeichnungen bei offenen und geschlossenen Augen // Imago. 1923. V. 16. S. 259 — 291.
50. Veer van der R., Valsiner J. Understanding Vygotsky: A quest for synthesis. Oxford: Blackwell, 1991.
51. Wanning van A. The works of pioneering psychoanalyst Sabina Spielrein // Internat. Rev. of Psychoanalysis. 1992. N 19. P. 339 — 414.
52. Wilson A., Weinstein L. An investigation into some implications of a Vygotskian perspective on the origins of mind // J. of the American Psychoanalytic Association. 1992. V. 40. P 349—380, 725 — 760.

Поступила в редакцию 1.VI 1993 г.

От редакции. Получив статью А. М. Эткинда, редакция обратилась к известному специалисту в области истории психологии М. Г. Ярошевскому с просьбой отрецензировать данную работу. Текст отклика получился столь развернутым, что мы сочли необходимым опубликовать его в виде отдельной статьи. Помещая оба эти материала на страницах журнала, редакция выражает надежду, что тема критериев историко-научного знания не будет исчерпана данными публикациями, а станет предметом дальнейших продуктивных обсуждений.

Л.С.Выготский – жертва «Оптического обмана»

М.Г.Ярошевский

Если у А. М. Эткинда вытеснено (по Фрейду) воспоминание об этом, то напомню, что некогда превратности судьбы привели его из Петербургского научно-исследовательского психиатрического института им. В. М. Бехтерева в Институт истории естествознания и техники АН СССР, где я в то время руководил сектором психологии научного творчества. Зная А. М. Эткинда как вдумчивого и серьезного знатока проблем психопатологии и размышляя над тем, как наиболее эффективно сопрячь его знания и опыт с профилем нашего далекого от клиники института, я порекомендовал ему обратиться к истории психоанализа в России,

Эта тема долгие годы была закрытой. Но времена менялись. По инициативе академика П. Л. Капицы я занялся подготовкой к изданию лекций З. Фрейда. (Правда, чтобы добиться их публикации, потребовалось 10 лет, причем книгу, вопреки Петру Леонидовичу, так и отказались издать в серии «Классики науки»).

Мы очень мало знали об активности русских психоаналитиков в начале 20-х гг. А. Р. Лурия некогда рассказывал мне о Психоаналитическом институте, где служил ученым секретарем, о том, что при институте работал детский сад, куда поместили сына Сталина, о переписке с З. Фрейдом, психоаналитических сеансах и т. д. Между тем из литературы по истории советской психологии о психоаналитическом движении в нашей стране, кроме ругани в его адрес, читать было нечего. Пробел следовало восполнить, изучить некогда запрещенную литературу, архивы, собрать другие сведения о судьбе «идеологически вредного» фрейдизма в России. Этим и занялся А. М. Эткинд.

Теперь перед нами одна из его публикаций, которая, скажу прямо, ввергла меня в состояние шока.

Из летописи российского фрейдизма автор извлек вывод о том, что одним из его главных героев был Л. С. Выготский. «Свой вклад,— пишет А.М. Эткинд,— Л. С. Выготский идентифицировал как «марксистский»; но в конце концов его идеи оказались более близки психоаналитикам, чем марксистам» [3; 51].

Хорошо известно, что Л. С. Выготский резко критиковал психоанализ за иррационализм, антиисторизм, пансексуализм. Высмеивал позицию своего ближайшего друга А. Р. Лурия, который уверовал, будто фрейдизм «совпадает с методологией марксизма» [1, т. I; 303]. Попытки А. Р. Лурия и другого приехавшего с ним в Москву из Казани психоаналитика — Б. Д. Фридмана соединить марксизм и фрейдизм относил к «чудовищным комбинациям» (там же, с. 326).

В своем последнем семичасовом выступлении перед сотрудниками (декабрь 1933 г.) Л. С. Выготский специально подчеркнул: «Мы себя

противопоставляем и глубинной психологии. Наша психология — вершинная психология (определяет не глубины, а вершины личности)» (там же, с. 166)¹.

Из размышлений же А. М. Эткинда явствует, что Л. С. Выготский сам того не знал, кто он и в чьей компании. Считал себя «марксистом» (кавычки А. М. Эткинда), на деле же был привержен психоанализу².

Если принять столь смелый вывод, то придется радикально переоценить не только вклад Л. С. Выготского и его школы — весь облик советской психологии обретет новые контуры, ибо этому вкладу и этой школе, как известно, принадлежит в ней достаточно влиятельная роль.

А. М. Эткинд справедливо замечает, что «политический контроль привел к таким искажениям интеллектуальной жизни, масштаб которых и сейчас еще трудно оценить» [3; 37]. Искражалось притом и прошлое науки, в том числе психологической (см. [2]). Отсюда в актуальность такой задачи, как «восстановление исторической канвы», разорванной под идеологическим диктатом.

Занявшись переосмыслением творческого пути Л. С. Выготского, автор предупреждает, что более всего важно «смещение самой оптики исследования, которое имеет для русских ученых, в сравнении с предыдущим поколением, едва ли не катастрофический характер» [3; 37].

Кроме политического контроля, от которого мы, похоже, избавились, существует *историко-научный*, со своими веками испытанными критериями. Но А. М. Эткинд, к сожалению, настолько сместил «оптику своего исследования», что избавился и от него, результатом чего стали действительно катастрофические последствия для самой перспективы воссоздания судеб психологических идей в России.

При всем богатстве эрудиции и оригинальности возникающих у автора аллюзий, при всем многоцветье мелькающей перед взором читателя исторической ткани все это богатство оказывается подчиненным предвзятой гипотезе, не выдерживающей испытания фактами.

Рассказывают об одном натуралисте, который растоптал ногами найденного им жука потому только, что тот своими особенностями мешал стройности его теории. Все, что не соответствует тому, каким Л. С. Выготский привиделся А. М. Эткинду, устраняется из реконструкции образа Л. С. Выготского; это явствует уже из оценки первой, предреволюционной поры творчества Л. С. Выготского. Будущий психолог начинал как литературный критик. Из литературно-критических заметок Л. С. Выготского (студента юридического факультета Московского университета) А. М. Эткинд выделяет его рецензию на нашумевший в свое время роман А. Белого «Петербург», где, по мнению рецензента, ощущается

¹ Как известно, фрейдизм — главное направление глубинной психологии.

² У меня сохранилась запись беседы с Б. В. Зейгарник, которая вспоминала, как в 1931 г. Л. С. Выготский (обвиненный Б. Г. Ананьевым и другими в том, что его теория — это «идеалистическая ревизия исторического материализма») метался по комнате и говорил: «Я не хочу жить, они не считают меня марксистом!»

дух антисемитизма. От этой юношеской рецензии А. М. Эткинд протягивает весьма сомнительную нить к поздним дефектологическим работам Л. С. Выготского, которые сопрягаются с психоанализом А. Адлера.

Хотя А. М. Эткинду и не удалось, по собственному признанию, найти «никаких упоминаний еврейского вопроса в позднейших сочинениях Л. С. Выготского», однако, как он считает, «нетрудно предположить, что проблемы антисемитизма и еврейской идентичности продолжали занимать мысли Л. С. Выготского».

Ход мысли самого А. М. Эткинда в его догадках о мыслях Л. С. Выготского направляет постулат об особом, «гипертрофированном активизме вышедших из черты оседлости». Этот «активизм» трактуется в духе известной психоаналитической концепции А. Адлера как сверхкомпенсация дефекта.

К формуле «дефект — сверхкомпенсация» Л. С. Выготский действительно обращается в своих дефектологических работах. Он детально проанализировал ситуацию с известной слепоглухонемой Еленой Келлер, отметив, что ее «серьезные дефекты вызвали к жизни огромные силы сверхкомпенсации» [1, т. 4; 48]. Оригинальность же соображений А. М. Эткинда в том, что он само творчество Л. С. Выготского объясняет указанной формулой «дефект — сверхкомпенсация». «Идея сверхкомпенсации,— пишет он,— становится своеобразным обоснованием гипертрофированного культурного активизма, столь свойственного Л. С. Выготскому и его кругу» [3; 40]. Сам же этот сверхкомпенсаторный «активизм», как уже сказано, выводится из социального положения евреев в дореволюционной России.

Иначе говоря, опираясь на выдвинутую вышедшим из школы З.Фрейда А. Адлером концепцию сверхкомпенсации, А. М. Эткинд объясняет своеобразие исследовательского поведения самого Л. С. Выготского, а именно приверженность последнего этой концепции (вводя его тем самым в стан психоаналитиков). Из свойственного «вышедшим из черты оседлости» культурного активизма А. М. Эткинд выводит еще одну особенность идейной позиции Л. С. Выготского: «Смещение равновесия между природой и культурой в пользу культуры». Научное новаторство Л. С. Выготского определило утверждение принципа культурной детерминации психического строя личности. Но и это, при приведенной трактовке, выводится из психоаналитической версии о сверхкомпенсации, за которой скрыт «еврейский вопрос».

Между тем концепцию А. Адлера Л. С. Выготский оценивал как эклектическую [1, т.4; 165]. «Основные философские позиции Адлера,— писал он в 1929 г.,— искажены метафизическими элементами. Характерологический интерес представляет лишь практика Адлера» (там же, с. 156). Адлеровой версии о том, что личностью движет изначальный «психоидный» фактор, витальная реакция индивида на комплекс неполноценности, Л. С. Выготский противопоставил в качестве детерминанты сверхкомпенсации социальный образец (там же, с. 229).

Про А. Адлера сказано, что он общался с Л. Троцким, а «по своему положению и взглядам был близок к кругу Л. С. Выготского». Читателю остается догадываться, кто и в какие времена входил в «круг Л. С. Выготского», которому якобы оказался близок А. Адлер (но почему-то не Л. С. Выготский — А. Адлеру, публиковавшему свои работы, когда Л. С. Выготский был еще ребенком; см., напр., [4], [5]).

Этот предполагаемый «круг Л. С. Выготского» весьма своеобразно сконструирован автором. Наряду с «близким» указанному кругу психоаналитиком А. Адлером в него попадают поэт О. Мандельштам, большевистский вождь Л. Троцкий и приехавшая в Советскую Россию с благословения З. Фрейда его ученица С. Шпильрейн. Об отношениях между Л. С. Выготским и О. Мандельштамом сказано немало в связи с тем, как «претворяются друг в друга плоть и душа» и что это «созвучно религиозному сознанию», имеет «глубокие религиозные корни» и «возвращает нас к иудеохристианской традиции».

Оставим эти медитации об «иудеохристианской» подоплеке разработки Л. С. Выготским психологии мышления и речи на совести автора. Но принять его утверждение, будто те, кто отрицает независимость мысли от слова (таково приводимое А. М. Эткиндом мнение Сталина, конечно, совершенно неоригинальное), оправдывают тоталитарный режим, значит, отнести к приверженцам этого режима, к примеру, всех бихевиористов — от Дж. Уотсона до Б. Скиннера. От Сталина, как фигуры полярной Л. С. Выготскому, А. М. Эткинд переходит к Л. Троцкому, которого оценивает как идейного вдохновителя психолога.

Утверждается, будто главная методологическая работа Л. С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» «проникнута безошибочно узнаваемым троцкистским духом и потому, вероятно, после быстрого падения Л. Троцкого осталась неопубликованной» [3; 52]. Этот «троцкистский дух» А. М. Эткинд учуял в тех нескольких абзацах рукописи, где речь идет о том, что «в будущем обществе психология будет наукой о новом человеке» [1, т. 1; 436]. Вышедшее на историческую арену после революции поколение молодых энтузиастов жило верой в то, что средствами науки удастся сформировать людей, свободных от «родимых пятен проклятого прошлого». Эту веру выражали не только деятели большевистской партии (одним из них, конечно, был Л. Троцкий). Она вдохновляла передовую часть интеллигенции, деятелей новой педагогики, строителей трудов школы. Это был дух времени, а не «троцкистский дух».

Обидно, однако, что ничего, кроме последнего, не уловлено в трактате Л. С. Выготского, где дана непревзойденная панорама путей развития мировой психологии. Что же касается причин того, что трактат не был опубликован, то к этому «быстрое падение Л. Троцкого» никакого отношения не имеет. Л. С. Выготский не смог его завершить, поскольку не выполнил поставленную в нем задачу. (Обещание ее решить содержится в сохранившемся тексте.) Исторический смысл кризиса Л. С. Выготский, как известно каждому читателю, усматривал в том, что назрела потребность

создать новую науку — общую психологию. Построить ее Л. С. Выготскому не удалось. Замечу, что Л. С. Выготский не увидел опубликованными и многие другие свои работы («Психология искусства», «Развитие высших психических функций», «Орудие и знак», «Учение об эмоциях» и др.), но, конечно же, не из-за «троцкистского духа».

О Л. Троцком А. М. Эткинд упоминает в связи с дружбой эмигранта-большевика с психоаналитиком А. Адлером и вновь пытается соотнести Л. Троцкого с Л. С. Выготским на том основании, что Л. Троцкий «поддерживал московских психоаналитиков». В кругу последних в октябре 1923 г. появилась С. Шпильрейн в качестве единственного научного сотрудника вновь созданного под руководством И. Д. Ермакова Психоаналитического института.

Этой женщине А. М. Эткинд отводит совершенно особую роль в истории мировой психологии. «Вполне вероятно,— пишет он,— что С. Н. Шпильрейн сыграла роль общего инициатора двух направлений мировой психологии — «генетической психологии» Ж. Пиаже и «культурно-исторической теории» Л. С. Выготского и А. Р. Лурия» [3; 50].

Для столь крутого обобщения требуются куда более сильные, основанные на реальных исторических фактах аргументы, чем приглашение на умственный эксперимент: «Попробуйте мысленно представить себе... что отвечала на возражения Ж. Пиаже С. Н. Шпильрейн; скорее всего, ваша внутренняя речь воспроизведет аргументы Л. С. Выготского из «Мышления и речи» [3; 51].

Никаких данных, касающихся воображаемых теоретических споров между Ж. Пиаже и С. Н. Шпильрейн, в литературе не существует. Неудивительно поэтому, что и А. М. Эткинд не может здесь подкрепить игру своего воображения «забытыми текстами» и ему ничего не остается, как поместить их в разряд никем «не найденных контекстов». Что же касается Л. С. Выготского, то версия о производности его научного поиска от психоанализа побудила найти еще одного посредника между З. Фрейдом и Л. С. Выготским (наряду с А. Адлером и «спонсором» московских психоаналитиков Л. Троцким) — в лице С. Н. Шпильрейн.

Во имя этой Сабрины А. М. Эткинд приносит в жертву творческую жизнь молодого Л. С. Выготского.

Почему начало, притом бурное начало, публикаторской активности Л. С. Выготского падает именно на 1924 г.— задается вопросом А. М. Эткинд,—ведь наш герой, названный С. Тулмином «Моцартом в психологии», был к тому времени не так уж юн? В чем феномен психологического обращения Л. С. Выготского?»

Здесь-то и появляется обольстительная Сабрина — та, что некогда находилась в любовной связи с К. Юнгом и про которую З. Фрейд писал, что она умела своей «нежной рукой разглаживать наши складки и морщины». В конце 1923 г. она приехала в Москву, куда в начале 1924 г. переезжает Л. С. Выготский.

По версии А. М. Эткинда, Л. С. Выготский — провинциал-энтузиаст, который смотрел на С. Н. Шпильрейн «как на олицетворение передовой европейской мысли». И вот итоговое размышление А. М. Эткинда: «У талантливых людей впечатление от общения с яркой знаменитой, продуктивной личностью, *полученное в самом начале карьеры* (курсив мой.—М. Я.), может надолго определять ход развития научных интересов. Кажется правдоподобным предположение, что знакомство с С. Н. Шпильрейн сыграло определенную роль в формировании психологических интересов Л. С. Выготского» [3; 50].

Я попросил Виктора Ивановича Овчаренко, на мой взгляд лучшего знатока истории психоанализа в России, возможно более пристально проверить все архивные материалы, касающиеся ермаковского Психоаналитического института, Российского психоаналитического общества и деятельности С. Н. Шпильрейн в России с точки зрения того, сохранились ли какие-либо сведения, намекающие на причастность к ним Л. С. Выготского. Архивы на сей счет безмолвствовали.

Ни одна бумажка не говорила в пользу предположения о том, что С. Н. Шпильрейн сыграла некую определенную роль в формировании психологических воззрений Л.С. Выготского. Неизвестно, были ли они вообще знакомы.

Зато архивы говорили о другом, относящемся к до-московскому, гомельскому периоду творчества Л. С. Выготского. К сожалению, этот период недооценивается нашими (и зарубежными) историографами. Ближайшие к нему А. Р. Лурия и А. Н. Леонтьев в своих публикациях считали годом начала научной карьеры Л. С. Выготского как психолога 1924 г., иначе говоря — год своего знакомства с ним. Между тем, отвечая на вопрос одной из анкет, сам Л. С. Выготский указал 1917 г. как год начала своей работы в психологии. Эта работа активно продолжалась на протяжении шести гомельских лет, стало быть, «психологическое обращение» Л. С. Выготского произошло задолго до подозреваемого А. М. Эткиндом знакомства с очаровательной Сабиной.

Т. М. Лифанова нашла в Гомельском архиве характеристику, своего рода рекомендательное письмо, выданное Л. С. Выготскому с прежнего места работы, в котором он характеризуется как лектор по «марксистской педагогике и материалистической психологии». Т. М. Лифанова установила также, что рукопись «Педагогической психологии» (единственной книги, которая вышла в свет при жизни Л. С. Выготского) находилась в издательстве в 1924 г., стало быть, была написана в Гомеле. У меня нет сомнений и в том, что именно в гомельский период была написана также значительная часть «Психологии искусства», защищенной в 1925 г. Л. С. Выготским в качестве диссертации (одним из оппонентов, кстати, был К. Н. Корнилов). Не приводя в этом контексте развернутую аргументацию, укажу лишь на то, что большая часть эмпирического материала этой работы построена на анализе восприятия басни школьниками. В Москве же, как известно, в обычной школе Л. С. Выготский не работал. Весь 1924 г. был для

него годом «дефектологическим». Он всю энергию отдал проблемам «трудного детства», и те шесть работ, которые упоминаются А. М. Эткингом как показатель «бурного начала психологических публикаций», никакого отношения ни к психоанализу, ни к предполагаемому влиянию С. Н. Шпильрейн не имеют. (Во второй половине 1924 г. она уехала в Ростов, где работала врачом до 1942 г., когда, оказавшись в руках фашистов, погибла в концлагере).

В то же время реальные научно-идейные течения, определившие его выдающийся вклад, исчезли. Когда Л. С. Выготский — «просвещенец из Гомеля» — появился в Петербурге в 1924 г. с программным докладом, после которого был приглашен в Московский психологический институт, то смысл доклада (о чем в дальнейшем его ученики не говорили) сводился к задаче соединить, в противовес дуализму И. П. Павлова и В. М. Бехтерева, рефлексологию с психологией в единую науку. Учение И. М. Сеченова о центральном торможении как механизме превращения внешнего действия во внутреннее стало для Л. С. Выготского важнейшим объяснительным принципом, приобретшим известность под именем «интериоризации» Творчество Л. С. Выготского отличала столь же культурологическая, сколь и биологическая ориентация.

Первая книга Л. С. Выготского «Педагогическая психология» звучала как гимн условному рефлексу. Идею атмосферу в молодой российской республике определял марксизм. К нему обратился и Л. С. Выготский. Именно это позволило ему проложить мост от условных рефлексов к сознанию и воспринять идеи социодетерминизма.

В юности Л. С. Выготский впервые встретился с психологией при чтении трактата А. А. Потебни «Мысль и язык». В ней фактор культуры выступил в виде формируемой языком общенародной мысли, от которой зависит работа индивидуального ума. Л. С. Выготский усвоил уроки не только А. А. Потебни, но и его критиков, считавших, что последний психологизировал язык, тогда как он представляет собой систему знаков и форм. Сложившаяся в русской науке так называемая формальная школа учила понимать словесный материал речи как независимую от ее содержания структуру, что определило идеи обусловленности психики независимыми от нее формами культуры³.

Учение Л. С. Выготского сложилось и развилось на почве русской культуры, было плоть от плоти ее порождением, сфокусировавшим сквозь ее традиции и запросы несколько линий развития мировой научно-психологической мысли.

³ Я уже не говорю об органичной близости Л. С. Выготского к русскому искусству, о влиянии К. С. Станиславского на разграничение им значения и смысла слова как основных составляющих сознания [1, т. 2; 357].

Примечания

1. *Выготский Л. С.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1982— 1984.
2. Репрессированная наука / Под. ред. М. Г. Ярошевского. Л., 1991.
3. *Эткинд А. М.* Еще о Л. С. Выготском: забытые тексты и найденные контексты // *Вопр. психол.* 1993. № 4. 37 – 55.
4. *Adler A.* Die Agressiontrieb im Leben und in der Neurose. Munich, 1906.
5. *Adler A.* Studie uber Minderwertigkeit der Organe und die seelische Kompensation. Munich, 1907.

Эдип и Нарцисс: к вопросу о комплементарности конфликта и дефицита*)

В.А. Зимин

*"Интерпретировать текст вовсе не значит
наделять его неким конкретным смыслом
(относительно правомерным или относительно
произвольным), но, напротив, понять
его как воплощенную множественность".*

(Р. Барт "S/Z").

Название любого доклада или статьи мы можем сравнить с явным содержанием сновидения, которое лишь отчасти отражает скрытый смысл, создавая из бессознательных мыслей образы, которые впоследствии переходят в слова, образуя некий текст.

Речь в моей статье в целом пойдет об использовании динамического подхода в психоанализе - о взаимосвязи и взаимозависимости различных факторов развития, психопатологии и психотерапевтического процесса.

Психоанализ, как любая герменевтическая дисциплина, должен иметь дело с прочтением и интерпретацией текстов. Текст - это то, что может быть опознано как определенная структура смыслов и то, что может быть понято и подвергнуто интерпретации.¹⁾

Всякий раз, когда мы как психоаналитики встречаемся в кабинете с новым пациентом, задаемся ли мы вопросом, кто перед нами - "эдип" или "нарцисс"?

Сознательно или бессознательно мы пытаемся понять личность пациента, образно говоря прочесть его историю как некий текст, который выражен в его речи и запечатлен в теле. Тело включает в себя и биологическое тело-колыбель влечений. Но это также и набор представлений, данных в ощущениях, аффектах и фантазиях, которые также могут быть подвергнуты опыту прочтения тела-текста. Мы соотносим содержание этого тела-текста с нашим клиническим опытом и с нашими знаниями, т. е. тоже с некоторыми текстами, которые читали мы и наши учителя, например, с текстами об эдиповом комплексе или теориями нарциссизма. На самом деле мы не можем свести человека к тексту, но мы можем таким образом на него посмотреть, хотя личность, безусловно, не сводима ни к тексту, ни к речи, ни к языку. Пациент-текст или пациент-тело-текст - всего лишь метафоры, позволяющие вступить в интеллектуальную игру с теориями и подходами.

Р. Барт(1994), который и ввел понятие "тело-текст", писал о том, что чтение - это не просто паразитический акт, это особая деятельность по выявлению множественного смысла, скрытого в тексте: "Люди,

пренебрегающие перечитыванием, вынуждены из любого текста вычитывать одну и ту же историю". 2)

Надо сказать, что психоанализ оказал очень сильное влияние на Р. Барта, впрочем как и на многих других европейских и американских интеллектуалов того времени. Во многих произведениях Барта (1993,1994) явно или косвенно можно увидеть влияние психоанализа. Возможно, будет полезным произвести ре-инвестицию психоаналитической теории из структурализма. Я хочу последовать совету Р. Барта и заново перечитать значимые для психоанализа мифы об Эдипе и Нарциссе.

Мифы об Эдипе и Нарциссе

Фрейд использовал мифы об Эдипе и Нарциссе для обозначения и объяснения универсальных психологических явлений.

Рассмотрим историю Эдипа. Родился он, по-видимому, от несчастливого брака Лая и Иокасты и, как гласит легенда, был нежеланным ребенком. Известно, что еще до рождения Эдипа его отец Лай, оказавшись в доме у Пелопа, соблазнил одного из его сыновей - Хрисиппа. Опозоренный Хрисипп наложил на себя руки, а Пелоп проклял Лая и весь его род. Эдип был как раз орудием и жертвой проклятия, он сполна рассчитался за грехи родителей. Пытаясь убежать от судьбы, или боясь гомосексуального инцеста, или пугаясь вторжения третьего члена в диадду, Лай приказывает убить собственного сына. Ему прокалывают лодыжки, отдают слуге и приказывают бросить новорожденного на горе Киферон.

Эдип изначально предстает перед нами как абсолютно беспомощный и отвергнутый ребенок. Его проблемы начинаются в доэдипов период. Фантазия об отцеубийстве, рожденная в уме Лая, - одна из весомых причин отвержения ребенка родительской парой.

Если мы примем условия рождения Эдипа как реальные, а не как мифологические, то нетрудно представить и понять дальнейшую судьбу этого героя. Раннее тотальное родительское отвержение ставит под угрозу саму жизнь ребенка. Объектный мир оказывается столь опасным, что единственным выходом становится бегство в убежище собственного тела, прообраз собственного Я, - в нарциссизм. Такому ребенку, как Эдип, действительно очень трудно создать иллюзию собственного всемогущества и также невозможно выстроить идеализированный родительский образ. Я Эдипа травмировано в самом начале своего развития.

С другой стороны, раннее отвержение и кастрацию мы можем понимать как метафору неизбежной потери состояния блаженства первичного нарциссизма. Кохут (1975) писал: "В процессе вкрапления родительской заботы первичный нарциссизм ребенка разрушается, и стремясь восстановить утраченное блаженство, младенец выстраивает две компенсаторные структуры: архаическое грандиозное Я и идеализированный Я-объект".

Вернемся к истории Эдипа. Раненный и отвергнутый Эдип, как известно, был спасен. Слуга Лая передал ребенка пастуху, который служил у правителя Коринфа. Ребенок мог бы оказаться в семье пастуха, но ему повезло, и он попал в царскую семью, где воспитывался как родной сын и единственный наследник престола.

Вероятно, Эдип рос в атмосфере, где над ним довлел семейный секрет: тайна его рождения. Разгадка тайны Эдипа была где-то рядом, она была запечатлена в его теле (наверное, у него должны были остаться шрамы на ногах) и зашифрована в его имени, которое означало - "с опухшими ногами". Эдип, наверное, мог бы спросить своих приемных родителей об этом. Но этого, почему-то не произошло. Известно только, что, когда Эдип был подростком, один из подвыпивших гостей назвал его подкидышем. Родители, руководствуясь благими намерениями, пытались убедить Эдипа в том, что он - их родной сын. Он как будто поверил, но ненадолго. Достигнув совершеннолетия, он отправился в Дельфы, для того чтобы узнать правду о своем рождении. Как известно, оракул ничего не сказал юноше о его прошлом, но предрек его будущее.

Если мы посмотрим на жизнь взрослого Эдипа, то достаточно легко обнаружим в его поступках много нарциссических мотивов, которые становятся более понятными, если учесть то, что случилось с ним во младенчестве. Свою взрослую жизнь юноша начинает с убийства. Он встретил на дороге знатного мужа со свитой и убил его и его охрану. Причина - оскорбление. Гордый Эдип отказался уступить ему дорогу, получил посохом по голове и в ярости уничтожил соперника. Обида и ярость - вот те аффекты, которые заставляют Эдипа действовать. Нигде не говорится о том, что его жизнь была в опасности. Было задето самолюбие, т.е. его Я, а мы помним, что это изначально раненное Я.

Эдип руководствовался не принципом безопасности, а стремлением к всемогуществу. Все дальнейшее поведение Эдипа укладывается в тот же нарциссический регистр мотивации. Его влечёт воля к господству, стремление подтвердить ощущение собственной грандиозности. Его взлет вызывает искреннее восхищение: он расправляется с чудовищем, подтверждая тем самым, что он самый умный. И ему как истинному победителю в награду достается Иокаста. Этим он также подтверждает собственную сексуальную неотразимость. Доказательство собственного бесстрашия и силы, как вы помните, он получил на развилке трех дорог. Упоение собственной победой позволяет Эдипу на 20 лет забыть о беспокойстве относительно тайны его рождения. Однако, судьба неумолима. Обида требует возмездия, а вина - искупления. В течение 20 лет у царя Эдипа не было сомнений в собственном всемогуществе, до тех пор, пока судьба не подбросила ему новую зловещую, роковую загадку.

Пытаясь разгадать эту загадку, Эдип вдруг становится паранойяльно подозрительным. Вначале он пытается найти помощь у Тересия, но, сталкиваясь с отказом, он снова впадает в ярость и обвиняет мудрого старца в предательстве. Он также обесценивает пророка, говоря: "Кто ты такой?!"

Где ты был, когда сфинкс угрожал городу?! Это Я умею разгадывать загадки!". Он проецирует на Тересия и Креонта не только вину, но и зависть. Вот отрывок из диалога Креонта и Эдипа (Софокл "Царь Эдип"): Креонт: "Чего ж ты хочешь? Изгнать меня? Эдип: "Нет, БОЛЬШЕ: умертвить, а не изгнать, тогда узнаешь, что такое зависть".

Он считает, что они хотят лишиться его царского трона из зависти. Позднее, когда дело близко к развязке и загадка рождения Эдипа должна быть вот-вот разгадана, Иокаста умоляет Эдипа не спрашивать - она хочет, чтобы он оставался в неведении. Но надо отдать должное смелости Эдипа: он не слушает её, он как истинный герой бесстрашно стремится к знанию. Интересно, что его влечет: жажда истины, тревога, все то же стремление к всемогуществу? Иокаста, догадавшись, что перед ней её собственный сын, в отчаянье уходит и оставляет Эдипа один на один с истиной. Он упрекает жену в трусости и тщеславии, он считает, что она кичится своим знатным происхождением. С презрением он говорит ей вслед: "Узнать хочу свой род - пусть он ничтожен! А ей в её тщеславье женском должно быть стыдно, наверное, что низко я рожден". "Боже, как он все ещё наивен!" - хочется сказать, потому что его тайна намного ужасней. Но мы можем увидеть в этом еще один защитный нарциссический маневр - снова попытка восстановить свое раненное Я при помощи проекции стыда. Интересен и следующий за этим высказыванием ход мыслей Эдипа: "Я - сын судьбы, дарующей нам благо. И никакой не страшен мне позор. Вот кто мне мать!". Итак, стыд - это то что свойственно переживать тщеславным женщинам, а Я - сын всемогущей матери - судьбы. Здесь мы видим, как мегаломанически раздувается родительский образ перед надвигающейся катастрофой Я. Это последняя попытка сохранить Я от повреждения при помощи нарциссического объектного отношения, посредством слияния с идеализированным Я-объектом.

Дальше, как мы знаем, произошло окончательное открытие тайны Эдипа и его самоповреждающее ослепление. Но история Эдипа не заканчивается на этом. Ослепление - лишь кульминация его истории. Это момент окончательной символизации его желаний, метка его судьбы, которую он ставит на собственном теле. Это также возвращение более ранней травмы, которая, как мы помним, была запечатлена на его ногах в младенчестве и была означением потери родителей. Это не только попытка вписать в пространство тела означаемое собственных желаний, но также и свидетельство отказа от иллюзии всемогущества и принятие виновности.

Но, я повторюсь, окончательное открытие тайн и их символизация - это лишь кульминация судьбы Эдипа. Его история не заканчивается на этом, были еще очень важные события: изгнание из Фив и долгий путь в сопровождении дочери Антигоны к Афинам, в священную рощу Эвменид в Колоне. Мало кто из психоаналитиков обращался к исследованию текста Софокла "Эдип в Колоне". Ж. Лакан (1999) говорил, что в этом тексте мы встречаемся с Эдипом, сполна реализовавшим свою судьбу. "Эдипу сполна

довелось воплотить в жизнь слова оракулов, ещё до рождения предсказавших его судьбу. Именно до рождения были сказаны его родителям вещи, следствием которых и стал поступок, отдавший его, со связанными лодыжками на милость судьбы". Таким образом, Эдип в Колоне предстает перед нами как воплощенное слово.

Если сравнивать два текста Софокла - "Царь Эдип" и "Эдип в Колоне", то мы можем обнаружить разные аффекты, пропитывающие события, описанные в этих произведениях. В "Царе Эдипе" все пропитано тревогой - аффектом, репрезентирующем параноидно-шизоидную модальность психической реальности. В "Эдипе в Колоне" мы обнаруживаем уже другого Эдипа - Эдипа горюющего и скорбящего, пытающегося принять полноту собственной судьбы. Это уже не всемогущий царь, а просящий странник, претерпевающий зависимость от других. Он уже не бежит от судьбы, преследуемый тревогой, напротив - он стремится в эту священную рощу, туда, где пребывают Эринии - богини возмездия. В этом произведении мы видим уже другой аффект - депрессивный. Можно сказать, в этом тексте описана проработка депрессивной позиции (или движение в сторону депрессивной модальности). Таким образом, в "Царе Эдипе" мы видим постепенно разворачивающийся процесс символизации - репрезентации собственных желаний через раскрытие тайны, т.е. через именование, называние вещей своими именами. Во втором тексте описан процесс принятия и проработки этих желаний, горевание через процесс расставания с местом травмы, поиском и обретением собственного места.

Но более важным сейчас для меня является то, что, перечитывая миф об Эдипе таким образом, мы можем посмотреть на него не только как на историю о кровосмесительстве и отцеубийстве, но также и как на историю об отвержении и травме, тайне и забвении, как на историю о возвышении и сокрушении человеческого всемогущества.

Кульминацией этой истории является поражение зрительной модальности. В этом смысле интересно то, что все мы знаем ещё один значимый для психоанализа мифологический сюжет, кульминацией которого также является поражение зрительной модальности. Я имею в виду миф о Нарциссе. Но в истории Эдипа и Нарцисса больше различий, нежели сходства. В них есть что-то диаметрально противоположное: в истории Эдипа мы сталкиваемся с чем-то, чего слишком много, а в истории Нарцисса - с чем-то, чего слишком мало. Здесь мы, возможно, видим травматизм другой природы, так называемый "негативный травматизм". В истории Нарцисса главным событием является то, что не происходит то, что могло бы произойти, а именно любовь и сближение. У нас также очень мало сведений о жизни Нарцисса и его родителях, непонятен смысл его трагедии: как будто ускользает что-то очень значимое, что-то, что могло бы придать истинный смысл проклятию, наложенному на прекрасного юношу, в которого все влюблялись, а он не мог полюбить никого.

Интересно, что этот более ранний по происхождению миф отражен в значительно более поздних литературных источниках (упоминание об Эдипе

мы находим уже у Гомера в "Одиссее", а автор наиболее популярной версии этого мифа - Софокл, - как известно, жил и творил в V веке до н.э. История Нарцисса наиболее полно отражена двумя авторами: Овидием в "Метаморфозах", жившим в конце I века до н.э. - начале I века н.э., и Павсанием в "Описании Эллады" - это середина II века). Это, конечно же, домысел в чистом виде но, возможно, здесь отражено то, что в судьбе Нарцисса произошло что-то, что не могло найти своего выражения в словах, т.е. быть как-то отсимволизировано.

Интересно, что история Нарцисса так же не обошлась без мудрого слепого прорицателя Тересия, который знал секрет, но не рассказал его родителям прекрасного юноши. Почему? Возможно, потому что они не спрашивали, им это не очень-то было интересно. Возможно, красота Нарцисса была единственным средством для того, чтобы привлечь родительское внимание? Но все это, разумеется, мои домыслы-фантазии, которые в то же время, как мне кажется, могут быть полезны для понимания сути тех теоретических проблем, о которых мне хотелось бы здесь сказать.

А теперь обратимся к теории.

Общие принципы психоаналитической теории развития

Эдипов комплекс является одним из фундаментальных открытий З. Фрейда. Долгие годы психоаналитики сосредоточивали свое внимание на эдиповых проблемах в лечении пациентов и изучении развития. Позднее, благодаря работам теоретиков школы объектных отношений было выявлено и исследовано значение доэдиповой стадии развития. И тогда конфликты, присущие эдипову комплексу, стали связываться с невротическими нарушениями, а преэдипальные - с более тяжелыми формами психопатологии: психозами и пограничными состояниями. Однако, Фрейд, как мне кажется, не противопоставлял чего-то более раннего более позднему, эдипову содержанию - доэдипово. Напротив, он стремился показать, как более поздние стадии развития интегрируют опыт предшествующих фаз.

Он писал об эдиповом комплексе в работе "Психологическое исследование Т.В. Вильсона"(1992): "...Либида заполняет 5 "аккумуляторов": нарциссизм, пассивность по отношению к матери, пассивность по отношению к отцу, активность по отношению к матери, активность по отношению к отцу - и начинает разряжаться через эти желания. Конфликт между этими различными течениями либида порождает эдипов комплекс ..."

Это значит, что доэдиповы конфликты и, что, может быть, более важно, способы разрешения этих конфликтов, становятся тем материалом, из которого выстраивается сложная структура эдипова комплекса.

М. Кляйн (1975) полагала, что эдипов комплекс возникает у ребенка на первом году жизни. Это положение кляйнианской теории неоднократно подвергалось достаточно аргументированной критике, которая в основном сводилась к идее относительной слабости когнитивных способностей детей в столь ранний период.

Но, в каком-то смысле, ранний эдипов комплекс ребенка мы можем понимать как поздний эдипов комплекс его родителей и это значит, что ребенок включен в контекст эдиповых отношений с самого рождения. Это становится особенно очевидным тогда, когда в семье появляется первый ребенок. В супружескую диаду встраивается третий элемент, который образует семейный треугольник. Рождение первенца пробуждает эдипов конфликт у обоих членов супружеской пары, преобразуя её в пару родительскую.

Д. Винникот в работе "Теория родительско-детских отношений"(1975) писал: "... В младенчестве случаются хорошие и плохие вещи, которые находятся абсолютно вне сферы младенца". Он имел в виду сферу всемогущества младенца. Эдипов конфликт является для ребенка в этот период чем-то внешним - тем, что он еще не может переживать. Я думаю, что супружеские конфликты родителей и их сексуальная жизнь находятся вне сферы младенца.

Но если супружеские проблемы слишком тяжелы, то, безусловно, это скажется на развитии ребенка. Тогда, например, он может быть использован как заместитель сексуального объекта; как защитник от сексуальности и агрессивности другого; как средство для манипуляции, установления контроля и власти; а также как транквилизатор или антидепрессант и т.д.

Даже если родители игнорируют ребенка и занимаются сексом при нем, в первые месяцы это будет значимо для него настолько, насколько родители смогут прерываться и откликаться на запросы ребенка. Первичная сцена будет переживаться ребенком как угроза его всемогуществу, так как для него долгое время безразлично, чем именно заняты его родители, но крайне важным является то, как они откликаются на его зов. Позднее все станет сложнее и ощущение беспомощности будет являться важной частью переживания целой гаммы чувств, возникающих у ребенка не только при столкновении с внешней реальностью, но и с возрастающей силой инцестуозного желания.

Итак, развитийная функция эдипова комплекса состоит в том, что он организует весь предшествующий опыт, а так называемый инфантильный невроз можно рассматривать как символизацию, возникающую в результате проработки предшествующих травм и конфликтов развития. В этом контексте крайне интересны рассуждения Ж. Лакана(1998). Он говорит: "Инфантильный невроз играет ту же роль, что и психоанализ, он проводит реинтеграцию прошлого...".

В каком-то смысле все догенитальные фиксации необходимо рассматривать как попытку незрелого эго интегрировать представления о сексуальной жизни родителей. Пробудившаяся инфантильная генитальная сексуальность влечет ребенка в неизведанное, он начинает хотеть того, чего он не знает. Неизвестное постигается с помощью знакомого. Поэтому догенитальные импульсы структурируются работой фантазии в детские сексуальные теории, которые помогают адаптироваться к новой, более сложной констелляции желаний.

То же самое можно сказать и о характере объектных отношений и о значимых идентификациях, которые произошли в доэдиповом периоде.

а) Путь инцестуозного устремления лежит через воспоминание об опыте слияния в симбиотической фазе.

б) Если ребенку удастся простроить относительно четкие психологические границы между собственным Я и объектом, ему легче будет в дальнейшем также определить границы между полами и поколениями.

в) Разрешение конфликта амбивалентности в стадии воссоединения, дает ребенку возможность претерпеть в эдиповой фазе более сложную возрастающую амбивалентность по отношению к однополему родителю, который является объектом, вызывающим как любовь, так и ревнивую враждебность и мстительность.

г) Нарциссизм встраивается в эдипов конфликт через кастрационный комплекс. Вопросы собственного совершенства, безопасности, самоуважения, потребность в идеализации и отражении переживаются ребенком уже в контексте отношений между полами в рамках семейного треугольника. Так, если родители в более ранний период развития ребенка не могли поддерживать у него иллюзии всемогущества, например, если его психологические границы систематически нарушались или он не мог влиять на родительский отклик, то ребенку будет очень сложно почувствовать себя уверенно в эдиповом соперничестве с однополым родителем. И тогда запрет на инцест, который помогает ребенку справиться с натиском инстинктивных импульсов и в конечном счете обрести собственное место в семейном треугольнике, может переживаться как что-то угрожающее его идентичности. Тогда кастрация приравнивается к уничтожению.

Таким образом, эдипов комплекс интегрирует конфликты предыдущих фаз развития, но качество этой интеграции зависит от того, как были пройдены эти фазы. И в этой связи отношения эдиповых и доэдиповых конфликтов представляются более сложными, чем простое противопоставление.

Поэтому в нашей каждодневной практике мы сталкиваемся с этой динамической сложностью вне зависимости от характера и уровня психопатологии пациента.

С этих же позиций мне хотелось бы взглянуть и на противопоставление теории конфликта и дефицита.

Травма как динамический фактор

Мне кажется, что противопоставление теории конфликта и дефицита на сегодняшний день не совсем адекватно. Думаю, что большинство исследователей это понимают, но в то же время имплицитно это противопоставление все же существует. Более важным является понимание не того, от чего пациент страдает - от дефицита или конфликта. На мой взгляд, более важным является вопрос о том, как соотносятся так называемые эдиповы и доэдиповы проблемы, как травматический опыт встраивается в

конфликт и как это, в свою очередь, организует протекание психических процессов.

Так называемая теория дефицита уходит своими корнями во фрейдовскую теорию аффективной травмы. Травматическая ситуация понималась Фрейдом как ситуация беспомощности психики и организма перед натиском слишком большого количества впечатлений, исходящих как из внешней среды, так и из внутренней. Впечатления, вызванные травматической ситуацией, не подвергаются достаточной ментальной обработке и запечатлеваются в психике в незасимволизированной форме. Впоследствии они подвергаются вытеснению и начинают действовать в психике аналогично инородному телу в организме, ассоциативно связываясь с другими неприятными впечатлениями нетравматической природы. Как известно, Фрейд никогда полностью не отказывался от травматического фактора в этиологии неврозов. Уже даже в первой модели травмы для него важным было не само травматическое событие, а его представленность в психической реальности. Он писал о том, что "невротики страдают от воспоминаний".

Позднее он сформулировал свою оригинальную двухфазовую теорию травмы. Особенно важным здесь является понятие "последствия". Возможно, этот механизм работает и вне травматического содержания и является универсальным способом интеграции прошлого опыта в настоящее. Этот термин имеет большую смысловую нагрузку. Х. Томэ и Х. Кэхеле(1996) раскрывают это понятие следующим образом: с одной стороны, этот термин отражает отсроченное действие и описывает процесс действия травмы, когда относительно нейтральное событие внешней жизни может привести к душевному слому. С другой стороны, это понятие отражает процесс вторичной фантазийной обработки прошлого опыта, в особенности того, который в момент переживания не был полностью интегрирован в смысловую структуру.

Теория травмы и её отношение к теории конфликта развивались в нескольких направлениях рядом выдающихся исследователей: Ш.Ференци, М. Балинтом, Д. Винникотом, М. Каном, С. Шассеге-Смиржель, А. Грином и Л. Вурмсером и др. Были описаны и изучены различные виды травматизма и лучше поняты последствия травмы.

Л. Вурмсер в статье "Зависимость, травма, стыд"(1998) рассуждает о типах травматизации следующим образом: "Конечно, существует множество форм травматизации, но особо важно то, что мы можем назвать "слепотой души" и "убийством души". "Слепота души" - это систематическое, хроническое невнимание к эмоциональным запросам и проявлениям ребенка, особая слепота к его индивидуальности и враждебность к его автономии".

В этом случае ребенку отказывают в нарциссическом подтверждении. Кохут назвал бы это неспособностью родителей отражать эксгибиционистское грандиозное Я, а если использовать метафору А. Грина, то мы можем описать это как ситуацию "негативного травматизма со стороны "мертвой матери".

"Убийство души", - пишет Вурмсер, ссылаясь на Шенгоулда (1989), - "это намеренная попытка искоренить или скомпрометировать сепаратную идентичность другого человека, ...приводящая к тому, что жертва такого обращения лишается способности радоваться и любить..." Это является "особой категорией травматического опыта: примером тому может быть повторяющаяся хроническая гиперстимуляция, перемежающаяся с эмоциональной депривацией, создаваемой другим индивидом". Здесь речь может идти об открытом сексуальном и физическом насилии и злоупотреблении в отношении ребенка со стороны взрослых, но это может также быть и избыток материнского присутствия, чрезмерно настойчивое и в то же время непредсказуемое и неэмпатичное материнское внимание, которое не оставляет места для формирования третьего элемента в треугольнике.

Вурмсер пишет также: "Первый термин относится к чему-то, чего слишком мало, второй - к чему-то, чего слишком много. Однако, они не могут быть ясно разделены и клинически стоят очень близко друг к другу".

Травматизация вызывает множественные нарушения в психической регуляции и развитии. Одним из самых тяжелых последствий любой травмы является нарушение функций эго, что в свою очередь ведет к ослаблению способности формировать символы. Особенно тяжелые последствия влечет за собой травматизация в тот период жизни, когда ребенок не мог их аффективно воспринять и подвергнуть какой-либо психической обработке. В этих случаях человек не может вспомнить травмы, например, насилия или унижения, т.е. какого-либо события. Главным событием является отсутствие позитивных удовлетворяющих событий, опыта понимания. Именно об этих пациентах писал Д. Винникот в статье "Страх распада"(1974):

"Пациенту нужно "вспомнить" это, но невозможно вспомнить то, что еще не произошло, а это событие в прошлом еще не произошло, потому что пациента, с которым это произошло, там не было". Он также писал о том, что таким образом, "пациенту легче вспомнить травму, чем то, что ничего не произошло".

Некоторые авторы (например, Клузер) пишут о том, что часто случайное внешнее травматическое событие парадоксальным образом начинает играть позитивную объясняющую и смыслообразующую роль и использоваться как символ и означающее хронической травматизации.

Так, одна пациентка как-то сказала мне: "Вы пытаетесь найти какое-то событие в моем прошлом. Но его не было. Все было внешне нормально. То, что вы ищете, было рассыпано, как песок, это было невозможно выразить словами и это невозможно было игнорировать".

Однако, как справедливо замечает Л. Вурмсер, оба типа травматизации "не могут быть ясно разделены и клинически стоят очень близко друг к другу". Вследствие нарушения сигнальной функции эго, несимволизируемые события препятствуют нормальному развитию аффективной и фантазийной жизни. Обычные чувства, "возникнув, очень быстро становятся чрезмерными, выходят из-под контроля" (Л. Вурмсер), а фантазии становятся

слишком пугающими, так как ослабленное эго плохо тестирует реальность. Травма может изменить структуру желаний и в наиболее тяжелых случаях привести к общей психосексуальной заторможенности. Ж. Лакан (1998) говорил о травме как о "взлome в Воображаемом".

Еще одно важное последствие травмы - это изменение структуры суперэго. Как пишет Л. Вурмсер, "жестокость травмы и насилия становится частью суперэго".³⁾ Несимволизируемый опыт постепенно интегрируется в структуру суперэго - инстанцию запрета и наказания. Это происходит по законам первичного процесса мышления, группируя ассоциации и воспоминания по принципу расщепления на хорошее и плохое: хороший опыт связывается с хорошим, плохой - с плохим. С другой стороны, у травмированных пациентов в дополнение к жестокости суперэго мы обычно обнаруживаем грандиозный эго-идеал, с одной стороны, являющийся компенсаторной, защитной структурой, а с другой - патогенным элементом. Стремление слиться с идеальными образами всякий раз оборачивается неудачей, порождая чувство стыда от собственной беспомощности. Но это происходит из-за того, что идеальное Я требует от реального Я и другого чего-то невозможного.

Однако, если ребенок подвергается хронической травматизации, то ему намного сложнее решать естественные конфликты развития и впоследствии голос совести может стать столь невыносимым, что от него нужно бежать. Куда? В нарциссизм собственного Я. Поэтому мы можем рассматривать нарциссизм Я как универсальное убежище и способ разрешения внутриспсихического конфликта, как часть компромиссного образования. Причем, как нормального, так и патологического. Здесь вполне уместно вспомнить так называемую "минималистскую" теорию Ч. Бренера.

Согласно Бренеру(1982), внутренний психический конфликт является чертой нормальной психической жизни. Он порождается столкновением нескольких противодействующих сил и имеет определенную структуру: производное детского инстинктивного желания, неудовольствие, ассоциируемое с этим желанием (в частности, тревога и депрессия); защиты и функции суперэго. В результате взаимодействия этих факторов возникает компромиссное образование, которое может быть как нормальным, так и патологическим.

Используя подход Бренера, мы можем рассматривать такие факторы, как травма и нарциссизм, включенными в структуру внутреннего психического конфликта. Например, воспоминание о травме может выступать на стороне суперэго, а нарциссизм использоваться как защита, в том числе и от эдипальных желаний и идентификаций (хотя расклад может быть различным; воспоминание о травме может выполнять функцию защиты). Таким образом, наличие структурного дефекта в эго и/или суперэго не исключает межсистемного конфликта.

Размышляя таким образом, мы можем снова вернуться к некоторым интересным мыслям З.Фрейда о Я и природе различных психических расстройств. Так, в работе 1915 г. "Бессознательное"(1996) он размышляет о

различии и сходстве между психоневрозами и нарциссическими неврозами. Здесь он говорит о существовании в психической реальности предметных и словесных представлений. При психоневрозах в результате вытеснения либидо изымается из словесных представлений и отходит к предметным. При психозах, как считает Фрейд, мы имеем дело с неким нарушением привязанности к предметным представлениям, которое компенсируется загрузкой словесных представлений. Однако, пишет Фрейд: "общим остается попытка бегства к "Я", выражающаяся в отнятии сознательных привязанностей".

В "Очерке психоанализа"(1998) он пишет: "Как мы знаем, неврозы являются расстройствами Я". Эти расстройства возникают в результате действия внутренних инстинктивных побуждений, которые действуют как "травмы", выражающие себя через универсальные фантазии: рождение, смерть, отделение от другого, кастрация, сексуальная жизнь родителей. Эту фрейдовскую мысль замечательно выразила Дж.Макдугл(1999), говоря о том, что "человеческая сексуальность травматична по своей сути", а также о том, что в процессе развития каждый человек сталкивается с тремя универсальными травмами человеческого существования: осознание собственной отдельности от другого, признание собственной однополости и осознание собственной конечности.

Я думаю, что работа с травматическими переживаниями крайне важна, но она является лишь средством для достижения более глубокой исследовательской и психотерапевтической цели - понимания и реконструкции конфликта как в истории жизни пациента, так и в переносе. Фиксация на травме преодолевается через сепарацию от травматического опыта посредством символизации травмы и работы горя. Тогда чувства, скованные в травматических переживаниях, могут быть высвобождены иотреагированы. Это происходит в том случае, если пациент чувствует себя в безопасности, а аналитик может откликаться и эмпатически сопереживать. Тогда психоанализ помогает восстановить эндогенные самоисцеляющие процессы психики и организма, которые Фрейд назвал работой сновидения и работой горя.

Однако, любой человек может извлечь больше психотерапевтической пользы, если ему удастся не только ослабить действие травматических переживаний, но и понять, как воспоминания о травматическом опыте встраиваются в его конфликты и используются во внутриспсихической регуляции и межличностных отношениях. Если это удастся, то тогда мы действительно можем говорить о структурном изменении или реинтеграции прошлого опыта - том самом сокровище, которое мы можем найти в настоящем психоанализе.

Если же говорить о технике, то мне хочется вспомнить о принципе технической нейтральности. Эта идея хорошо применима ко всему спектру проблем в психоаналитической практике. Наши пациенты порождают в нас сложную гамму чувств, предлагая нам занять на их психической сцене знакомые роли: соблазнитель, садист, спасатель, безучастных

наблюдателей, мальчиков и девочек для битья и др. Бессознательно, иногда даже на долю секунды, мы все равно принимаем предлагаемые роли и реагируем с их позиции, согласно ожидаемому сценарию. Вовлечение и некоторое разыгрывание конфликта - неизбежная часть любого анализа. Важно вовремя это заметить и, восстановив нейтральную позицию, попытаться донести этот материал до пациента с помощью интерпретации.

Но мне кажется, что в психоанализе не менее важно пытаться оставаться нейтральным также по отношению к той или иной теоретической установке, к некоему тексту, который существует у нас в уме.

Важно помнить, что идентификация с этим текстом может часто служить новой декорацией или костюмом для все той же роли, которую нам предлагает занять пациент.

И еще, конечно, очень хорошо как можно чаще задаваться вопросом о том, чья пьеса сегодня разыгрывается - пациента или психоаналитика.

Литература

1. Барт Р. S/Z. "Ad Marginem", Москва 1993.
2. Барт Р. Удовольствие от текста. В кн Р.Барт, Избранные работы, "Прогресс", Москва 1994.
3. Вурмсер Л. Зависимость, травма, стыд. Симпозиум "Зависимость и травма" Нью-Йорк. 1998. Б-ка ИППиП. (Перевод О.Лежнина, редакция Л.Топоровой).
3. Лакан Ж. Семинары, книга 1, Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/1954), "Гнозис/Логос".1998.
4. Лакан Ж. Семинары, книга 2, "Я" в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/1955), "Гнозис/Логос" 1999.
5. МагДугалл Дж. Тысячеликий Эрос "Б&К". Спб. 1999.
6. Рикер П. Образ и язык в психоанализе. МПЖ №4, 1996, Москва.
7. Софокл. Трагедии. Художественная литература, 2000, Москва.
8. Томэ Г. Кэхеле Х. Современный психоанализ. Прогресс, 1996.т.1, Москва.
9. Фрейд З. Бессознательное, в кн. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк психоанализа, "Алетейя СПб", 1996.
10. Фрейд З. Основные принципы психоанализа, "Релф-бук", "Ваклер", Москва,1998.
11. Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон 28-й президент США. Психологическое исследование. "Прогресс", 1992.
12. Brenner S. The mind of conflict. "IUP" New-York 1982.
- 13 Klein M. The oedipus complex in light of early anxieties. New York: 1975
14. Kohut H. The analysis of the self. New York. 1975.
15. Winnicott D.W. Fear of breakdown. Int. Rev. Psycho-anal. 1. 103. 1974.
16. Winnicott D.W. The theory of the parent-infant relationship. Int. Journal of Psycho-Analysis. 41. 585-595.

Примечания

*) Я хочу выразить благодарность моим коллегам, участникам психоаналитической группы при Институте практической психологии и психоанализа, за поддержку, оказанную мне при написании этой статьи. Особую благодарность мне хочется выразить моей жене и коллеге, Элине Зиминой. Ее искренний интерес к моей работе, поддержка, ценные комментарии и вопросы помогли мне глубже понять и раскрыть эту тему. Данная статья является переработанной версией доклада "Идентификация, тело, текст", который был прочитан автором на 2-м Московском русскоязычном семинаре "Эдип и Нарцисс. Психоаналитические модели диагностики и терапии", состоявшемся 3-4 марта 2001 года.

1) П. Рикер (1996) пишет о том, что "анализируемый включается в семиотическое прочтение своего опыта и поднимает свой опыт на уровень приемлемого и понятного рассказа или истории", то есть "он должен рассматривать свой опыт в терминах текстов и контекстов". Он считает, что в психоаналитической работе происходит постоянное разрушение и восстановление контекста, главным образом с "использованием символизаций, созданных в детстве".

2) В психоаналитической теории схожая идея была высказана Р. Уэлдером (1937). Он описал "принцип множественной функции", согласно которому "ни одна попытка решения проблемы не может быть предпринята без того, чтобы она в то же время тем или иным способом не представляла попытку решения другой проблемы".

3) Уже Э. Джонс в 1926 году писал о том, что "концепция суперэго - это то самое средоточие, где мы можем ожидать соприкосновения всех проблем эдипова комплекса и нарциссизма, с одной стороны, и ненависти и садизма - с другой".

*Журнал практической психологии
и психоанализа, 2001, № 1-2*

Маркс, Достоевский, Фрейд: три антропологических проекта

Л.С.Драгунская

К концу XIX века были сформированы три базовых антропологических концепции, три способа понимания человека. Они соответствуют трем главным проектам, которые пытался осуществить XX век. Речь идет о «коммунизме», «фундаментализме» (который чаще всего, хотя и далеко не всегда, принимает форму национализма) и «либерализме»^{1, 5}.

Эти три «проекта человека», соответствующие трем различным взглядам на его природу, связаны с именами Маркса, Достоевского и Фрейда. Разумеется, это очень разные мыслители, но каждый из них создал свой «язык», то есть систему понятий и критериев, которая определенным образом описывает и объясняет мир, и, что особенно важно, определяет своеобразие способов социального взаимодействия.

Если роль Маркса в формировании спектра социокультурных альтернатив XX века бесспорна, то упоминание в этом ряду имен Достоевского и Фрейда может вызвать вопросы. В самом деле, среди коммунистических идеологов с Марксом соперничать некому, в то время как и в фундаментализме, и в либерализме есть множество «звездных имен». Далее, по сравнению с Марксом, влияние Достоевского может показаться более скромным, даже если учесть его огромную популярность как «учителя жизни» в России конца XIX века и мировую славу в XX веке. Тем не менее, Павел Новгородцев говорил о «человеке Маркса» и «человеке Достоевского», так что упоминание Маркса и Достоевского в одном ряду имеет свою традицию. Думается, в этот ряд может стать и Фрейд.

И Достоевский, и Фрейд создали свои языки, утвердили системы ценностей, наиболее подходящие к фундаменталистскому и либеральному направлению соответственно.

Влияние Маркса сильнее всего ощущается на непосредственно социальном уровне. «Язык» Маркса — это атеизм, материализм, культ позитивного знания, примат экономики над идеологией, оправдание целесообразного насилия, социальный конструктивизм, социологическое понимание вины и ответственности. Этот язык был и отчасти доньше остается языком значительной части современного общества. Как ни парадоксально, на языке Маркса «говорят» (то есть используют указанные ценности и критерии) на противоположных полюсах социума: обездоленные массы и циничные политические элиты. Прагматическая развертка языка происходит внутри «антропологического проекта»: другими словами, язык

⁵ Все три слова, по сути, не термины, а ярлыки - потому и взяты в кавычки. В реальном научном обороте и в общественном сознании содержание этих трех понятий одновременно и шире, и уже, чем то, которое им «присваивается» в данном тексте.

реализуется (или мыслится) как актуальный (или виртуальный) образ носителя этого языка.

Проект Маркса известен лучше других. Он состоит в революционном, насильственном переустройстве мира на основе экономического и политического равенства. Так сам собою решается и вопрос об «осчастливлении» отдельного человека. Ключевая для любой философской антропологии проблема вины у Маркса представлена следующим образом. Поскольку все действия человека определены социальным контекстом, субъектом вины является социальная среда, а не человек. В языке Маркса вина — это не внутреннее переживание, а правовое понятие. Она, по Марксу, элемент социальной практики, инструмент, который несправедливо перекладывает ответственность с «неправильно устроенного» общества на человека — жертву этого неправильного устройства. Избавиться от вины можно посредством решительных социальных перемен.

В противовес Марксу, «язык» Достоевского — это религиозная духовность, идеализм в обоих смыслах слова (как противовес материализму и как служение идеалам), презрение к любому детерминизму, углубленный самоанализ, религиозное понимание вины и ответственности. Правда, необходимо отметить, что на «языке» Достоевского в его первоначальной полноте уже никто не «говорит».

Там, где речь идет о тайных желаниях и противоречивых страстях, — язык Достоевского поглощен языком Фрейда, который сам увлекался Достоевским и писал о нем. (Современные исследователи считают, что Достоевский подготовил почву для психоанализа. Интересно, что Василий Розанов, который по вполне понятным причинам ничего не знал о Фрейде, называл художественный метод Достоевского «психологическим анализом».)

Там же, где речь идет о духовных исканиях и о критике социальности с позиций личности, — тут «язык» Достоевского поглощен «языком» экзистенциализма. Собственно «Достоевским» остался лишь набор фундаменталистских религиозно-почвеннических тезисов, трактующих проблему реконструкции социальности с позиций высшей духовности, которая на практике оборачивается покорностью традиционным институтам социального контроля. Антропологический проект Достоевского отчетливо двойствен. С одной стороны, автор решительно отвергает социальный, а также биологический детерминизм. Достоевский считает, что все проекты переустройства общества наивны, потому что надо сначала переделать душу человека, а это задача трудная до невозможности. Особенно переделка в духе смирения и покорности: как говорит герой «Записок из подполья», человек так устроен, что обязательно начнет протестовать против любых, даже самых прекрасных, жизненных обстоятельств — просто ради самого протеста. С другой стороны, отрицая внешний детерминизм, Достоевский, тем не менее, преклоняется перед наиболее мощными институтами социального контроля: государством, нацией.

Дело в том, что Достоевский считает: в принципе душу человека переделать можно. Для этого человек должен вернуться к Богу, то есть к

народу, к «почве». Таким образом, государственные институты, оформляющие народ в осознающую себя целостность, обретают особую ценность — уже не социальную, а антропологическую. Так Достоевский, ярый защитник и пристальный исследователь человеческой индивидуальности, одновременно оказывается фундаменталистом, идеологом «антииндивидуализма». Национализм, нерассуждающая вера, политические взгляды здесь, скорее, вещи производные. Вина мыслится как личный грех отступничества от Бога. Человек свободен в грехе и покаянии, поскольку его поведение определено только его личным выбором, а искупление вины видится в возвращении к Богу.

Проект Достоевского неосуществим в принципе, так как ни в теоретическом дискурсе, ни, тем более, на практике невозможно гармонизировать культ самоанализа, индивидуального протеста и культ государства, ортодоксальную религиозность и народопоклонство. Путь от бунтарства к фундаментализму (знаменитое «смирись, гордый человек!») тоже вряд ли можно считать реальным стандартом или, тем более, идеальным проектом жизненного пути. (Хотя такой вариант развития и должен стать предметом индивидуального анализа).

Однако именно в этой раздвоенности проекта Достоевского — залог его обаяния (пусть для немногих). Он обозначает пути поиска идентичности в самом широком диапазоне референтностей — от отдельных черт собственного «я» до нации как целого. Роль Достоевского в формировании духовного климата нашего века чрезвычайно велика. Во-первых, он обозначил четкий антитезис Марксу: атеизму, материализму, революционности, экономическому и вообще любому внешнему детерминизму. Во-вторых, он сильно повлиял на тех интеллектуалов, которые не приняли ни Маркса, ни Фрейда, и более всего были озабочены проблемами смысла бытия, личной свободы и личного выбора.

Влияние Фрейда более всего ощутимо на уровне ментальном, на уровне общественного умонастроения, хотя его язык играет важную роль в социальных практиках либерализма. «Язык» Фрейда — адресация к бессознательному, к переживаниям детства, рефлексия, подчеркивание главенствующей роли сексуальности в социальном опыте, отрицание социальных феноменов «самих по себе», синтетическое понимание вины и ответственности — стал языком образованного обеспеченного среднего класса развитых стран Запада.

Важно отметить: если на языке Маркса говорят массы и элиты, то на языке Фрейда говорит «социальная середина». Антропологический проект Фрейда представляет собой удивительный синтез (или даже диалектическое снятие противоречий) двух предыдущих проектов и, разумеется, двух предыдущих языков. В центре этого проекта лежит развитие личности, свободной от прямых воздействий как социального окружения (Маркс), так и духовных шаблонов (Достоевский). Внимание к уникальности отдельной личности сочетается с позитивистским экспериментальным пафосом, а

глубокие, утонченные интерпретации феноменов душевной жизни, их символизма и мифологии — требуют жесткой дисциплины мысли.

Поэтому Фрейд говорил Юнгу, что сексуальная теория — это «оплот против мутного потока грязи, против оккультизма». Другими словами — оплот против ангажированной произвольности интерпретаций. Упомянутое отрицание социальных феноменов «самих по себе» позволяет выйти из философского тупика марксистской антропологии.

По Марксу, человек есть сумма общественных отношений, что на первый взгляд кажется весьма резонным. Однако в этом утверждении «общественные отношения» рассматриваются как нечто трансцендентальное, существующее вне и без человека. Тем самым выносятся за скобки тот факт, что общественные отношения формируются людьми, а институционально, в аспекте конкретных социальных технологий — состоят из людей, которые сами, в свою очередь, являются «суммой общественных отношений» (эта ситуация была проанализирована в работе Кардинера «Психологические границы общества»).

Таким образом, отказ Фрейда от гипостазирования социальных регуляторов в пользу индивидуально-психологического подхода к анализу социальности — на деле является снятием неплодотворной оппозиции «личность-общество», то есть отказом обсуждать одну из так называемых «ложных проблем социологии». Наконец, для проекта Фрейда характерна атеистическая духовность: система высших нравственных критериев имеет ценность и позитивный смысл для личности лишь тогда, когда личность свободна от давления внешних шаблонов, какими бы они ни были, и способна самостоятельно выработать или, по крайней мере, самостоятельно оценить систему моральных координат и экзистенциальных категорий. Столь же диалектично у Фрейда понимание вины, которое вкратце можно сформулировать так: человек виновен, но в этом он не виноват. Такая диалектика вины и предопределенности раскрывает перед человеком возможность развития, которое продолжается всю жизнь, поскольку здесь предопределенность не означает безысходности. С точки зрения психоанализа в процессе нормального развития человек достигает того уровня, когда первоначальные инстинктивные влечения (сексуальные и агрессивные) сублимируются в созидательной, собственно человеческой деятельности. Человек становится носителем сильного «Эго» и зрелых объектных отношений. Это делает возможным адекватную рефлексивность.

Опыт рефлексии, часто весьма болезненный, составляет неотъемлемую часть человеческой жизни. Этот опыт необходим во имя становления «интеллектуальной души», которую Ю. Лотман считал обязательным свойством настоящего интеллигента. Лотман утверждал, что интеллигент может появиться только в среде маргиналов, людей с социокультурными девиациями. Уходя из общества или будучи отвергнутыми обществом (что, в сущности, одно и то же), интеллигенты создают среду аморфного протеста и столь же аморфного поиска, из чего интеллигент формирует собственную позитивную независимость. Точно так же собственная психическая

маргинальность — точнее говоря, потенциальная, неразвившаяся девиантность — должна послужить материалом для рефлексии и, далее, для формирования собственной независимости. Для понимания себя, а далее — для понимания другого.

Антропологический проект Фрейда ставит перед человеком задачу пройти свой путь, научившись понимать самого себя, что побуждает личность к переходу от иллюзорного всемогущества через страх перед тотальным бессилием к более реальному ощущению своей силы. Ценности либерализма вряд ли могли быть реализованы без того видения человека, которое предлагает фрейдовская антропология. Здесь на первом месте стоит ценность индивидуализма, то есть свободный поиск собственных нравственных ориентиров.

До Фрейда было принято считать, что человек несчастен потому, что недостаточно требователен к себе. Фрейд объясняет страдания человека тем, что он, наоборот, излишне требователен к себе, подчиняясь жесткому, карающему «СуперЭго». Язык Фрейда — это терпимость к себе и к другим. Реализуясь в практике психоанализа, этот язык становится языком либеральной элиты, которая, в свою очередь, влияет на более широкие социальные круги. Во многом благодаря этому современное демократическое общество Запада превратилось, как считает немецкий социолог Герхард Шульце, в «общество переживания» (которое пришло на смену «обществу потребления»). Это означает возрастание ценности собственной эмоциональной жизни и эмоциональной жизни другого человека.

Сейчас социальная адекватность человека оценивается не мерой его адаптированности, а качеством жизни как субъективным параметром. Критика психоаналитического антропологического проекта, часто весьма активная и эмоциональная, — это косвенный, но весьма надежный признак того, сколь глубоко вошел язык Фрейда в современную культуру.

В этой связи вспоминается заочная полемика Победоносцева и Черчилля. Первый небезосновательно утверждал, что демократия — это самая затруднительная форма правления. Второй заметил, что все остальные — еще хуже. Разумеется, язык Фрейда — язык либерализма — сложен и требователен, но вряд ли можно противопоставлять ему язык «коммунизма» или «фундаментализма» в качестве актуальных альтернатив.

Человек, 2000, №2

Зигмунд Фрейд – хроникёр

М.С.Кельнер

Посвящаю эту работу моей жене Елене Кельнер

За месяц до открытия в Лондоне Музея Фрейда в 1986 году из стола великого ученого были извлечены документы. Среди них оказались 20 листов, написанных его собственной рукой, готическим шрифтом, – какие-то заметки с указанием дат записей. Первый лист был озаглавлен «Краткая хроника».

Хранитель музея Стив Нойфельд попросил научного директора Мишеля Молнэра посмотреть эти листы, и тот был поражен, обнаружив, что перед ним не что иное, как дневник Фрейда, содержащий лаконичные записи последнего десятилетия его жизни.

Часто задают вопрос: кто такой Зигмунд Фрейд – психиатр, философ, писатель, историк, культуролог, провидец? Вопрос этот не случаен. Фрейд исследовал самые разнообразные области науки и культуры, был не только врачом душевных ран, всемирно известным психиатром, тонким психологом, но и талантливым историком, летописцем, хроникером. Об этом убедительно свидетельствует его дневник, который он вел в последние 10 лет своей жизни, начав его в конце 1929 года, в возрасте 73 лет, и окончив за четыре недели до смерти – 23 сентября 1939 года.

Последнее десятилетие, предельно лаконично отраженное в дневнике, стало одним из самых беспокойных периодов его нелегкой жизни. Нацизм распространялся в Европе, набирал силу. Великий ученый вынужден был покинуть оккупированную Австрию и переехать в Лондон – чтобы «умереть свободным». Фашизм и антисемитизм распространялись с невиданной быстротой, и блестящий, отточенный ум и предельно чуткую душу Зигмунда Фрейда это терзало так же, как его тело – рак. В дневнике он часто упоминает свою младшую дочь Анну – она была для него незаменима: близкий человек, разделяющий все его тяготы и заботы, няня, личный секретарь, главный представитель в психоаналитическом сообществе.

В 1986 году в Лондоне в просторном доме на Маресфилд Гарденс, где Фрейд прожил последний год своей жизни, открыли его музей. Здесь же до 1982 года жила его дочь Анна. В течение более 40 лет после смерти ученого его библиотека, кабинет не претерпели никаких изменений, были сохранены в точности, какими и были при его жизни.

Известно, что спасенное от нацистов имущество Зигмунда Фрейда ему доставили в Лондон в 1938 году. В частности, из Вены были перевезены письменный стол, часть библиотеки, знаменитая коллекция египетских, греческих, римских и восточных древностей, легендарная кушетка.

Что касается его дневника, то, обнаруженный за месяц до открытия музея, он был вскоре издан при активном участии музейных сотрудников, в особенности научного директора Мишеля Молнэра, под названием «Дневник Фрейда 1929-1939 гг. Записи последнего десятилетия».

Интересно, что еще до обнаружения этого бесценного документа в 1986-м коллега и биограф Зигмунда Фрейда Эрнст Джонс, а также французский литератор Роже Дадун в своих работах неоднократно упоминали о некоем дневнике. Историк Рональд Кларк, автор известной монографии об ученом, также на него ссылаясь, приводя из него цитаты. Петер Гей расценивает дневник как «важный исторический источник» биографических сведений о жизни и творчестве ученого. Важное значение придает этим записям и старший сын Фрейда Мартин. Он вспоминает: «Отец держал на своем столе переплетенный дневник в форме больших листов белой бумаги, на которых он кратко записывал каждодневные события, которые казались ему наиболее важными».

Однако несмотря на эти многочисленные ссылки и упоминания, полностью дневник опубликован не был. И только в 1992 году – с подробными разъяснениями, комментариями, уникальными архивными материалами и фотографиями – этот уникальный исторический документ был впервые издан на английском языке. В «Дневнике» собраны важные исторические материалы о жизни и творчестве Фрейда, документы, сведения о его визитах и встречах, о людях, окружавших его, о семейных делах, о политических и культурных событиях, смертях близких друзей и родственников, годовщинах, праздниках и, конечно, о его научной работе. «Дневник» отразил одну из многообразных и неожиданных сторон деятельности Фрейда, выступившего в роли историка и хроникера.

Надо сказать, основатель психоанализа обращался к составлению и написанию хроник и в другие периоды своей жизни.

К особой разновидности дневниковых записей можно отнести и письма Фрейда. В 1882 году юный Зигмунд был помолвлен с Мартой Бернайс, и в течение четырех лет от помолвки до свадьбы (1882 – 1886) они переписывались. Главное в этих письмах Фрейда – глубокие раздумья молодого человека о жизни и смерти, о таинствах бытия и психики человека. В письмах к другу Вильгельму Флису он тщательно анализирует и выверяет свои жизненные увлечения, собранные факты и переживания.

В 1916 году, когда три его сына были призваны на военную службу, а одна из дочерей находилась в Гамбурге, время от времени Фрейд вел краткие записи о семье или о текущих делах в форме календарных пометок. Эти записи в настоящее время хранятся в Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне. Они имеют много общего с последней хроникой ученого: центральное место в них занимают размышления о смерти, о пагубности всеобщего кровопролития на войне и страх из-за возможной гибели сыновей. У самого Фрейда в этот период возникает предчувствие, что он должен умереть в феврале 1918 года. Но когда он остается жив и в декабре, а его

сыновья возвращаются с фронта, ведение «семейно-календарных книг» прекращается.

Приступая к своей последней хронике, Фрейд был еще ближе к смерти, чем во время войны. Ему исполнилось 73 года, и вероятность смерти от прогрессирующего рака челюсти или же от сердечного приступа была весьма велика. После установления точного диагноза Фрейд должен был прожить, по уверению врачей, не многим более пяти лет, однако благодаря своей неистребимой воле к жизни прожил гораздо больше.

Читая последний дневник, можно выделить ряд важных аспектов жизни и деятельности Фрейда в период с 1929 по 1939 год. В нем отражены политические и культурные события, творческая и издательская деятельность ученого, пополнение его коллекции, болезни, визиты, семейные празднества, всякого рода домашние дела, смерть близких людей... Например, в октябре 1935 года он записывает: «Начало войны в Абиссинии», «Великий канон» (новая статуэтка в его коллекции древностей), «Тонкости ошибочных действий», «Операция Пихлера» (Ганс Пихлер, 1877-1949, – известный австрийский хирург, специалист в области челюстно-лицевой хирургии, неоднократно оперировал Фрейда), «Торнтон Уайлдер» (американский писатель, вел с Фрейдом дискуссию по проблемам литературы и психоанализа), «Матильде 48 лет» (старшая дочь Фрейда).

Часто запись в дневнике – лишь одно слово, но сколько за ним!.. Так, в понедельник 28 октября 1935 года он записал: «Автобиография» – в этот день в США был издан новый, дополненный и переработанный вариант известной работы ученого под таким заголовком. Или запись от 7 декабря 1938 года: «Радиопередача». В этот день по просьбе Британской радиовещательной корпорации (BBC) Фрейд выступил по радио с краткой речью, в которой подвел итоги своей творческой жизни и карьеры. Незадолго до этого он мучительно перенес свою последнюю операцию и был очень болен. И все же, несмотря на непрекращающиеся сильные боли, его приглушенный голос звучал четко и энергично: «Я начал свою профессиональную деятельность как невролог, стремясь принести облегчение своим нервнобольным. Под влиянием моего бывшего друга и в результате собственных усилий я открыл ряд новых фактов о бессознательном в психической жизни, о роли инстинктивных влечений и так далее. Из этих открытий выросла новая наука – психоанализ и новый метод лечения неврозов.

За это я тяжело заплатил. Люди отвратительным образом не верили в мои факты и в мои теории. Соппротивление было сильным и неумолимым. В конце концов я добился успеха у своих последователей и создал Международную психоаналитическую ассоциацию. Но борьба еще не закончилась...».

В дневниковых записях отсутствуют характерные для работ Фрейда особенности: тщательно выверенные язык и предельно содержательный материал, четкая аргументация – только хронологические серии отдельных слов и фраз. Такой способ изложения очевидно связан с тем, что Фрейд не

адресовал эти записи широкой читательской аудитории и не думал, что они будут когда-либо опубликованы. В то же время он не делал из них никакого секрета – дневник лежал открыто на его рабочем столе, и записи не были зашифрованы.

Реалии фашизма и антисемитизма.

Особое внимание в дневнике привлекает ряд узловых тем, постоянно занимающих Фрейда, – в первую очередь наступление фашизма и антисемитизм в Европе и в этой связи вопрос об эмиграции, затем встречи, переписка со многими видными учеными, писателями, деятелями культуры и пополнение заветной коллекции антиквариата. Мучительная болезнь, как видно, над душой ученого не имеет доминирующей власти. На фоне чудовищной болезни общества она звучит только приглушенным эхом боли.

Известно, что Фрейд и многих других психоаналитиков всегда волновали темы социальных и психологических механизмов распространения фашизма, возникновение и причина появления антисемитских предрассудков. Всю свою долгую и многотрудную жизнь Фрейд прожил, наблюдая антисемитизм, поэтому его стремление объяснить при помощи созданного им психоанализа этот уродливый феномен более чем понятно.

Надо заметить, в глазах антисемитов и тяготеющих к ним по духу, в частности в книге И.Р. Шафаревича «Русофобия», взгляды Фрейда на антисемитизм предстают в крайне искаженном и подчас карикатурном виде. Автор выхватывает и подчеркивает лишь один из моментов психоаналитического объяснения причин антисемитизма, а именно, антипатию, вызываемую обрядом обрезания (у многих из тех, кто не подвергался этому ритуалу, обрезание подсознательно ассоциируется с кастрацией). Фрейд же не сводил свое понимание причин антисемитизма к одному этому страху, а выделял целый ряд других факторов, приведших к гонениям на евреев. Одни из них обусловлены самим ходом истории и не требуют, по его мнению, каких-либо толкований. Другие, напротив, коренятся в тайных глубинах человеческой психики и требуют истолкования именно с помощью психоанализа.

Бытующие представления о «пришлости» еврейского народа Фрейд считал несостоятельными, поскольку во многих странах, где существует антисемитизм, евреи принадлежат к исконным древнейшим слоям населения. Например, в ставший впоследствии немецким город Кельн евреи переселились вместе с римлянами, и это произошло до того, как он был захвачен германцами. Одной из причин антисемитизма Фрейд считал именно то, что евреи живут среди других народов в меньшинстве, к тому же отличаются от своих «народов-хозяев» и «упорствуют перед лицом любого гнета». Более глубокие причины антисемитизма коренятся, с его точки зрения, в бессознательных структурах массовой психологии людей. Среди

них он выделял и ревность к народу, выдающему себя за любимое дитя Бога-Отца.

Одну из важнейших причин антисемитизма основатель психоанализа усматривал в том, что народы, ненавидящие евреев, лишь в относительно поздние исторические эпохи стали христианами. Причем часто их заставляли силой исповедовать христианскую религию. Повидимому, здесь сработал какой-то особый архетип коллективного бессознательного, который привел к массовой ненависти и агрессии против евреев. Другая из основных причин юдофобии – стремление еврейского народа, сохранившего, несмотря на многочисленные беды и гонения, свое лицо и свою национальную культуру, к самоидентификации. Естественно, это вызвало у тех, кто подвергся принудительной христианизации, зависть к евреям и резкое психологическое их неприятие.

Такой подход к пониманию причин антисемитизма созвучен идеям, выдвигаемым в свое время Н. Бердяевым. Он писал о поистине поразительном легкомыслии христиан-антисемитов: ведь христианство по своим истокам есть именно еврейская религия мессиански-пророческого типа.

Фрейд очень резко реагировал по поводу каждого отдельного случая неприязни к евреям. Уже в начале его дневника – 7 ноября 1929 года – сделана запись: «Антисемитские погромы». В этот день пронацистски настроенные студенты сорвали лекцию в Венском анатомическом институте, которую должен был читать профессор Юлиус Тандлер, еврей. Выйдя из института, они стали бесчинствовать на улице и в других зданиях, устроив там настоящее побоище.

В марте 1938 года Гитлер оккупировал Вену. Антисемитские настроения в городе усилились, начались повальные аресты, притеснения евреев. Подверглась репрессиям и семья Фрейда. Квартира ученого, его книги, библиотека, коллекция античных древностей были конфискованы, Международное психоаналитическое издательство закрыто. Унизительным допросам в гестапо подверглась дочь Анна. Все эти события отразились в дневнике всего в двух словах: «Конец Австрии», но за ними стоял очевидный для великого ученого трагический процесс разрушения нацистами целой культуры, складывавшейся на протяжении многих столетий. Для Фрейда «Конец Австрии» – это не только политическое поглощение страны германским рейхом, но и гибель венской интеллектуальной жизни, уничтожение фашизмом ценностей великой культуры с ее языком.

Мировая общественность, видные политические деятели, ученые, писатели – все стремились вызволить Фрейда из нацистского пекла. Президент США Франклин Рузвельт поручил американскому послу в Берлине обратиться с официальной просьбой к немецкому правительству оградить престарелого ученого от репрессий. Рузвельт же поручил американскому послу во Франции У. Буллитту разработать план эвакуации семьи Фрейда из Вены. Тем не менее преследования нацистским режимом

«великого венца» и его семьи продолжались, а Фрейд никак не мог принять окончательного решения – уехать.

Прилетевший из Лондона в Вену ученик и один из ближайших друзей ученого Эрнст Джонс настойчиво пытался убедить его покинуть страну, где бесчинствовали нацисты. А он отвечал: «Австрия – мой дом». Как-то на очередные уговоры Джонса эмигрировать Фрейд воскликнул: «Я не могу покинуть мою родную страну. Это было бы все равно, как если бы со своего поста дезертировал солдат». И только в июне 1938 года, после того как принцесса Мария Бонапарт внесла нацистам «выкуп» в размере четверти миллиона австрийских шиллингов, Фрейд и члены его семьи покинули Вену. Отныне они поселились в Лондоне, где великий ученый прожил до самой смерти 25 августа 1939 года.

Но пока его библиотека, остальное имущество оставались в Вене. Оторванный от родного языка, от привычной обстановки, он очень страдал и тем не менее был счастлив. Прежде всего потому, что ему и его семье удалось наконец выбраться из нацистского пекла и обрести свободу. Мишель Молнэр утверждает, что Фрейд оказался в ситуации героя известной сказки братьев Гримм «Ганс в счастье», который путем множества невыгодных обменов променял слиток золота на камни, но оставался радостным и счастливым.

Годом раньше, 31 октября, в дневнике записано: «Заметки об антисемитизме». Тогда редактор издававшегося в Париже немецкого эмигрантского журнала «Die Zukunft» Артур Кестлер попросил Фрейда высказаться по этому больному вопросу. Опубликованной в ноябре 1938 года статье были предпосланы такие слова: «Предлагаемая статья является первой публикацией, принадлежащей перу Зигмунда Фрейда со времени его изгнания из Вены».

С точки зрения психоанализа антисемитизм, ставящий перед собой цель физического уничтожения евреев, представляет собой одну из злокачественных форм некрофилии, болезненной страсти к разрушению и агрессии. Фромм убедительно показал, что Гитлер посылал на смерть и уничтожение миллионы евреев, реализуя некрофильский и садистский комплексы. 30 января 1931 года будущий фюрер откровенно заявил министру иностранных дел Чехословакии Хвалковскому: «Мы собираемся уничтожить евреев. Они не смогут избежать наказания. День расплаты настал».

В своей книге «Моя борьба» Гитлер рассуждал о необходимости уничтожения еврейского народа в целях возрождения Германии (!). Только во время одной печально известной «Хрустальной ночи» нацисты убили 35 евреев, разрушили 267 синагог и церковных зданий, нанесли ущерб 7500 еврейским магазинам. В последующие дни 29000 евреев были депортированы в концентрационные лагеря Дахау, Бухенвальд и Заксенхаузен.

Исходя из идей психоанализа антисемитизм можно представить как своеобразный невроз, неотвязно преследующий враждебно настроенных к

евреям людей. Следствиями такого невроза являются склонность к конфликтам, отчуждение от реальной жизни, появление маниакальных идей и представлений, тяготение к ритуальным магическим манипуляциям и заклинаниям, постоянно преследующие юдофоба страхи вкупе с завистью и слепыми и беспощадными злобой и ненавистью.

Главные темы последнего десятилетия жизни

В этот период существенное значение, даже остроту, приобрел для Фрейда вопрос, нашедший, как всегда, лаконичное отражение в дневнике, о признании мировым сообществом его заслуг и ценности психоаналитических идей – дела всей его жизни.

Великий ученый неоднократно выдвигался кандидатом на самую престижную в мире премию – Нобелевскую, между тем... В дневнике в этой связи есть две записи: самая первая датирована 31 октября 1929 года: «Прошел мимо Нобелевской премии» – и другая, от 6 ноября 1930 года: «Окончательно прошел мимо Нобелевской премии». «Было бы абсурдным ожидать знаков признания, когда 7/8 мира выступают против меня», – писал он одному из своих друзей ровно за 14 лет до первой записи в дневнике на эту тему. Предчувствия не обманули основателя психоанализа: Нобелевскую премию он так и не получил.

Но зато летом 1930 года ему присудили одну из самых престижных литературных наград – «Премии Гете» города Франкфурта-на-Майне. Ее размер составил 10000 немецких марок. 28 августа 1930 года из-за болезни и общей слабости Зигмунд Фрейд не смог присутствовать на торжественной церемонии по поводу ее присуждения. Во Франкфурт прибыла его дочь Анна и зачитала приветственную речь отца. «Анна во Франкфурте», – записал в этот день в дневнике Фрейд.

Одна из наиболее важных его тем – это переписка, встречи и общение с видными учеными, деятелями культуры, благодаря чему этот исторический документ можно расценивать не только как политическую и семейную хронику, но и как своеобразную хронику культурно-эстетической жизни Зигмунда Фрейда, в частности, его отношения к искусству. Здесь неоднократно упоминаются писатели Томас Манн, Стефан Цвейг, Ромен Роллан, Арнольд Цвейг, Гарри Уэллс, французская певица Иветта Жильбер, Сальвадор Дали и другие.

С немецким писателем Томасом Манном Зигмунда Фрейд связывали узы многолетней дружбы и неподдельного взаимного интереса. 22 ноября 1929 года Фрейд записывает: «Посвящение Томаса Манна». Тогда Томас Манн в журнале «Die Psychoanalytische Bewegung» опубликовал очерк «Позиция Фрейда в современной интеллектуальной истории»: учение отца психоанализа в его глазах сближалось с немецким романтизмом. В заключение очерка фрейдовскому психоанализу выносятся такой вердикт: «Он является одной из самых существенных строящихся глыб, которые составляют основу будущего дома освобождения и разумного гуманизма».

Копию этой публикации с написанным от руки посвящением: «Зигмунду Фрейдю. С громадным уважением, Мюнхен 17.11.1929» Томас Манн послал Фрейдю. Ныне она хранится в библиотеке музея ученого в Лондоне.

17 марта 1932 года, находясь в Вене, Т. Манн впервые нанес визит Фрейдю. Уже через пять минут после начала беседы два великих человека почувствовали необыкновенную симпатию и дружеское расположение друг к другу. Эту встречу Фрейд в восторженных тонах описал в письме к М. Эйтингону: «Визит Томаса Манна был весьма приятным. Его поведение было искренним и непринужденным, с ним было непосредственно легко и то, что он говорил, производило глубокое впечатление. Естественно, женщины не оставили нас в покое. Они очень нежно отнеслись к нему как к полусоотечественнику» (жена Фрейда Марта и его свояченица были заядлыми читательницами и страстными поклонницами творчества Т. Манна).

В последующие годы великие ученый и писатель вели обширную переписку, неоднократно встречались. 28 апреля 1935 года Фрейд записал в дневнике: «Письмо Томасу Манну» – в этот день он послал ему в связи с его шестидесятилетним юбилеем поздравительное письмо, которое заканчивалось следующими словами: «...хочу выразить уверенность, что вы никогда не сделаете и не скажете (ведь слова художника – это его дела) ничего подлого и низкого, что вы и во времена и в ситуации, когда путается разум, пойдете верным путем и укажете его другим. Преданный вам всем сердцем Фрейд».

6 мая 1936 года Фрейдю исполнилось 80. К юбилею был создан оргкомитет, в который вошли Томас Манн, Ромен Роллан, Жюль Ромен, Герберт Уэллс, Вирджиния Вульф и Стефан Цвейг. Они собрали подписи 350 выдающихся писателей, художников, ученых. Томас Манн прочитал в Вене приветственное обращение «Фрейд и будущее» и передал виновнику торжеств папку, в которой находились многочисленные поздравительные адреса. Множество людей желали повидать юбиляра и лично его поздравить. Один из визитеров спросил, как Фрейд себя чувствует, и услышал саркастический ответ: «Как чувствует себя человек в возрасте 80 лет, не является темой для разговора».

14 июня 1936 года Т. Манн прочитал свой приветственный доклад в квартире Фрейда на Бергассе, 19, – а в дневнике ученого появилась запись: «Лекция Томаса Манна в нашем доме». Присутствовавший при этом доктор Макс Шур у себя записал: «Свою речь Манн произнес очень взволнованно. Фрейд, который никогда не любил слушать дифирамбы в свой адрес, все это время находился под большим впечатлением». Назвав психоанализ «духовным естествознанием», а его создателя «первопроходцем будущего гуманизма», Т. Манн утверждал, что «психоаналитическая доктрина способна изменить мир. Благодаря ей был посеян дух недоверия, подозрения к скрытым сторонам души, позволивший их разоблачить. Этот дух, однажды пробудившись, никогда не исчезнет. Он пронизывает всю жизнь, подрывает ее наивность, лишает ее пафоса, свойственного незнанию».

Для Фрейда такая оценка психоанализа была исключительно важна, поскольку подводила общий итог всей его жизни и деятельности, служила оправданием многих лет упорной борьбы против клеветы и невежества, подтверждением того, что борьба эта была не напрасной, а жизненно необходимой.

После доклада Зигмунд Фрейд и Томас Манн за чаем вели долгую и непринужденную беседу о Иосифе и Моисее – писатель в это время работал над тетралогией «Иосиф и его братья», а Фрейд был поглощен своим «Моисеем». Впоследствии Фрейд назвал этот визит Томаса Манна «великой радостью» для него и его семьи.

Много лет Зигмунд Фрейд переписывался и состоял в дружеских отношениях с другим не менее известным писателем – Стефаном Цвейгом, великолепным мастером психологической новеллы и романизированных биографий (Марии Стюарт, Эразма Роттердамского, Фридриха Ницше, Оноре де Бальзака и других, в том числе и Зигмунда Фрейда). 11 февраля 1931 года он записал: «Ст. Цвейг. Исцеление духом». В этот день ученый получил от своего друга его новую книгу – биографическую трилогию «Исцеление духом» (в русском издании «Врачевание и психика»), состоящую из трех новелл – «Мессмер», «Мэри Бейкер Эдди» и «Зигмунд Фрейд», которая впервые была опубликована на немецком языке в 1931 году в Лейпциге.

Отношение самого Фрейда к этой книге было сложным и неоднозначным. С одной стороны, он выразил удовлетворение прочитанным, подчеркнув, что автор верно обрисовал основные моменты его биографии, с другой – высказал С. Цвейгу ряд упреков и критических замечаний. «Вы слишком подчеркиваете во мне мелкобуржуазный корректный элемент, – пишет он, – а я ведь парень все-таки посложнее; с вашим изображением не согласуется то, что я все же испытываю головные боли и усталость», а также «обязан сигаре большей частью своего самообладания и терпения в работе». И самое главное, как это ни парадоксально звучит, Фрейд заявляет, что в течение всей его творческой жизни ему приходилось заниматься не столько психологией, сколько историей и археологией, – так чувствовал он.

Вообще Фрейд крайне отрицательно относился к написанию биографий, он считал, что «становящийся биографом обязывается лгать, утаивать, лицемерить, приукрашивать и даже прикрывать свое непонимание, так как биографическая правда недоступна, а если бы и была доступна, не была бы использована». Фрейд был весьма встревожен, когда один из издателей предложил его близкому другу Арнольду Цвейгу написать его биографию и решительно запретил ему это делать, говоря, что тот может найти себе дела и получше и поважнее.

Кстати, имя известного немецкого писателя Арнольда Цвейга во фрейдовской хронике упоминается неоднократно. Впервые они встретились в 1927 году, и А. Цвейг посвятил «великому венцу» свой роман «Caliban». Уже после смерти Фрейда А. Цвейг сделал Э. Джонсу такое признание: «Я

любил его как отца и благодетеля, без открытий которого мой талант был бы похоронен под руинами первой мировой войны».

В июле-августе 1929 года в журнале «Die Psychoanalytische Bewegung» А. Цвейг опубликовал очерк «Фрейд как человек», в котором назвал основателя психоанализа «разрушителем иллюзий», «освободителем от религиозного и патологического террора». Писатель был хорошо знаком со многими специальными работами Зигмунда Фрейда и успешно проводил сеансы самоанализа. В свою очередь, сам Фрейд с неослабевающим интересом знакомился с каждым новым произведением А. Цвейга.

После прихода нацистов к власти в Германии Арнольд Цвейг отправил свою жену и детей в Палестину и готовился сам переехать туда. Его последний визит к Фрейду перед отъездом в Хайфу состоялся 15 мая 1933 года. Фрейд решительно отговаривал Цвейга от возвращения в Берлин, где его наверняка должны послать в концентрационный лагерь. В своей книге «Оскорбление и изгнание. Правда о немецких евреях» А. Цвейг повествует о величии и достижениях еврейского народа, о его большом вкладе в развитие науки и культуры. Фрейд в этой книге назван «самым значительным из ныне живущих ученых».

А Фрейд в своем дневнике 18 августа 1936 года сделал довольно любопытную запись: «Моисей и Арнольд Цвейг». Дело в том, что, работая над рукописью своей последней книги «Моисей и монотеизм», Фрейд постоянно мучился сомнениями, пересматривал выдвинутые им идеи и гипотезы, советовался с друзьями, специалистами в области истории и библеистики. Особенно он ценил мнение А. Цвейга, намереваясь показать ему свою рукопись о Моисее еще до ее опубликования. В мае 1935 года Фрейд писал ему: «Моисей не отпускает мое воображение. Несмотря на мою дефективную речь, я вам вслух нарисую “картину”, когда вы приедете в Вену». А десять дней спустя Фрейд сообщил Эйтингону: «Моисей становится для меня навязчивой идеей. Я не могу избавиться от нее и не могу оставаться с ней».

12 октября 1938 года в дневнике записано: «Прощание с Арнольдом Цвейгом». Здесь это последнее упоминание о немецком писателе. Ему предшествовало следующее. Находясь в Англии с 7 сентября, А. Цвейг посетил Фрейда в одной из лондонских клиник. После этого они несколько раз встречались: дискуссии были довольно интенсивными, но силы Фрейда были уже на исходе. По пути в Палестину А. Цвейг написал Фрейду из Парижа: «Я был счастлив видеть устроенным в вашем временном доме вас и все, что так ярко и зелено окружает вас. Я счастлив также, что вы способны работать за вашим столом, в окружении ваших прекрасных маленьких богов».

Добрые отношения связывали Фрейда еще с одним замечательным писателем – Роменом Ролланом. 16 января 1930 года Фрейд записал в своей хронике: «Книги от Р. Роллана». Точно неизвестно, какие именно книги он получил в тот день, известно лишь, что в настоящее время в Лондонском

музее Фрейда находятся две пьесы Роллана «Les Leonides» и «Liluli». На второй из них рукой Роллана написано: «Разрушителю иллюзий».

О библиотеке Фрейда следует сказать особо. Наряду со специальной медицинской литературой в ней были широко представлены и произведения мировой художественной литературы. Здесь соседствуют книги Чарльза Дарвина, Томаса Гексли, Теодора Мейнерта, Германа Гельмгольца, Эрнста Брюкке, Эмиля Крепелина с полным собранием сочинений Гете, Шекспира в подлиннике и классические переводы на немецкий язык, сделанные Шлегелем и Тиком, произведениями Генриха Гейне, высоко ценимого Зигмундом Фрейдом. Библиотека постоянно пополнялась книгами, которые Фрейду присылали с дарственными автографами писатели Томас Манн, Стефан и Арнольд Цвейги, Ромен Роллан, Торнтон Уайлдер, Герберт Уэллс и другие. Здесь же было много исторических трактатов (например, известная книга Теодора Гомперца «Греческие мыслители»), работы известных археологов, египтологов, в частности, немецкого археолога Генриха Шлимана, который открыл местонахождение Трои, вел раскопки в Микенах и в других местах.

Фрейд владел ассирийским и египетским языками, умел расшифровывать древние письмена. Среди его книг была одна из версий «Ветхого Завета», переведенная и изданная Людвигом Филипсоном. Эта версия содержала параллельные тексты на древнееврейском и немецком языках, пространные комментарии о жизни, обычаях и культуре народов древнего мира, множество иллюстраций египетских богов и других фигур, которые Фрейд коллекционировал. Именно к этому изданию Фрейд постоянно обращался, работая над книгой «Моисей и монотеизм».

В дневнике мы находим интересные записи, касающиеся дружбы ученого и его семьи с известной эстрадной французской певицей Иветтой Жильбер (1865-1944). Она начинала свою исполнительскую карьеру в парижских кафе, а в 1890 году к ней пришла международная известность. Это была женщина яркой артистической индивидуальности, разносторонней одаренности.

Анри де Тулуз-Лотрек изобразил ее в своей известной картине «Коломбина и Пьерро». В коллекции Фрейда имелась литография этой картины, в его кабинете висела фотография певицы. Иветта Жильбер, как и другие женщины, с которыми дружил и общался Зигмунд Фрейд (принцесса Мария Бонапарт, Лоу Андреас-Саломе и другие), была необычайно красивой, она напоминала ему о днях его юности в Париже. Впервые Фрейд услышал об этой певице еще в 1889 году, когда принимал участие в первом парижском конгрессе по гипнозу, а спустя много лет, в 1920-м, их познакомила дочь Фрейда Анна, и ученый неизменно посещал ее концерты в Вене. Во время гастролей Жильбер останавливалась в роскошном венском отеле «Бристоль» и всегда приглашала Зигмунда с его женой и дочерью Анной в гости.

Первое упоминание о певице в дневнике Фрейда относится к ноябрю 1929 года («Первый вечер Иветты», «Второй вечер Иветты»), второе появилось ровно через год, затем спустя два года, в ноябре 1932-го, когда

Иветта возобновила свои концерты в Вене. Восхищение Фрейда искусством Жильбер было настолько велико, что он посещал ее концерты два раза в неделю.

Она выступала на сцене в длинном черном платье, с ярко-красными волосами. Венская пресса отзывалась о ней восторженно. Газета «Wiener Zeitung» назвала ее «великой актрисой, необыкновенно глубоко проникшей в душу человека».

Иветта Жильбер пользовалась особым расположением Фрейда. Она принадлежала к числу тех немногих лиц (американский посол У.С. Буллит, английский писатель Герберт Уэллс), которые могли обращаться к нему по имени, без всяких официальных титулов.

Последняя запись в дневнике о Жильбер сделана 10 ноября 1935 года («Визит Иветты Жильбер»). Первый ее концерт в этом году назывался «La France qui chante» – она пела старинные французские песни XV века, преподнося каждую как своеобразное театральное представление. Но на этот раз Фрейд не в состоянии был прийти на ее концерт, и певица сама явилась к нему с визитом. Вновь они встретилась 6 мая 1939 года, в день его рождения, когда Жильбер выступала с концертами в Лондоне. В этот день она подарила Фрейду свою фотографию, подписав: «Великому ученому Зигмунду Фрейду поздравления актрисы. Иветта Жильбер».

Особую страницу в культурно-эстетической хронике Фрейда занимает запись от 19 июля 1938 года: «Сальвадор Дали». В этот день к нему пришел на поклон как к своему духовному наставнику ставший впоследствии всемирно знаменитым испанский художник-сюрреалист Сальвадор Дали. Зигмунд Фрейд оказал большое влияние на его жизнь и творчество.

Их встречу в Лондоне организовал Стефан Цвейг. Накануне он писал Фрейду: «Вы знаете, что я всегда избегал приводить к вам людей, но завтра это воистину важное исключение. Для меня Сальвадор Дали (сколь ни нелепыми кажутся мне иные из его поступков) – единственный современный гений живописи и единственный, кто переживет век, фанатик своих убеждений и ваш благодарнейший ученик среди художников. В течение долгих лет этот истинный гений мечтает познакомиться с вами (утверждает, что никому так не обязан в искусстве, как вам)».

Дали пришел к Фрейду вместе со своей женой Галой и английским писателем, миллионером, владельцем картины С. Дали «Метаморфоза Нарцисса» Эдуардом Джеймсом. Эту картину они принесли с собой и показали ее отцу психоанализа. Бесспорно, она его заинтересовала. «Было бы весьма интересным аналитически исследовать процесс создания этой картины», – писал он на следующий день после визита Дали Стефану Цвейгу. Сам же художник утверждал, что Фрейд в беседе сказал ему: «В классической живописи мне гораздо интереснее бессознательные элементы, в сюрреалистических же полотнах я отдаю предпочтение сознательному».

Фрейд остался доволен визитом. Относясь в целом весьма скептически к сюрреализму, называя художников этого направления в живописи «горсткой безумцев», «абсолютными дураками», для Сальвадора Дали, этого

«молодого испанца с его доверчивыми глазами фанатика и безупречным техническим мастерством» он делал исключение.

Еще до личного знакомства с Фрейдом Дали был поражен сходством черепа «великого венца» с головой улитки. При встрече и сразу после нее он делает несколько карандашных набросков его портрета, каждый раз видоизменяя очертания его черепа. Один из этих рисунков с надписью: «От вашего восхищенного друга Сальвадора Дали» художник просит Стефана Цвейга передать Фрейду. Но Цвейг не решается это сделать: рисунок шокирует – череп ученого почти просвечивает сквозь кожу...

Немало дневниковых записей связано со знаменитой коллекцией антиквариата, ее пополнением. Известно, что коллекция эта хранилась у Фрейда в кабинете, а некоторые ее экспонаты располагались прямо на его рабочем столе: контакт с антиквариатом создавал у него особый настрой, способствуя интенсивной научной работе, без преувеличения, вдохновлял.

Собранная коллекция весьма разнообразна и содержит как оригинальные работы, которые могли бы занять почетное место в самых престижных музеях мира, так и искусные копии и подделки. Кстати, делая те или иные покупки, ученый постоянно искал экспертов, чтобы посоветоваться, и был счастлив, если его близкие друзья оказывали ему помощь.

Школьный друг Зигмунда Фрейда Эмануэль Леви с 1889 по 1915 год был профессором археологии, жил в Риме. Каждый год он приезжал в Вену и, встречаясь с Фрейдом, давал ему советы, осматривал его новые приобретения. Одним из близких друзей Фрейда был историк, специалист по золоту Ренессанса, камням и драгоценным камням Эрнст Крис (1900 – 1957). Нередко с его помощью Фрейд приобретал антиквариат. 6 ноября 1929 года создатель психоанализа делает запись: «Крис и камни». Упомянутые в этой записи камни, по-видимому, находились в музеях Греции и Рима, где работал Э. Крис.

Были в коллекции и превосходные ассирийские и вавилонские цилиндрические печати. Бронзовые статуэтки египетских богов и богинь были исключительно высокого качества. Немалый интерес представляли вазы, из коринфского алебаstra и древнегреческой керамики, фигурки из терракоты, миниатюрные этрусские солдатики, римские рычажные часы, египетские и этрусские зеркала. Здесь было много различных мелких предметов – амулетов, жуков-скарабеев, служивших украшениями в Древнем Египте, драгоценных камней с гравировками, бус.

В центре письменного стола ученого стояла небольшая бронзовая статуэтка богини Афины из Рима, относящаяся к I или II веку новой эры. Она представляла собой копию с греческого оригинала V века до новой эры. Фрейд особенно ценил эту статуэтку и очень ею гордился. В древнегреческой мифологии Афина была богиней мудрости и войны и по своей значимости приравнивалась к Зевсу, иногда даже его превосходила. Для Фрейда она стала своеобразным талисманом в его эмиграции. Перед отъездом из Вены он

передал фигурку этой богини Марии Бонапарт, и та тайно переправила ее в Париж, а затем в Лондон.

Коллекция антиквариата Фрейда насчитывала около 2000 экспонатов из стран Ближнего Востока, Египта, Греции, Италии, Китая и других стран. Отец психоанализа никогда не анализировал свою страсть к коллекционированию, но его письма и дневниковые записки позволяют понять ряд интересных моментов. Фрейд был заядлым путешественником. Его коллекция не что иное, как выражение жгучего, неумолимого желания в той или иной мере, непосредственно или посредством вещей, представляющих разные культуры мира, «видеть» эти страны, чувствовать связь с их прошлым. Особый интерес представлял для него средиземноморский регион.

В результате исследований наследия Фрейда становится очевидным, что история, археология и коллекционирование служили для Фрейда одним из культурных оснований в процессе разработки теорий и техник психоанализа. Психоаналитик, подобно археологу, должен идти в глубь истории, его задача – раскопать глубинные пласты психики человека, особенно пласты периода раннего детства.

18 января 1933 года Фрейд записал в своем дневнике: «Л. Тиффэни + Нью-Йорк». Луис Тиффэни (1848 – 1933) – известный американский дизайнер и художник, отец Дороти Берлингэм, подруги Анны Фрейд, владелец знаменитой нью-йоркской фирмы по продаже ювелирных изделий и цветного стекла «Tiffany and Company». Во время своего визита в Америку в 1909 году Фрейд посетил эту фирму и приобрел китайскую вазу из нефрита и первую в его коллекции бронзовую статуэтку Будды.

Приобретение Фрейдом фигурок египетских богов и богинь, статуэток Будды было связано с усилением интереса создателя психоанализа к восточной культуре. Дело в том, что в 1930-х годах идеи психоанализа все больше и больше стали распространяться на Восток. В русле психоаналитической традиции активно формировались новые идеи, которые неожиданно стали перекликаться с восточными философскими идеями. В 20-х Фрейд наряду с первичными влечениями к жизни, к наслаждению выделяет еще и влечение к разрушению, агрессии и смерти, разрабатывает учение о соотношении влечений к жизни и смерти, Эроса и Танатоса, которое созвучно «принципу Нирваны» буддизма. «То, что доминирующей тенденцией психической жизни, а, может быть, и нервной жизни вообще, – писал ученый в работе “По ту сторону принципа наслаждения”, – мы признали стремление к снижению, к поддержанию постоянного уровня, к уничтожению внутреннего напряжения, вызванного раздражениями (“принцип Нирваны”, по выражению Барбары Лоу), – тенденцию, получающую свое выражение в принципе наслаждения, и является для нас одним из сильнейших мотивов, чтобы верить в существование первичных позывов смерти».

В этой связи следует отметить, что такие крупные теоретики психоанализа, как К. Юнг, Э. Фромм, Г. Маркузе, в своем творчестве

неоднократно обращались к анализу восточных, в том числе буддийских религиозно-психологических идей и символов.

Для ознакомления с психоанализом в начале 30-х годов в Европу приезжали японские психологи. С одним из них, Иякичи Ябе, переводчиком работы «По ту сторону принципа наслаждения» Фрейд поздним вечером 7 мая 1930 года вел интересную беседу. Японский психоаналитик говорил о сходстве, которое существует между учением Зигмунда Фрейда о влечении к смерти и идеями буддизма. Создатель психоанализа был настолько поражен этим утверждением японского ученого, что позвал свою дочь Анну, чтобы она услышала его слова.

В 1931 году в Японии были одновременно изданы два перевода книги Фрейда «Психопатология обыденной жизни» – их выпустили соперничающие издатели. Эта ситуация буквально ошеломила создателя психоанализа. Японские врачи-психоаналитики были приняты в Международную психоаналитическую ассоциацию и подтвердили свое участие в очередном Международном конгрессе по проблемам психоанализа.

15 июня 1932 года Фрейд записал в дневнике: «Психология любви в Японии». Тогда вышел из печати японский перевод известной его работы «Исследования психологии любви», состоящей из трех опубликованных в разное время очерков: «Об особом типе выбора у мужчин» (1910), «Всеобщая тенденция унижения в сфере любви» (1912) и «Табу девственности» (1918). В библиотеке Лондонского музея Фрейда сохранился перевод этой работы, датированный 1933-м. В том же году стал издаваться японский журнал «Zeitschrift fur Psychoanalyse». А спустя два года Фрейд писал японскому переводчику Кенджай Осуки: «Я получаю ваш журнал регулярно. То, что вы пишете о сопротивлении в вашей стране, для меня неудивительно; мы его ожидали, но я должен сказать, что в Японии для психоанализа существует солидный фундамент, который, вероятно, не будет уничтожен».

Эмигрировав в Англию, Зигмунд Фрейд очень болезненно переживал свой вынужденный отрыв от немецкого языка и австрийской культуры, которые он считал родными. Несколько дней спустя после приезда в Лондон, 11 июня 1938 года, он писал французскому психоаналитику Раймонду де Соссюру: «...возможно, вы обратили внимание на мучительные переживания эмигранта. Можно сказать лишь одно: утрата языка, которым он жил и мыслил и который, несмотря на эмпатию и сопереживание, никогда не способен заменить другой. Я замечаю, как в английском языке обычные термины обманывают меня и как даже It [Es] оказывает сопротивление обычному готическому шрифту». Здесь под It [Es] Фрейд понимает свое собственное бессознательное, которое оказывает произвольное сопротивление латинскому шрифту в английском языке.

Людвиг Витгенштейн утверждал, что «представить себе какой-нибудь язык – значит представить некоторую форму жизни». Язык – это своеобразный способ существования человека в культуре, важнейший компонент его жизненной активности. Лишаясь возможности говорить на

родном языке, человек тем самым лишается возможности полноценной деятельной жизни.

Переселившись в Англию, Фрейд не потерял своей жизненной активности, поскольку обладал поистине феноменальными способностями к языкам. Английским он владел блестяще, читал на нем, вел переписку и многократно проводил сеансы психоанализа с английскими и американскими пациентами.

Живя в Австро-Венгерской империи, Фрейд, можно сказать, вынужден был быть полиглотом. Еще ребенком он слышал словацкий, немецкий языки; в шестнадцатилетнем возрасте изучал испанский и переписывался на английском со своими родственниками из Манчестера. В школе Зигмунд освоил латынь и древнегреческий. В 1914 году в своем небольшом очерке о школьных годах он писал, что история и культура античности, ее язык были для него «непревзойденным утешением в битвах жизни». Позднее он переводил на немецкий сочинения английского философа и экономиста Джона Стюарта Милля, изучал в Париже и переводил с французского работы известного невропатолога Жана Шарко. Путешествуя по Италии, Фрейд разговаривал на итальянском. Но, бесспорно, он никогда не чувствовал, что овладел этими языками в совершенстве.

За двенадцать дней до начала своей «Краткой хроники» 19 октября 1929 года Фрейд писал Э. Джонсу о «растущем ухудшении изгиба его жизни». Фрейд имел в виду не только ухудшение здоровья, операции, которые он перенес по поводу рака челюсти, но и значительное усиление деструктивных сил в обществе. В дневнике он как бы составляет «график» своего собственного постепенного ухода из тех мрачных времен, в которых он жил. Все больше и больше его волновал вопрос, сможет ли человеческая цивилизация и культура обуздать насилие и агрессию, угрожающие жизни.

В «Краткой хронике» Фрейда выражена одна из центральных тем его философских воззрений, тема борьбы между жизнью и смертью, Эросом и Танатосом. Каждый юбилей, каждый день рождения, каждое событие, фиксируемые в этой хронике, можно рассматривать как своеобразный кредит, который он берет у жизни. Не случайно, именно в эти годы Фрейд работает над своей известной книгой «Неудовлетворенность культурой», отразившей его глубокие размышления над проблемами жизни и смерти.

В дневнике есть записи, касающиеся процесса работы Фрейда над этой книгой. 24 декабря 1929 года он сообщает М. Эйтингону, что хотел бы дать ей название «Несчастье в культуре». Но затем заменил слово «несчастье» на «неудовлетворенность». Книга была опубликована на языке оригинала в 1930 году. 26 декабря 1930 года Фрейд записывает в дневнике, что готовит ее второе издание на немецком – оно увидело свет в 1931 году. Первый английский перевод книги вышел в 1931-м в издательстве «Hogarth Press» Лондонского института психоанализа. О переводе работы на шведский язык 6 июня 1932 года Фрейд пишет в дневнике: «Шведский вариант неудовлетворенности».

Оказавшись в эмиграции, он стал обдумывать проблему соотношения бытия и обладания. Позже ее будет развивать в своих работах Эрих Фромм. В своей знаменитой книге «Иметь или быть» Фромм показал, что есть два основных способа существования человека в мире: обладание (ориентация на вещи) и бытие (способ существования, при котором человек не имеет ничего и не жаждет иметь что-либо, но счастлив, продуктивно использует свои способности, пребывая в единении с миром).

В эмиграции Фрейд сравнивал свое мироощущение с радостью Ганса, который избавился от имущества, но зато обрел радость и счастье. Сказка братьев Гримм «Ганс в счастье» имела для него не только глубокое жизненное значение, он сравнивал ее поучительный смысл с практикой психоанализа. В анализе, утверждал ученый, пациент отказывается от своих аффективных чувств, эмоций, влечений и переносит их на врача-психоаналитика. «Наше терапевтическое лечение, – писал Фрейд Шандору Ференци, – есть обмен, как в сказке “Ганс в счастье”. Лишь со смертью все прошлое сбрасывается в колодец».

В дневнике Зигмунд Фрейд составляет своеобразную диаграмму своего собственного движения к смерти. На этом пути он, подобно Гансу, щедро раздает свои сокровища, материальные и духовные, приобретая взамен лишь небольшой «кусочек счастья». Когда 7 декабря 1938 года Фрейд выступал по радио на BBC, он указал на свое открытие психоанализа как на «кусочек хорошего счастья»...

Дневник-хроника жизни Фрейда давно завершен, но идеи ученого по-прежнему интересны, они все еще обсуждаются, оцениваются.

Остается загадкой и личность великого венца, и донныне задаются вопросом: кем же он был – психиатром, философом, писателем, историком, культурологом, провидцем?.. Думается, из перечисленного ряда – всем, от себя добавлю – и хроникером.

Не удивлюсь, если со временем к этому прибавится что-то еще.

Лехаим, 2002, №6 (122)

Вехи жизни Сабины Шпильрейн

В.И.Овчаренко

*Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю.
Все, все что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья.*

А.С.Пушкин

Идея

В 1912 году в журнале «Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen» («Ежегодник психоаналитических и психопатологических исследований», № 4, р. 465-503) была опубликована статья Сабины Шпильрейн «Деструкция как причина становления».

Идеи и выводы этой концептуальной работы сыграли существенную роль в развитии психоаналитически ориентированных учений о природе и сущности человека и создали автору репутацию способного теоретика психоанализа.

В дальнейшем, подтвердив ее эмпирическими и теоретическими исследованиями, Сабина Николаевна Шпильрейн (1885-1942) была признана психоаналитическим сообществом в качестве одного из наиболее квалифицированных и результативных первых российских психоаналитиков.

Древо жизни

Сабина Николаевна Шпильрейн (Шпильрейн-Шефтель) родилась 25 октября (7 ноября) 1885 года в Ростове - на - Дону в семье энтомолога и состоятельного коммерсанта (купца 1-ой, а затем и 2-ой гильдии) Николая (Нафталия) Аркадьевича (Мошковича) Шпильрейна (переехавшего в 1883 г. в Ростов-на-Дону из Варшавы) и его жены стоматолога Евы Марковны Шпильрейн (в девичестве – Люблинской), занимавшейся преимущественно семейными делами, но все же работавшей стоматологом (1).

У Николая и Евы Шпильрейн было две дочери (Сабина и Эмилия) и три сына (Ян, Исаак и Эмиль). Семья жила в арендованных квартирах, а с 1897г. в собственном доме. Н.Шпильрейн практиковал суровое домашнее воспитание и во многом благодаря его усилиям, дети получили весьма приличное общее образование.

В 1890г. по настоянию отца Сабину определили в Фребелевский детский сад, в котором она пробыла 5 лет. За это время, благодаря

применявшимся там новым методам воспитания и образования, она получила неплохую общую и лингвистическую подготовку.

Сабина была болезненной девочкой не без некоторых странностей. Сложные отношения с родителями и различные чудаковатые моменты её поведения вызывали у них всевозрастающую озабоченность.

К концу 1901 года (отчасти под влиянием смерти 10 октября 1901 года от тифа младшей сестры Эмилии, которую она любила «больше всего на свете») ее поведение приобрело тревожный характер.

И когда выяснилось, что это все же психическое расстройство, отец, пытаясь спасти единственную дочь, принял решение, предопределившее ее жизнь и судьбу.

Болезнь

В 1904г., вскоре после того как Сабина, несмотря на подчеркиваемую ею «глупость учителей» и нелюбовь к школярству, окончила с золотой медалью 8 классов Екатерининской женской гимназии (в Ростове - на - Дону), отец решил поместить ее в швейцарский санаторий доктора Геллера в Интерлакене.

Мать привезла Сабину в Швейцарию. Но в санатории Сабина пробыла всего один месяц (за который успела продемонстрировать значительный репертуар разнообразных выходов) и, к облегчению медицинского персонала, была переведена в другое лечебное учреждение.

Психоанализ для россиянки

17 августа 1904г. Сабина, с сохранившейся «пугающей симптоматикой», поступила во всемирно известную клинику Бургхельцли (Цюрих), которой руководил один из основоположников современной психиатрии Эйген Блейлер.

Лечащим врачом Сабины стал увлекавшийся психоаналитическими идеями доктор Карл-Густав Юнг.

Случай Сабины (Диагноз Э.Блейлера «истерия», диагноз К.Г.Юнга – «психотическая истерия») показался К.Юнгу достаточно интересным и перспективным для апробации психоаналитических идей. И она стала первой пациенткой К.Юнга, на которой он испытал эффективность идей, методики и техники психоаналитической терапии.

Что было - то было

В сохранившейся истории болезни Сабины Шпильрейн (заполненной почти полностью К.Юнгом) подробно и систематически изложены анамнез, симптомы и состояния пациентки. В данном случае, намеренно опуская все клинические подробности, все же необходимо упомянуть, что заболевание

ее, по-видимому, было связано как с наследственностью, так и с особенностями детской жизни (очень сложными сексуально окрашенными отношениями с «любимым с болью» отцом, который иногда занимался рукоприкладством, стычками с матерью, ранним неизменным интересом к сексуальным проблемам, постоянными занятиями сольным сексом, влюбленностью в дядю-врача, смертью любимой сестры, мыслями о смысле жизни и смерти, размышлениями о целесообразности и возможности самоубийства и т.д.).

Ее поведение в клинике не отличалось благонаправлением и включало в себя стычки с медперсоналом (обусловленные не только болезненным состоянием), несколько кокетливых демонстраций суицида и прочее.

О симптоматике, состоянии, умонастроении и ориентациях Сабины в это время свидетельствует ее завещание («Последняя воля») написанное ей собственноручно на немецком языке и приложенное к истории болезни.

«Последняя воля»

«После моей смерти я позволяю анатомировать только голову, если она будет не очень страшной. При секции не должно быть юноши. Из студентов могут смотреть только самые прилежные. Мой череп я посвящаю нашей гимназии. Его надо поместить в стеклянный ящик и украсить бессмертными цветами. На ящике напишите следующее: «И пусть при входе в гроб играет молодая жизнь, и равнодушная природа пусть сверкает вечным великолепием». Мой мозг я даю Вам. Только поместите его чистым в красивый сосуд, также украшенный и напишите на нем те же самые слова. Тело следует сжечь. Но при этом никто не должен присутствовать. Пепел разделите на три части. Одну положите в урну и пошлите домой. Вторую часть развейте по земле посреди нашего большого поля. Вырастите там дуб и напишите: «Я тоже была однажды человеком. Меня звали Сабина Шпильрейн». Что делать с третьей частью - скажет Вам брат». (2).

Психоанализ и трансфер

Первое применение психоанализа как метода психотерапии превзошло все ожидания К.Юнга. К 1 июня 1905 года курс клинического психоанализа в основном был успешно завершен, при четко выраженном терапевтическом эффекте. Но, наряду с ним, К.Юнг, естественно не обладавший в то время даже минимальным психоаналитическим опытом, умудрился получить и сверхплановый результат - пациентка влюбилась в своего женатого врача, который был старше ее на 10 лет и имел детей.

Сабина жаждала его любви и сына (задолго до потенциального зачатия нареченного ей Зигфридом), который, согласно ее романтическим мечтаниям ницшеанского толка, должен был воплотить в себе лучшие черты национальностей отца и матери.

В силу разных причин и обстоятельств в круговорот бурного, сложного и довольно длительного трансферного романа Сабины Шпильрейн и Карла Юнга были втянуты родственники, друзья и коллеги из нескольких европейских стран. Анонимки, разговоры, переписка, визиты, обвинения, контробвинения, оправдания, слухи...

В конце концов, все пришло к условно приемлемому уровню, и каждый пошел тропой собственной судьбы.

Но симпатии и профессиональные отношения, к счастью, сохранились, и некоторое время спустя Карл Юнг и Сабина Шпильрейн возобновили дружбу и переписку (1916-1919 гг.).

Психоаналитическое образование

После окончания курса клинического психоанализа Сабина Шпильрейн воплотила в жизнь свою детскую мечту, поступив на медицинский факультет Цюрихского университета.

Во время учебы (1905-1909) она фактически специализировалась по психотерапии, психоанализу и педологии. Все больше увлекаясь психоаналитическими идеями, Сабина с удовольствием работала над темами, предложенными Э.Блейлером и К.Юнгом, и под их непосредственным научным руководством.

Юнг - Шпильрейн - Фрейд

Продолжая наблюдение Сабины, К.Юнг, как врач, обсуждал случай с пациенткой Сабиной Шпильрейн в переписке с З.Фрейдом (3). Как фигурант этой переписки, Сабина выступала поначалу в качестве анонимной больной, затем пациентки из России, и, наконец, обрела фамилию и даже прозвище – «малышка».

А в 1909 году она сама вступила в переписку с З.Фрейдом и тем самым усложнила и без того непростые отношения К.Юнга и З.Фрейда. Впоследствии это обстоятельство стало предметом различных спекуляций. И именно поэтому необходимо отметить, что, случайно оказавшись «между Фрейдом и Юнгом», «малышка» невольно доставила им определенные хлопоты, хотя в ряде ситуаций она вела себя приличнее и мудрее прославленных психологов.

Диссертация и ученая степень

По окончании университета Сабина Шпильрейн подготовила диссертацию «О психологическом содержании одного случая шизофрении» (научный руководитель К.-Г.Юнг), в которой предприняла, пожалуй, первую попытку использования психоаналитических идей при исследовании шизофрении. В общем, она сумела нащупать некоторую диалектику

психических процессов и зафиксировать отдельные психические компоненты шизофрении. Соображения ее о двойственной природе сексуального влечения, замене внешнего мира внутренним, об отказе от настоящего и уходе в прошлое, о сопряженности элементов сновидений, психозов и мифов, а также мысль об обращении в противоположность через отрицание привлекли некоторое внимание.

В мае 1911 года она была удостоена ученой степени доктора медицины и спустя некоторое время опубликовала статью по теме диссертационного исследования (в журнале редактировавшимся К.-Г.Юнгом).

Венское психоаналитическое общество

Вскоре после успешной защиты диссертации, наконец, состоялось столь долгожданное знакомство Сабины Шпильрейн с Зигмундом Фрейдом. Во время встречи в Вене выяснилось, что их заочные представления друг о друге были далеки от впечатлений, сложившихся при их непосредственном контакте. А 11 октября 1911 года «фрöляйн д - р Шпильрейн» в присутствии З.Фрейда и его коллег была принята в Венское психоаналитическое общество.

В письме к К.-Г.Юнгу от 12 октября 1911 года (т.е. на следующий день после приема С.Шпильрейн в Венское психоаналитическое общество) З.Фрейд отметил: «Она нашла, что я вовсе не такой злой, каким она себе меня представляла» (4). В свою очередь он нашел, что Сабина Шпильрейн «довольно мила».

Предубеждения рухнули, но не исчезли и наложили отпечаток на их личные и профессиональные отношения.

Любовь и деструкция

К моменту знакомства с З.Фрейдом, С.Шпильрейн фактически уже была профессиональным психоаналитиком, к тому же обладавшим немалым творческим потенциалом и специфическим жизненным опытом.

Она вполне справедливо считала, что у нее уже есть, что предложить психоаналитическому сообществу. И, конечно же, самым важным в ее собственном психоаналитическом багаже были идея и толкование деструкции.

История появления идеи деструкции неразрывно связана с трагическими событиями личной жизни Сабины Шпильрейн. Это именно тот, по своему типичный и уж тем более уникальный случай, когда оригинальная концепция была выстрадана не столько в переносном, сколько в буквальном смысле слова и несла на себе отпечаток одной из идей автора о «развитии научного интереса из сексуального знания».

Первые определенные идеи будущей концепции деструктивности были сформулированы Сабинной Шпильрейн не позднее 1909 года, в результате ее горестных размышлений о «безумном жаре» любви к К.-Г.Юнгу.

В ее дневниковых записях основная идея будущей концепции была выражена следующим образом: «Демоническая сила, сущностью которой является разрушение (зло) - в то же время и есть творческая сила, потому что из разрушения двух индивидов появляется новый индивид. Это и есть сексуальное влечение, которое по своей природе есть влечение к разрушению, влечение индивида к уничтожению себя. По этой самой причине оно и должно преодолевать столь большое сопротивление в каждом человеке...» (5).

К размышлениям о природе сексуального влечения, его разрушительных и созидательных компонентах Сабина Шпильрейн обращалась многократно и обсуждала эти проблемы с К.Юнгом. И данное обстоятельство стало одним из источников ее различных тревожений.

В одной из дневниковых записей 1911 г. содержатся любопытные свидетельства, характеризующие состояние Сабины Шпильрейн, ее личность и атмосферу, в которой создавалась и развивалась концепция деструкции:

«Я очень опасаясь, что мой друг, который намеревался упомянуть мою идею в своей статье, опубликованной в июле, и признать мой приоритет, может просто присвоить идею, поскольку теперь он собирается говорить о ней, как о возникшей еще в январе. Может быть, это просто необоснованная недоверчивость с моей стороны? Я так хотела бы, чтобы дело оказалось именно в этом - ведь мое второе исследование должно быть посвящено ему, моему уважаемому учителю. Но как могу я уважать человека, который лгал мне, который украл мою идею, который оказался мне не другом, а мелочным корыстолюбивым соперником? Как могу я любить его? Ведь я люблю его, несмотря ни на что. Вся моя работа пронизана этой любовью. Я люблю его и одновременно ненавижу, потому что он мне не принадлежит. Было бы невыносимо оказаться в его глазах простофилей. Нет, я хочу быть благородной, гордой, всеми уважаемой! Я должна быть достойна его, и идея, которой я дала жизнь, должна появиться под моим именем».

Более того, в определенный момент времени она считала, что К.Юнг позаимствовал и присвоил себе ее идею, которую изложил в несколько трансформированной форме. Но подавила возмущение и великодушно простила его.

В 1911 году Сабина уже в общих чертах выработала определенное представление о проблеме деструкции и отчасти выразила его в диссертации. Однако масштаб и сложность проблемы естественно предполагали анализ ее в границах специальной работы, для подготовки которой было необходимо использовать разнообразные и обширные источники и соответствующий эмпирический материал.

Доклад

Сабина Шпильрейн активно включилась в работу Венского психоаналитического общества и уже 25 ноября 1911 года, на очередном заседании Общества, выступила с докладом «Деструкция как причина

становления», в котором развила отдельные идеи диссертации и, отчасти предвосхищая некоторые идеи З.Фрейда и его коллег, обозначила садистский компонент сексуального влечения как «деструктивный».

Можно по разному относиться к личности и творчеству Сабины Шпильрейн. Но при этом все-таки нельзя не признать, что в этот день она представила на суд психоаналитической элиты одну из оригинальных, содержательных и перспективных концепций, созданную в границах психоаналитической традиции и затрагивающую наиболее фундаментальные проблемы психоаналитической картины человека.

Основная идея доклада, по сути, была проста. По мнению автора, любое изменение (развитие) предполагает разрушение (и уничтожение) старого состояния, в силу чего имеет смысл обратить внимание на разрушительные компоненты человеческих влечений. Это тем более необходимо, поскольку проведенный «анализ сексуальных проблем» свидетельствует о неоднородности сексуального инстинкта и сопряженности его негативных компонентов с деструкцией и смертью.

Как утверждала С.Шпильрейн, сексуальный инстинкт (инстинкт размножения) состоит из двух антагонистических компонентов и в равной мере является инстинктом становления и разрушения. При этом отмечалось, что наиболее определенно отрицательные компоненты сексуальности проявляются у неврастеников и в принципе могут быть отчасти преодолены.

Представления С.Шпильрейн о деструкции и природе сексуальности не совпадали с существовавшей тогда психоаналитической трактовкой Эроса и его роли и, естественно, вызвали определенную полемику. Не обошлось и без негативных суждений об идее концепции, ее обоснованности и попыток самоутверждения за счет докладчика.

Присутствовавший на заседании З.Фрейд проявил определенную сдержанность. Спустя некоторое время в письме к К.Юнгу он выразил свое мнение о Сабине и ее концепции следующим образом: «Она очень талантлива; во всем, что она говорит, есть смысл; ее деструктивное влечение мне не очень нравится, потому что мне кажется, что оно личностно обусловлено. Она выглядит ненормально амбивалентной» (6).

Прав, прав был великий провидец, четко зафиксировавший и личностную обусловленность концепции, и амбивалентность Сабины. Но врачебная психотерапевтическая пристальность его, по-видимому, не позволила в то же самое время взглянуть и на собственно концептуальные горизонты, которые открывала перед ним и его коллегами недавняя пациентка и ученица К.-Г.Юнга.

Судя по всему, естественное волнение Сабины Шпильрейн и ее стремление привести побольше аргументов, подтверждающих идею или свидетельствующих в ее пользу, выступили в качестве дополнительных барьеров на пути постижения ее мысли, которые присутствующие не смогли преодолеть.

И, тем не менее, вскоре доработанный текст доклада С.Шпильрейн был оформлен ею в виде статьи «Деструкция как причина становления», которая увидела свет в 1912 году.

По иронии судьбы одна из первых статей начинающего психоаналитика Сабины Шпильрейн одновременно повлияла на начало и завершение впечатляющей психоаналитической «картины жизни» и сыграла особую роль в развитии психоаналитически ориентированных воззрений, истории психоанализа и личной жизни ряда деятелей первой психоаналитической когорты.

«Когда я занималась анализом сексуальных проблем меня особенно интересовал один вопрос: почему этот могущественный инстинкт, инстинкт продолжения рода, наряду с положительными эмоциями, которые можно ожидать априори, содержит отрицательные - такие как тревогу, отвращение, которые, собственно, должны быть впоследствии преодолены, чтобы можно было достичь положительного отношения к этой «деятельности» - такими словами начала Сабина Шпильрейн свою самую известную статью (7).

И далее, буквально на следующей странице, как нечто само собой разумеющееся, написала вроде бы проходную фразу, которая начиналась словами: «Из моего опыта аналитической работы с девушками...» (8). И это дает основания отметить и даже особенно подчеркнуть то, что обычно в силу разных причин даже не упоминается - концепция деструкции и статья о ней в значительной части основывались на результатах ее собственных эмпирических, клинических исследований.

В целом статья «Деструкция как причина становления» воспроизводила основные идеи ее доклада, которые подкреплялись избыточно многочисленными и разнообразными биологическими, психологическими, собственно психоаналитическими и прочими примерами, ссылками и т.д.

В общем, идея концепции деструктивности развивалась в системе психоаналитических координат и сопровождалась ссылками на мнения и работы почти всех лидеров психоанализа.

В сравнительно небольшой статье Сабина умудрилась 23 раза упомянуть имя З.Фрейда, 11 раз - К.Юнга, 9 раз - В.Штекеля, 6 раз - О.Ранка, 5 раз - Ф.Риклина, по 2 раза - Э.Блейлера и Л.Бинсвангера, 1 раз - О.Пфистера и т.д. При этом она активно использовала различные элементы философской традиции от Анаксагора до Эрнста Маха включительно. Но в известном смысле бесспорным лидером и этой традиции и всей статьи оказался Фридрих Ницше, имя которого в статье упомянуто 25 раз, к тому же на фоне многочисленных ссылок на героев его произведений.

И это отнюдь не случайно. Более того, было бы логично полагать, что увлечение Сабины некоторыми идеями философии Ф.Ницше также не способствовало восприятию ее работы психоаналитиками. (И это при том, что в действительности психоанализ обязан философии Ф.Ницше несравненно большим, нежели это обычно признается).

И все же, подобно mine замедленного действия, в свой час статья сработала и сыграла весьма существенную роль в развитии и определенном завершении создававшейся З.Фрейдом психоаналитической картины человека. Но для этого понадобились годы.

А тогда, в 1912 году, идеи Сабины Шпильрейн о деструкции и смерти, выступали как один из импульсов психоаналитического теоретизирования, поскольку аналогичные (но не тождественные идеи) разрабатывались одновременно несколькими психоаналитиками, в том числе З.Фрейдом, К.Юнгом, Э.Блейлером, О.Гроссом, В.Штекелем и др.

Пожалуй, одной из наиболее точных и оперативных профессиональных квалификаций идей и статьи Сабины Шпильрейн «Деструкция как причина становления» была дана Карлом-Густавом Юнгом в письме к С.Н.Шпильрейн:

«Мой дорогой друг, читая Вашу статью, я обнаружил в ней много перекличек с моим собственным трудом... Ваша статья будет опубликована в «Ежегоднике психоаналитических и психопатологических исследований» перед моей...

Таким образом, я не просто хочу сделать Вам комплимент. Эта необыкновенно умная статья содержит великолепные мысли, первенство которых я охотно признаю... Никто не должен думать, будто Вы заимствуете мои мысли. Оснований для этого нет... Возможно, я сам заимствую кое-что у Вас; верно, я ненароком впитал в себя частицу Вашей души, а Вы — моей. Все зависит от того, как с ней обходишься. Вы обошлись с ней превосходно...» (9).

Рецензия

Популяризации и закреплению идей Сабины Шпильрейн в психоаналитическом сообществе весьма способствовал благожелательный отклик на ее статью одного из ведущих психоаналитиков того времени доктора Пауля Федерна (10).

В довольно подробной рецензии на статью С.Н.Шпильрейн, опубликованной в 1913 году в «Международном журнале психоанализа» (*Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse*, 1913, pp. 89-93), П.Федерн справедливо отмечал, что ее статья затрагивает «совершенно разные области исследований» и отличается «оригинальностью подхода» и частым использованием «психоаналитического метода интерпретаций». Пожалуй, общим мотивом рецензии была мысль П.Федерна о том, что поскольку «эти проблемы в настоящее время пока недоступны разрешению, то нам не остаётся ничего иного как, не вступая в полемику относительно её гипотез быть благодарными Шпильрейн за кропотливую и необычайно интересную работу, в которой представлены взаимосвязи представлений смерти и возрождения, влечения к продолжению рода и желаний смерти, утверждения

Я и стремления затеряться в универсальном, а, прежде всего антагонизм индивидуума, обнаруживающийся в борьбе индивидуального и родового Я».

Не будем обманываться. За интеллигентной вязью изящных словес в рецензии отчетливо просматривались жесткие профессиональные квалификации, связанные преимущественно с тем, что «чаще всего автор исходит из своих догадок и чувств» и не предлагает хоть сколь-нибудь серьезного обоснования некоторых гипотез.

Правда и сам П.Федерн вообще никак не обосновал свое более чем спорное утверждение, согласно которому «Деструктивное влечение Шпильрейн идентично «влечению к самоотдаче» Клагеса».

Вместе с тем, он выделил и подчеркнул, что «Шпильрейн открыла важную закономерность, что для понимания сексуальных мыслей о смерти и желания смерти в качестве источника, удаленного от психической сферы, можно использовать ощущения, вызываемые биологическими процессами, сопровождающими сексуальные явления...»

Таким образом, наиболее существенные идеи Сабины Шпильрейн в течение одного года были представлены психоаналитическому сообществу, по меньшей мере, трижды: в ее докладе, статье и рецензии П.Федерна.

Само собой разумеется, что не обратить на них внимание и не запомнить было попросту невозможно. Тем более что неординарность самого факта публикации такой рецензии П.Федерна придавала концепции С.Н.Шпильрейн дополнительную значимость.

Психоаналитическое эхо

В 1920 году в книге «По ту сторону принципа удовольствия», преодолевая «собственное сопротивление», З.Фрейд сделал решительный и очень ответственный шаг - постулировав существование влечения смерти (влечения к смерти, разрушению, агрессии). Вполне определенно и даже категорично дистанцируясь от различных психоаналитически ориентированных идей о влечениях жизни и смерти, З.Фрейд подчеркнул особенности своей теоретической и методологической позиции: «Мы исходили из коренной противоположности между влечениями к жизни и смерти» (11).

Но в то же время, отдавая должное своим предшественникам и коллегам, он в специальной ссылке особо засвидетельствовал, что: «В одной богатой содержанием и мыслями работе, к сожалению не совсем понятной для меня, Сабина Шпильрейн предвосхитила значительную часть этих рассуждений. Она обозначает садистский компонент сексуального влечения как «деструктивное» влечение» (12).

Учитывая и важность, и деликатность проблемы приоритетов и влияний, опираясь на мнение З.Фрейда, позволительно полагать, что Сабина Шпильрейн и «предвосхитила» и в некоторой мере инициировала «значительную часть» психоаналитических рассуждений З.Фрейда об основных влечениях человека.

И то обстоятельство, что З.Фрейд выделил Сабину Шпильрейн как никого другого, свидетельствует о том, что он это понимал и ценил.

В определенной мере, в том числе и поэтому, в качестве основного вектора дальнейших исследований взаимовлияния идей Шпильрейн - Юнга - Фрейда весьма желательно принять не влияние К.Г.Юнга и З.Фрейда на С.Шпильрейн (поскольку оно более-менее исследовано и понятно), а влияние идей Сабины Шпильрейн на К.Г.Юнга и З.Фрейда и, следовательно, на эволюцию классического психоанализа, аналитической психологии и других психоаналитических и психоаналитически ориентированных направлений, течений, школ и учений.

Жизнь и труды

В судьбе Сабины Шпильрейн 1912 год сыграл значительную роль. Во время поездки в Россию зимой 1911-1912 года она с удовольствием читала доклады о психоанализе в Ростове - на - Дону и не без удивления узнала от некоторых своих слушателей последние новости о значительном распространении и развитии психоанализа в России.

Но, в конце концов, не психоанализом единым жив человек. И 1 июня 1912 года Сабина, утратившая значительную часть романтических иллюзий, вышла замуж за российского врача Шефтеля Павла (Файвела) Наумовича (Нотовича), брак с которым был зарегистрирован в синагоге Ростова-на-Дону.

17 декабря 1913 года, уже будучи в Берлине, она родила девочку - Ренату (Ирму Ренату).

Несмотря на изменение семейного положения и вытекающее из него известное усложнение жизни, С.Шпильрейн целиком отдавалась захватившему ее теоретическому и практическому психоанализу.

Она работала в различных немецких, швейцарских и австрийских центрах: психиатрической клинике у Э.Блейлера (Цюрих), психоневрологической клинике К.Бонхэфера (Берлин), занималась психоанализом у К.Юнга (Цюрих) и З.Фрейда (Вена), исследовала мифологию и теорию искусства (Мюнхен), работала врачом-педологом в лаборатории Э.Клапареда (Женева), преподавала в Институте Ж.-Ж.Руссо (Женева) и др. Изучала гармонию, контрапункт, композицию, иностранные языки... Осуществила психоаналитическое исследование «Песни о Нибелунгах» и сказок. Опубликовала серию статей в различных европейских журналах. Состояла членом Швейцарской психоаналитической ассоциации. Активно участвовала в работе съездов, конференций и конгрессов по педагогике, психологии, психиатрии и психоанализу.

А время и шло, и уходило. Вскоре после октябрьского переворота 1917 года дом, имущество и деньги ее отца были конфискованы и в силу этого материальное положение С.Шпильрейн существенно ухудшилось. Но она старалась не обращать на это внимание и, опираясь на финансовую поддержку З.Фрейда, как всегда много работала. Существенной частью ее

деятельности была психоаналитическая практика. Из многих пациентов и учеников ее впоследствии наиболее известным стал швейцарский психолог Жан Пиаже (1896-1980), чьим психоаналитиком она была в Женеве в 1921 году.

Значительным моментом психоаналитической деятельности Сабины стала опубликованная ею в «Международном журнале психоанализа» (1921 год) статья «Русская литература. Отчет об успехах психоанализа (1914-1919)», в которой она представила международной общественности 18 лидеров российского психоанализа, их идеи, работы и достижения.

Эксперимент

Во время преподавания в Институте Жан-Жака Руссо в Женеве (в зимнем семестре 1922/23 годов) С.Н.Шпильрейн провела письменный опрос студентов, общие результаты которого она интерпретировала как «прекрасное подтверждение» психоаналитического опыта «посредством других психологических методов».

Экспериментальное задание было сформулировано ею следующим образом: «Представьте себе, что у Вас появилась возможность задать три вопроса Богу, судьбе или еще чему-то, что выше нас. Причем Вы совершенно точно знаете, что сможете получить ответ на свой вопрос. Можно спрашивать обо всем, что хотите, как о постороннем, так и потустороннем. Можно задавать любые вопросы. Но постарайтесь ограничиться тремя вопросами, которые больше всего Вас волнуют».

Через неделю опрос был повторен, но при этом (в отличие от первой серии эксперимента, ориентированной на сознательно обдуманые вопросы) перед выполнением задания студенты должны были закрыть глаза, расслабиться в течение 1-3 минут и спонтанно сформулировать вопросы. После ответов на второе задание С.Н.Шпильрейн объяснила студентам цели и результаты эксперимента. Полученные ответы она классифицировала по рубрикам, названия которых, надо полагать, характеризуют не только ориентации студентов, но и самого экспериментатора: «Цель жизни, Этот мир или потусторонний мир? Жизнь после смерти, Мое будущее на этой земле, Война, Другие формы борьбы, Религия и мораль, Ограниченность времени и пространства, Абсолютные и относительные ценности, Я и другие».

По мнению С.Н.Шпильрейн «результаты эксперимента оказались интересными в нескольких отношениях». В частности, выяснилось, что «спонтанно придуманные вопросы после разминки с закрытыми глазами явно отличаются от сознательно обдуманных вопросов» большей эгоцентричностью, узко-личностной направленностью и «охватывают гораздо меньшее временное пространство» (13).

Перелом

В судьбе Сабины Шпильрейн 20 - е годы стали переломными. Она уже долго жила в Европе. Менялись страны, города, работы, люди... Были успехи и признание. Но она все чаще ощущала некую неудовлетворенность. З.Фрейд настоятельно рекомендовал ей работу в Берлине - одном из ведущих психоаналитических центров того времени, где активно функционировали психоаналитический институт и поликлиника. Но ее тянуло в Россию. Она, как и вся ее революционно настроенная семья, стремилась к личному участию в строительстве нового мира.

К этому прибавлялись и факторы личного порядка. В 1922 году в Ростове - на - Дону умерла ее мать. Братья Сабины - Ян и Исаак - после получения образования в Европе, в 20 - е годы уже трудились в Москве и звали ее к себе. В Ростове - на - Дону завершал учебу в университете ее младший брат Эмиль, а постаревший отец активно работал по ликвидации неграмотности населения.

После значительного перерыва, вызванного Первой Мировой войной, революцией и переворотом 1917 года и гражданской войной, в советской России постепенно консолидировались ряды сторонников психоаналитического учения З.Фрейда.

С учетом этих и других обстоятельств Сабина Шпильрейн решила вернуться на Родину, где предполагала использовать свой богатый психоаналитический опыт для созидания новой России.

В письме к ней от 9 февраля 1923 года З.Фрейд, проявлявший большую заинтересованность в распространении психоанализа в России, наконец, благословил ее возвращение и высказал мнение, что в Москве она сможет «заниматься серьезной работой вместе с Вульфом и Ермаковым» (14).

Так ненавязчиво, но однозначно, были определены ее место жительства, место работы и круг соратников. (15).

Москва, Москва...

В 1923 году Сабина Шпильрейн вернулась на родину. Муж ее жил в Ростове-на-Дону, где занимался врачебной практикой, а Сабина начала новую жизнь в Москве.

В это время российское психоаналитическое движение находилось на подъеме и, как многим казалось, (особенно из европейского далека) имело большие перспективы.

С 1922 года в Москве (под редакцией профессора И.Д.Ермакова) издавалась «Психологическая и психоаналитическая библиотека», в которой публиковались основные труды З.Фрейда и произведения некоторых его последователей. В 1923 году в результате очередной реорганизации (16) Детского дома-лаборатории (И.Д.Ермаков, В.Ф.Шмидт, О.Ю.Шмидт и др.) в Москве был создан Государственный психоаналитический институт и Детский дом-лаборатория «Международная солидарность» (ГПАИ, название

неоднократно менялось), директором которого был назначен И.Д.Ермаков (17).

В этом же году начало работу Русское психоаналитическое общество (РПСАО), основатели и лидеры которого (председатель И.Д.Ермаков, члены М.В.Вульф, Ю.В.Каннабих, О.Ю.Шмидт и др.) (18) активно сотрудничали с зарубежными и российскими психоаналитическими центрами (Петроград, Одесса, Харьков, Киев, Ростов, Казань и др.).

В публикациях увеличивающейся группы сторонников психоанализа и исследователей, интересовавшихся различными аспектами его, освещался и разрабатывался значительный круг психоаналитических проблем.

В трудах критиков психоанализа отмечались слабые стороны этого учения и излагались взгляды сторонников его академической и идеологической оппозиции.

А вал идеологических и политических чисток еще только набирал силу.

Анкета

В 1923 году трудоустройство в Москве уже предполагало заполнение соответствующих анкет. Одна из анкет, собственноручно заполненных Сабиной Шпильрейн, сохранилась и ныне находится в Государственном архиве Российской Федерации (19).

В Анкетном листке с грифами «РСФСР, Наркомпрос, Главнаука», отвечая на соответствующие вопросы, С.Шпильрейн определила себя как Сабину Николаевну Шпильрейн - Шефтель, родившуюся в Ростове - на - Дону, еврейку и мещанку. Сообщила, что: «отец служит в Ростове - на -Дону по Наркомпросу», «муж - врач в Ростове -на – Дону», «три брата научные работники (профессор физики, профессор психотехники)» и третий «работает по агрономии», «ребенок Рената 10 лет».

На вопрос об имущественном положении ответила коротко, ясно и зло: «Ни у кого ничего нет». В графе «Образование» отметила окончание «8 классов Екатерининской женской гимназии (Ростов - на - Дону) и медицинского факультета» Цюрихского университета. Сообщила, что «Работала все время по психотерапии (специальность психоанализ) и как врач-педолог».

В качестве основных мест работы Сабина указала, что с сентября 1923 года она работает врачом-педологом в городке имени 3 Интернационала, состоит научным сотрудником Государственного психоаналитического института и заведует секцией детской психологии в Первом московском государственном университете. Отметила, что никогда «не состояла» ни в каких политических партиях. Сообщила, что «была за границей с 1905 по 1923 г. Цель - научная работа». Любопытно, что в качестве отправной даты медицинской карьеры Сабина указала следующее: «С 1905 г. начала заниматься медициной». «Работала при Цюрихской психиатрической клинике (у профессора Блейлера) и по внутренней клинике (у профессора Айхгорста), когда точно не помню».

Особенно подчеркнула, что работала по темам, предложенным «профессором Блейлером или Юнгом». Касательно основных мест работы за рубежом Сабина указала следующее: «Помимо работы у себя работала в психиатрической клинике у профессора Блейлера, в психоневрологической клинике профессора Бонхэфера (Берлин), по психоанализу у доктора Юнга в Цюрихе и профессора Фрейда в Вене. В Мюнхене работала по мифологии и истории искусства, при Институте Руссо (Женева), как врач-педолог по психологии - в лаборатории (психологического института) профессора Клапареда (Женева). Разрабатывала материал по происхождению «Песни о Нибелунгах», занималась также немного сказками».

Сабина также отметила, что работает как «врач-воспитатель и врач-педолог», имеет «квалификацию 2 категории», опубликовала около 30 печатных трудов и участвовала в работе многих съездов и конференций по педагогике, психологии, психиатрии, медицине и психоанализу.

Наряду со стандартными вопросами и более-менее стандартными ответами на них, анкета Сабины Шпильрейн содержит беспрецедентные для документов такого рода две собственноручные приписки:

1) «В психоаналитическом институте считала бы необходимым лично наблюдать детей, чтобы беседы с руководительницами не сводились к чисто теоретическим рассуждениям и «платоническим» советам заочно» и

2) «Работаю с наслаждением, считая себя рожденной, «призванной» как бы для моей деятельности без которой не вижу в жизни никакого смысла» (20).

Работа

Несмотря на неустроенность жизни, (а может и благодаря ей), по приезду в Москву Сабина Шпильрейн с головой окунулась в работу.

Ее приход в Государственный психоаналитический институт совпал со сложным периодом становления этой организации и вызвал настороженное отношение со стороны ревнивых коллег, прекрасно понимавших, что по уровню профессиональной психоаналитической квалификации равных ей в институте нет. Именно поэтому ее и старались держать на дистанции.

Любопытный и показательный факт - в Списке штатных и сверхштатных сотрудников Государственного психоаналитического института и Детского дома-лаборатории «Международная солидарность» в первой половине 1924 года значился только один штатный научный сотрудник - Сабина Николаевна Шпильрейн (21).

В этом институте она вела амбулаторный прием, консультировала, читала спецкурс «Психоанализ подсознательного мышления», вела «семинарий по детскому психоанализу», принимала деятельное участие в «медицинских заседаниях сотрудников» института и работе Русского психоаналитического общества.

Согласно сохранившимся отчетам о работе Русского психоаналитического общества С.Н.Шпильрейн неоднократно выступала с

докладами на его заседаниях и принимала активное участие в обсуждении докладов своих коллег и дискуссиях. 15 ноября 1923 года она сделала доклад «Афазическое мышление и мышление детей», а 20 декабря 1923 года прочитала доклад «Из анализа ребенка» (22).

В первом квартале 1924г. С.Н.Шпильрейн читала курс лекций «Психоанализ детей» в Государственном психоаналитическом институте.

В первой половине 1924 года Сабина Шпильрейн работала также научным «сотрудником 1-го разряда по детской психологии» в Психологической секции Института научной философии (Москва), в котором в марте 1924 года дважды выступала на конференциях. 3 марта 1924 года она сделала доклад «Подсознательное мышление и законы поведения ребенка», а 16 марта выступила с докладом «Процессы за порогом сознания и поведение ребенка» (23).

Существенной частью её профессиональной деятельности в это время была практическая психоаналитическая педагогика. Спустя несколько лет после посещения СССР в 1929 году австрийский психоаналитик Вильгельм Райх в книге «Сексуальная революция» специально отметил, что: «...многие педагоги, особенно ориентированные на принципы психоанализа, — в частности, Вера Шмидт, Сабина Шпильрейн и т.д., — стремились добиться такого воспитания детей, которое формировало бы **положительное** отношение к сексуальности. Но эти попытки так и остались отдельными эпизодами, и половое воспитание детей в Советском Союзе в общем и целом по-прежнему ориентируется на негативное отношение к сексуальности» (24).

В этой связи можно лишь констатировать, что и ныне формирование положительного отношения к сексуальности, как большая и важная социально значимая проблема всё ещё даже не осознана в должной мере ни обществом, ни государством.

Во многом благодаря своим занятиям Сабина Шпильрейн постепенно адаптировалась к новой русской жизни и примерялась к большой и перспективной работе.

Но жизнь распорядилась по - своему и подкосила ее на взлете творческой активности.

Рандеву с деструкцией

В 1924 году у мужа С.Шпильрейн - Павла Шефтеля - который вследствие длительного отсутствия жены сошелся в Ростове - на - Дону с другой женщиной, родилась дочь Нина (ныне живет в Санкт-Петербурге). В связи с серьезными семейными и другими обстоятельствами С.Шпильрейн оставила Москву и переехала в Ростов - на - Дону, где в это время кроме мужа жили отец и младший брат. Вскоре после переезда она вновь соединилась с мужем и попыталась наладить семейную жизнь.

А в Москве в это время уже начиналось идеологическое и административное наступление на психоанализ. Решением Совета народных комиссаров РСФСР от 14 августа 1925 года, за подписью Н.Семашко, был

ликвидирован Государственный психоаналитический институт (ГПАИ), и власти постепенно усиливали репрессивную политику. Ближайшие перспективы психоанализа в СССР вырисовывались уже вполне определенно.

Жизнь и работа Сабины Шпильрейн в Ростове - на - Дону (1924-1942) пока являются наименее известным периодом ее жизни, представления о котором основываются главным образом лишь на нескольких установленных фактах и немногочисленных (к тому же далеко не всегда достоверных) свидетельствах очевидцев.

По-видимому, как бы продолжая московскую традицию, она некоторое время одновременно трудилась на разных работах. Одной из них была работа врача в поликлинике, где она фактически выступала в роли психотерапевта, психоаналитика и педолога.

18 июня 1926 года С.Шпильрейн родила вторую дочь - Еву и некоторое время занималась преимущественно ею. А затем, как всегда, все более отдавалась любимой работе, хотя возможностей для этого становилось все меньше.

27 июля 1930 года было принято официальное постановление о ликвидации Русского психоаналитического общества. Но Сабина Шпильрейн все же продолжала аналитическую работу, и в 1931 году один из ведущих психоаналитических журналов – «Имаго» - опубликовал ее статью о детских рисунках, выполненных с открытыми и закрытыми глазами. Это была ее последняя публикация в европейских научных журналах.

Она по-прежнему много работала и лишь изредка позволяла себе кратковременные поездки в Москву.

Во время одной из таких поездок в начале 30 - х годов, находясь в гостях у брата-психолога, Сабина говорила ему в присутствии своей племянницы Менихи (25), что если бы ей в свое время разрешили, то она, безусловно, смогла бы вылечить Ленина. Разговор происходил тогда, когда вечно живой вождь мирового пролетариата, давно был мертв и лежал в мавзолее. Учитывая природу и характер болезни Ленина, было бы наивно полагать, что Сабина смогла бы его вылечить. Но сам факт разговора, его содержание и направленность любопытны, поскольку они свидетельствуют о ее уверенности в собственных профессиональных возможностях и умонастроении.

А жизнь шла своим чередом. И по мере развития событий в стране деятельность Сабины Шпильрейн как психоаналитика и педолога (к тому же бывшего за границей) все более отчетливо обретала жизнеопасные и даже самоубийственные черты. Занятия такого рода уже фактически приравнивались к особо опасным государственным преступлениям, со всеми отсюда вытекающими последствиями.

В 1932 году был ликвидирован журнал «Педология». Постоянно усиливающееся давление на педологию завершилось в 1936 году ее погромом и репрессиями, начало которым было положено Постановлением ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов».

И без того далеко не радостное положение и настроение С.Шпильрейн ухудшалось с каждым годом.

Танатос

Вторая половина 30 - х годов превратилась в кошмар. Семью Шпильрейн затягивало в мясорубку сталинских репрессий и судьба методично, безжалостно и с какой-то садистской настойчивостью наносила ей удар за ударом.

В 1935 году НКВД арестовало ее брата профессора Исаака Шпильрейна (26). В 1937 году от разрыва сердца скончался муж. В 1937 году еще два брата Сабины - член-корреспондент Академии наук СССР Ян Шпильрейн (27) и доцент Эмиль Шпильрайн (28) - были арестованы один за другим и вслед за Исааком сгинули в ГУЛАГе. Подрубленный под корень, 17 августа 1938 года умер отец.

А Сабина каким-то чудом уцелела. И сохранила дочерей. Девочки получали достойное образование и усиленно занимались музыкой.

Начало Второй мировой войны принесло новые тревоги и известие о смерти З.Фрейда.

Летом 1941 года, после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, Рената, учившаяся в Москве музыке, приехала на каникулы в Ростов - на - Дону и осталась с матерью.

Фронт стремительно приближался к городу и жители его уже немало знали о чудовищных зверствах нацистов. По злой иронии судьбы именно Сабина Шпильрейн, автор психоаналитической концепции деструкции и садистских компонентах влечений, верила в это менее других.

По складу ума и характера она всегда была «не от мира сего». И не изменила себе и на этот раз. На одну чашу весов жизненно важного решения легли коммунистические реквизиции и сталинские репрессии, на другую - ее личный девятнадцатилетний опыт европейской жизни. Она вспоминала Германию периода своей бурной молодости и не могла поверить, что столь культурный народ как немцы, способен на такие массовые злодеяния. У нее были возможности покинуть город, но она решила остаться.

Стратегически важный полумиллионный город готовился к обороне. Но уже 19 ноября 1941 года гитлеровцы вышли к окраине города, а 21 ноября оккупировали его. Ростов - на - Дону был одним из немногих городов России, которым за одну войну довелось пережить две оккупации.

Первую оккупацию с 21 ноября по 29 ноября 1941 года Сабина Шпильрейн и ее дочери пережили, по-видимому, в первую очередь в виду скоротечности ее, хотя и в эти дни гитлеровцы уничтожили немало ни в чем не повинных мирных жителей.

До лета 1942 года, пока части Красной Армии удерживали город, он подвергался ожесточенным налетам фашистской авиации. Вместе с другими жителями Ростова - на - Дону, С.Шпильрейн и ее дочери жили фактически в

прифронтовой полосе и атмосфере постоянных бомбежек. Они пережили их все, в том числе и страшные налеты 18, 19 и 20 июля 1942 года.

А 24 июля 1942 года нацисты вторично оккупировали город и сразу же начали массовое конвейерное уничтожение мирных жителей.

Общее руководство массовым истреблением гражданских лиц и советских военнопленных в данном регионе (и многих других) осуществлял военный преступник, бывший прокурор Гамбурга, начальник зйнцагруппы «Д» генерал СС Вальтер Биркамп. Непосредственными организаторами массовых казней были военные преступники начальник зондеркоманды СС 10-а оберштурмбанфюрер СС (подполковник) Курт Кристман, оберштурмфюрер доктор Генрих Герц и др. (29).

По поводу гибели Сабины Шпильрейн существует несколько версий. Наиболее достоверной из них пока представляется следующая. В последний раз ее видели в августе 1942 года в колонне евреев, предназначенных к уничтожению, которую нацисты гнали в направлении Змиевской балки - огромных оврагов на окраине города, в которых осуществлялись массовые казни мирных жителей. Плохо одетая, смертельно уставшая и сосредоточенная только на ей ведомых мыслях, Сабина Шпильрейн брела в этой колонне вместе с дочерьми.

Последний приют она и ее дочери обрели на дне залитой кровью и заваленной многими тысячами трупов Змиевской балки (30).

Так сошлась страшная симметрия судьбы семьи Шпильрейн: троих безвинных расстреляли коммунисты, троих безвинных - национал-социалисты.

Жизнь после смерти

Посмертная судьба Сабины Шпильрейн также неординарна как ее жизнь.

На протяжении длительного времени Сабина Шпильрейн была как бы лишь одной из постраничных сносок в книге З.Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия». Она была забыта настолько, что за ряд десятилетий лишь несколько авторов упомянули ее фамилию, при этом зачастую даже не подозревая, что она была женщиной.

Из относительного исторического небытия Сабина стала возвращаться после публикации В.Мак-Гиром в 1974 году избранной переписки З.Фрейда и К.Юнга.

Интерес к жизни и творчеству С.Шпильрейн существенно (и даже скандально) усилился после публикации в 1980 году книги итальянского психоаналитика юнгианской ориентации Альдо Каротенуто «Секретная симметрия. Сабина Шпильрейн между Фрейдом и Юнгом» (в которой он широко использовал обнаруженные в 1977 году в Женеве дневник С.Шпильрейн (с 1909 по 1912 год) и ее переписку с К.Юнгом и З.Фрейдом) и статьи известного психоаналитика Бруно Беттельгейма «Скандал в психоаналитическом семействе» (1983 год).

С конца 80 - х - начала 90 - х годов статьи и книги о жизни и творчестве Сабины Шпильрейн активно публикуются в разных странах Европы и Америке (М.Люнгрен, Дж.Керр, М.Сифали, В.И.Овчаренко, А. Ван Ванинг, Ц.Лотан, Б.Миндер, Р.Хёфер, А.М.Эткинд, Е.Шепелер и др.).

Сабина Шпильрейн стала героиней нескольких литературных произведений, сценических постановок, документальных и художественных фильмов, ряда международных научных конференций, проходивших, преимущественно, в Ростове-на-Дону и за рубежом.

Одной из последних конференций такого рода стала организованная Британским психоаналитическим обществом научная конференция «Сабина Шпильрейн: ее жизнь, работа и влияние на Юнга и Фрейда», проходившая 7 февраля 2004 года при участии Анны-Марии Сандлер, Элизабет Мартон, Колин Ковингтон и др.

Определенный общественный резонанс вызвала премьера спектакля «Излечение словом» («The Talking Cure») по пьесе известного английского драматурга и режиссера Кристофера Хэмптона состоявшаяся в конце декабря 2002 года на подмостках малой сцены Лондонского королевского национального театра. В спектакле были показаны сложные взаимоотношения К.Юнга, С.Шпильрейн и З.Фрейда в период с 1905 по 1914 гг. Роль Сабины Шпильрейн сыграла популярная актриса Джоди Мэй, а Карла Юнга известный актер Ральф Файнс.

Значительное внимание общественности привлекли книга и художественный фильм (2002 года) именитого итальянского режиссера Роберто Фаензы, известный в российском кинопрокате под названием «Сабина» (в других странах под названиями: «Prendimi l'anima» и «The Soul Keeper»).

В фильме изображены некоторые моменты взаимоотношений С.Шпильрейн и К.Юнга.

Роль Сабины Шпильрейн сыграла актриса Эмилия Фокс, а Карла Юнга Ян Глен.

В июне 2003 года на кинофестивале «Кинотавр» постановочно-документальному фильму (совместного производства Швеции, Швейцарии, Дании и Финляндии) режиссера Элизабет Мартон «Меня звали Сабина Шпильрейн» был присужден приз ФИПРЕССИ (Приз международной кинопрессы) «За чуткое отношение к личности и истории».

20 октября 2002 года, благодаря усилиям группы энтузиастов (ректора Южно-Российского гуманитарного института Виктора Олеговича Пигулевского, Владислава Викторовича Ермака и других членов Психоаналитического клуба Южно-Российского гуманитарного института) в Ростове-на-Дону на доме, где проживала С.Н.Шпильрейн (ныне ул. Пушкинская, 83) была установлена и торжественно открыта гранитная мемориальная доска Сабины Шпильрейн.

МЭР
города Ростова-на-Дону

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

16.10.2002

№ 2163

О наименованиях улиц, установке мемориальных досок

На основании решений городской межведомственной комиссии по наименованиям улиц, площадей и других общественно-значимых мест (протокол № 45 от 25.09.02г.),

ПОСТАНОВЛЯЮ:

1. Установить мемориальные доски:

1.1. Сабине Шпильрейн на доме № 83 по улице Пушкинской со следующим текстом: «В этом доме жила знаменитая ученица К.Г.Юнга и З.Фрейда, психоаналитик Сабина Шпильрейн. 1885-1942гг.»...

1.3. принять к сведению, что:

1.3.1. расходы по изготовлению и установке мемориальной доски Сабине Шпильрейн берет на себя Южно-Российский Гуманитарный Институт...

1.3.3. мемориальные доски Сабине Шпильрейн и Г.Б.Марголину принимает на баланс РРО ВООПИиК (А.О.Кожин)...

3. Контроль за выполнением настоящего постановления возложить на заместителя главы Администрации города Ростова-на-Дону В.В.Леденеву.

МЭР города

М.А.Чернышев

*(Фрагмент Постановления мэра Ростова-на-Дону М.А.Чернышева
об установке мемориальной доски Сабине Шпильрейн)*

Существенно важным событием в воскрешении памяти о Сабине Шпильрейн, ее коллегам и их времени стало создание в Ростове-на-Дону Мемориального музея Сабины Шпильрейн (2004 год; Людмила Федоровна Бугаёва, Виктор Иванович Николаев и др.).

По инициативе Александра Александровича Фомина (Беста) 19 апреля 2003 года, в соответствии с одним из мотивов девичьего завещания С.Н.Шпильрейн, на месте ее гибели был посажен мемориальный дуб Сабины, напоминающий о ней, о жизни, судьбе и смерти.

На мемориальной табличке у дуба воспроизведены слова Сабины из ее раннего завещания: «Я тоже была однажды человеком. Меня звали Сабина Шпильрейн».

Архив Сабины Шпильрейн

Готовясь к возвращению в Советскую Россию, Сабина Шпильрейн оставила на сохранение свой приватный архив выдающемуся швейцарскому психологу Эдуарду Клапареду – основателю и директору женевского Института Жан-Жака Руссо.

Не располагая соответствующими документами, можно лишь гадать о том, что побудило ее к этому неординарному поступку. То ли она полагала, что заберет свое имущество в ближайшее время при более благоприятных обстоятельствах (что, пожалуй, наиболее вероятно), то ли, наоборот, предполагала, что никогда не вернется в Европу.

Во всяком случае, Э.Клапаред сохранил архив Сабины Шпильрейн. Однако, спустя некоторое время после смерти Клапареда в 1940 году, эти материалы, находившиеся в сундуке, каким-то образом оказались в подвале Института Жан-Жака Руссо, где пролежали забытыми несколько десятилетий.

Во время ремонта здания института Жан-Жака Руссо этот сундук был обнаружен строителями, которые, ознакомившись с некоторыми документами, сообщили о их существовании психоаналитикам.

Предположительно, архив Сабины Шпильрейн (иногда называемый «Архивом Клапареда») состоит из: неопубликованных статей, обширной переписки, дневников и некоторого количества фотографий). Документы архива написаны на русском и немецком языках. По имеющимся сведениям, каталог архива до настоящего времени не составлен.

Формально архив Сабины Шпильрейн (являющийся ее собственностью, а, следовательно, собственностью ее наследников и России) ныне обладает неким странным промежуточным статусом. С одной стороны его вроде бы считает своей собственностью Институт Жан-Жака Руссо (Женева), с другой – его вроде бы считает своей собственностью госпожа Элен де Мерсье, которая хранит этот архив у себя дома и распоряжается им по своему усмотрению.

На протяжении нескольких лет племянники Сабины Николаевны (Мениха Исааковна Шпильрейн и Эвальд Эмильевич Шпильрайн) вели оживленную переписку с руководством института Жан-Жака Руссо и госпожой де Мерсье о передаче этого архива России или открытии его для научных работников всех стран (31). Однако эти усилия, равно как и попытки В.И.Овчаренко, не увенчались успехом (32).

Более того, во время встречи в Швейцарии с госпожой де Мерсье видного российского ученого Эвальда Эмильевича Шпильрайна она не сочла возможным даже просто показать ему архив и ограничилась лишь демонстрацией некой части его. И это при том, что некоторые европейские и американские научные работники, кинематографисты и журналисты все же не только каким-то образом получают доступ к архиву Сабины Шпильрейн, но и публикуют те или иные его материалы.

Дальнейшая судьба архива Сабины Шпильрейн покрыта флёром бюрократических игр. Но хотелось бы надеяться, что они не будут продолжаться бесконечно долго и в конце-концов все материалы этого архива станут доступны всем исследователям.

Психоаналитическое наследие

Выявленное ныне творческое наследие Сабины Шпильрейн состоит из ее дневников, корреспонденции (переписка с К.Юнгом, З.Фрейдом и др.) и 35 статей, опубликованных с 1911 по 1931 год включительно.

Хронологически список ее публикаций (появлявшихся преимущественно на немецком языке в различных психоаналитических журналах) может быть представлен следующим образом:

в 1911 г. - 1 работа: (модифицированный текст диссертации) под названием «О психологическом содержании одного случая шизофрении (Dementia praecox)-старческого маразма» [Über den psychologischen Inhalt eines Falles von Schizophrenie Dementia / Jb. für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. 1911. III. S. 329-400],

в 1912 г. - 3 статьи: «Деструкция как причина становления» [Die Destruktion als Ursache des Werdens // Jb. für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. 1912. IV. S. 465-503], «Дополнения к знанию детской души» [Beiträge zur Kenntnis der kindlichen Seele // Zentr.-Bl. für Psychoanalyse und Psychotherapie. 1912. II. S. 57-72], «О трансформации» [Über Transformation / Voordracht Internationale Psychoanalytische Vereniging Wenen) // Zentr.-Bl. für Psychoanalyse und Psychotherapie. 1912. II. S. 478],

в 1913 г. - 5 статей: «Материнская любовь» [Mutterliebe // Imago. 1913. II. S. 523-524], «Самоудовлетворение в символическом стопе» [Selbstbefriedigung in Fussymbolik // Zentr.-Bl. für Psychoanalyse und Psychotherapie. 1913. III. S. 263], «Сон о «Патере Фрейденрейхе» [Traum von "Pater Freudreich" // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1913. I. S. 484-486], «Бессознательные мечтания в «Поединке» Куприна» [Das unbewusste Traumen in Kuprins "Zweikampf" // Imago. 1913. II. S. 524-525], «Свекровь» [Die Schwiegermutter // Imago. 1913. II. S. 589-592],

в 1914 г. - 3 статьи: «Забытое имя» [Die vergessene Name // Internationale Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1914. II. S. 383-384], «Символика животных и фобия у мальчика» [Tiersymbolik und Phobie bei einem Knaben // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1914. II. S. 375-377], «Два менструальных сна» [Zwei Mensestraume // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1914. II. S. 32-34],

в 1915 г. - 1 статья: «Бессознательный приговор судьбы» [Ein unbewusster Richterspruch // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1915. III.S.350],

в 1916 г. - 1 статья: «Проявления Эдипова комплекса в детском возрасте» [Die Ausserungen des Odipuskomplexes im Kindesalter // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1916. IV. S. 44-48],

в 1920 г. - 6 статей: «Чувство стыда у детей» [Das Schamgefühl bei Kindern // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1920. VI. S. 157-158], «К вопросу о возникновении и развитии звуковой речи» [Zur Frage der Entstehung und Entwicklung der Lautsprache // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1920. VI. S.401], «Слабая женщина» [Das schwache Weib // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1920. IV. S. 158], «Вытесненная оральная эротика» [Verdrangte Munderotic // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1920. VI. S. 361-362], «Ренаточкина теория возникновения людей» [Renatchens Menschenentstehungstheorie // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1920. VI. S. 155-157], «О труднозамечаемых числах и задачах на вычисление» (рецензия на статью И.Шпильрейна) [...?],

в 1921 г. - 2 статьи: «Быстрый анализ детской фобии» [Schnellanalyse einer kindlichen Phobie // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1921. VII. S. 473-474], «Русская литература. Сообщение об успехах психоанализа 1914-1919гг.» [Russische Literatur, Bericht über die Fortschritte der Psychoanalyse 1914-1919 // Leipzig; Wien; Zurich, 1921],

в 1922 г. - 4 статьи: «Швейцария» [Schweiz // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1922.VIII. S. 234-235], «Кто автор преступления?» [...?], «Сон о почтовых марках» [Briefmarkentraum // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1922. VIII. S. 342-343], «Возникновение у детей слов «папа» и «мама» [Die Entstehung der kindlichen Worte Papa und Mama // Imago. 1922. VIII. S. 345-367],

в 1923 г. - 7 статей: «Сон и видение падающих звезд» [Reve et vision des etoiles filantes // Intern. J. of Psychoanalysis. 1923. IU. P. 129-132], «Три вопроса» [Die drei Fragen // Imago. 1923. IX. S. 260-263], «Автомобиль: символ мужской потенции» [L'automobile symbole de la puissance male // Intern. J. of Psychoanalysis. 1923. IV. P. 128], «Тип зрителя» [Ein Zuschauertypus // Intern. Ztschr. für Artzliche Psychoanalyse. 1923. IX. S. 210-211], «Несколько аналогий между мышлением ребенка, афазика и подсознательным мышлением» [Quelques analogies entre la pensee de l'enfant, celle de l'aphasique et la pensee subconsciente // Arch. de psychologie. 1923. XVIII. P. 305-322], «Несколько сообщений из жизни детей» [Einege kleine Mitteilungen aus dem Kinderleben // Ztschr. für Psychoanalytische Padagogik. 1923. II. S. 95-99], «Время в бессознательной душевной жизни» [Die Zeit im unterschwelligem Seelenleben // Imago. 1923. IX. S. 300-317],

в 1929 г. - 1 статья: «Реферат по психоанализу. К докладу доктора Г.А.Скальковского» // Труды 1-го совещания психиатров и невропатологов Северо-Кавказского края. Ростов-на-Дону, 1929,

и в 1931 г. - 1 статья: «Рисунки детей при открытых и закрытых глазах» [Kinderzeichnungen bei offenen und geschlossenen Augen // Imago. 1931. XVI. S. 259-291].

После 1931 года работы Сабины Шпильрейн в западноевропейской и советской печати, по-видимому, не появлялись.

Между ее последней публикацией и смертью - временной интервал в 11 лет. Учитывая ее тяготение и привычку к письменному выражению своих

состояний и идей, было бы логично полагать, что в течение этих трудных лет она что-то фиксировала на бумаге. Но что? И уцелело ли хоть что-нибудь? Никаких достоверных сведений об этом пока не обнаружено.

Но поиски продолжаются...

И недавняя находка, относящаяся к началу XX века, переписки членов семьи Сабины Николаевны Шпильрейн (33), еще раз подтверждает, что продолжение поисков непременно приведёт к плодотворным результатам.

Примечания

1. В сохранившихся документах того времени зафиксированы различные версии написания фамилии, имён и отчеств членов семьи Шпильрейн (Шпильрайн). Например: в метрической книге родившихся евреев Ростова за 25.10.1885 г. указана Сабина-дочь варшавского мещанина Нафталь Мошковича Шпильрейн и его жены Евы Марковны;

в «Алфавите» евреев Ростова указан Нафтулий Мовшович (возможно, точнее Мошкович или Машкович) Шпильрейн, поселившийся в Ростове в 1883 г.;

в метрической книге родившихся евреев Ростова за 14.06.1887 г. указан Ян-сын варшавского купца 1 гильдии Нафталь Машковича Шпильрейна и его жены Евы Марковны;

в метрической книге умерших евреев Ростова за 10.10.1901 г. указана Эмилия-дочь варшавского жителя Нафталева Шпильрейн (в других официальных и деловых документах он, преимущественно, именовался Николаем Аркадьевичем);

в метрической книге регистрации браков евреев Ростова за 1.06.1912 г. зарегистрирован брак Сабины Нафтальевны Шпильрейн и Файвела Нотовича Шефтеля.

(По материалам личного сообщения Е.В.Мовшовича В.И.Овчаренко 17 января 2004 г.).

2. Текст этого документа приведен швейцарским исследователем Бернардом Миндером в его диссертации «Сабина Шпильрейн пациентка К.Юнга в Бургхельцли» (1992).

3. The Freud - Jung Letters. W.McGuire, ed. London, Hogarth, 1974.

4. Фрейд З., Юнг К. Из переписки. // Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М., 1992, с. 429.

5. Цит по: Эткин А.М. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб., 1993, с. 181.

6. Там же, с. 183.

7. Шпильрейн С. Деструкция как причина становления. // Логос. Философско-литературный журнал. 1994, № 5, с. 207.

8. Там же, с. 208.

9. Carotenuto A. A Secret Symmetry. Sabina Spielrein between Freud and Jung. L., 1986, p. 206-208 и Лотан Цви. В защиту Сабины Шпильрейн / Вестник психоанализа, 2000, № 2.

10. **Федерн (Federn) Пауль (1872-1950)** – австро-американский психоаналитик. Доктор медицины. Один из первых учеников и последователей З.Фрейда. Видный деятель Международного психоаналитического движения. В 1903 г. первым из учеников З.Фрейда начал практиковать психоаналитическую терапию. В 1914 г. переехал в США, где на протяжении ряда лет представлял интересы З.Фрейда. Работал как практикующий психоаналитик, теоретик и пропагандист психоанализа. Осуществил теоретическое и практическое изучение психозов с позиций эгопсихологии. Исследовал нормальные и патологические формы нарциссизма. Подтвердил утверждение З.Фрейда о существовании

инстинкта смерти. Разрабатывал концепцию мортидо. Автор книг «Психология революции: общество без отца» (1919), «Нарциссизм в структуре Эго» (1927), «Эгопсихология и психозы» (1925) и др. работ по проблемам психоанализа и эгопсихологии.

Текст рецензии П.Федерна:

«Доктор Пауль Федерн

Рецензия на статью Сабины Шпильрейн «Деструкция как причина возрождения» (Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse, 1913, стр. 89-93)

Автор стремится доказать, что во вполне нормальной как мужской, так и женской сексуальности мы постоянно встречаемся с деструктивными компонентами, что «в соответствии с биологическими фактами, влечение к продолжению рода тоже состоит из двух антагонистических компонентов, а потому в такой же степени может считаться как влечением к возрождению, так и влечением к разрушению».

В отличие от влечения к самосохранению, простого влечения, состоящего только из позитивных качеств, «влечение к сохранению рода, стремящееся уничтожить то, что существовало прежде (а иначе как ещё может появиться что-то новое), состоит как из позитивных, так и из негативных компонентов; по самому своему существу влечение к сохранению рода отличается большой амбивалентностью. Потому и пробуждает активация позитивных компонентов в тот же миг проявление негативных компонентов, как и обратно.

Влечение к самосохранению является статическим влечением, поскольку оно защищает от чуждых ему влияний уже существующего индивидуума, а влечение к сохранению рода является динамическим влечением и стремится оно к изменениям, к возрождению индивидуума в новой форме. Невозможно добиться каких-либо изменений не уничтожая прежнего состояния» (стр. 490).

Здесь мы хотели бы заметить, что влечение к самосохранению наделено разрушительными компонентами в гораздо более прямой форме, чем это присуще влечению к сохранению рода, причём здесь обнаруживаются не только побуждения к защите, но и к агрессивным действиям. Да и вообще любое влечение по своей сути отличается динамичностью, стремясь изменить то, что существует.

Соппротивление на пути к навязываемым изменениям, изменениям, без стремления к которым просто немыслимо представить влечение, по праву можно назвать инертностью.

Если не учитывать рассмотренного нами нецелесообразного различия, делаемого Шпильрейн между динамическим и статическим влечением, существенное различие между влечениями к самосохранению и сохранению рода представлено правильно: применительно к индивидууму влечение к самосохранению всегда позитивно, а применительно к влечению к сохранению рода позитивно оно сохраняется только постольку, поскольку индивидуум черпает из сексуальности наслаждение и энергию, но негативно – когда индивидуум в результате сексуальных процессов уменьшает или разрушает способности к физической и психической деятельности, переставая испытывать эйфорию.

Автор убеждена, что эти два вида воздействий на индивидуума соответствуют двум амбивалентным компонентам сексуальности, так что Шпильрейн вполне может считать, что сексуальный инстинкт смерти, влечение к деструктивности противоположно влечению к возрождению. В психике этим влечениям соответствуют деструктивные желания и представления в отличии от желаний возрождения и представлений о возрождении.

Не всегда понятно, следует ли рассматривать эти психические проявления в качестве продуктов сублимации обоих компонентов сексуальности или только как что-то аналогичное сексуальности, а вводя в дискуссию противоположность между деструкцией и созиданием в широком смысле, Шпильрейн скорее оперирует названиями, чем процессом.

Как видите статья Шпильрейн затрагивает совершенно разные области исследований, потому нам здесь удастся рассмотреть только наиболее важное, причём я не касаюсь главы о жизни и смерти в мифологии, как относящейся явно к другой теме, отсылая заинтересовавшегося читателя непосредственно к оригинальной статье.

Автор исходит из следующей проблемы: «Почему это наиболее мощное влечение, стремление к продолжению рода, наряду с а priori ожидаемыми чувствами включает в себя негативные переживания, такие как страх и отвращение. Ведь последние эмоции должны быть устранены, чтобы добиться положительного исхода деятельности».

Вкратце Шпильрейн упоминает о существовавших ранее взглядах Фрейда, Блейлера, Юнга, Гросса и Штекеля. Ближе всего для Шпильрейн оказывается Юнг.

А завершает Шпильрейн словами: «Так же как влечение к продолжению рода наделено чувствами блаженства, защищающие чувства типа страха и отвращения не являются последствием ложной связи с пространственно рядом расположенными органами выделения, не негативом, означающим отказ заниматься сексуальной деятельностью, а чувствами, соответствующим деструктивным компонентам сексуального инстинкта» (стр. 467).

В качестве биологического фундамента этих компонентов Шпильрейн приводит быструю смерть после успешного оплодотворения, что как правило случается у низших организмов, так что творение для этих существ равнозначно гибели. «Если эта гибель находится на службе нового творения, тогда гибель сама по себе с нетерпением ожидается индивидуумом, несмотря на то, что гибель – это самое ужасное, что случается в жизни». Само собой понятно, что у более высоко организованных животных уничтожается не весь организм, а только половые клетки, содержащиеся в концентрированном виде всего производителя, хотя наиболее важные продукты индивидуумы уничтожаются. Да и сам половой акт является временным вхождением одного индивидуума в другой, растворением мужской части, в то время как женский индивидуум впадает в большое беспокойство, а в женском организме происходят резкие процессы деструкции и переструктурирования. Индивидуум по меньшей мере догадывается о подобного рода процессах переживанием соответствующих чувств.

Во второй главе, содержащей индивидуально-психологическое рассмотрение проблемы, сразу же место единого либидо занимают взаимоотношения между деструкцией и созиданием.

То, что любому новому психическому состоянию предшествует какой-либо способ устранения достигнутого прежде равновесия, в своё время удивительно ясно показал Отто Гросс, опиравшийся при этом на идеи Фрейда и Антона. Выводы, делаемые Шпильрейн, довольно часто напоминают идеи Гросса, разве что Гросс описывал явления, не прибегая к конструированию особых влечений к трансформации, деструкции и ассимиляции.

Но Шпильрейн было важно показать аналогию между психическими и сексуальными процессами, чтобы таким образом получить доказательства и примеры для проявления допускаемых ею амбивалентных компонентов влечений. Так как эти проблемы в настоящее время пока недоступны разрешению, то нам не остаётся ничего иного как не вступая в полемику относительно её гипотез быть благодарными Шпильрейн за кропотливую и необычайно интересную работу, в которой представлены взаимосвязи представлений смерти и возрождения, влечения к продолжению рода и желаний смерти, утверждения Я и стремления затеряться в универсальном, а прежде всего антагонизм индивидуума, обнаруживающийся в борьбе индивидуального и родового Я.

Стремлением индивидуума расширить своё индивидуальное Я до родового Я (влечение к трансформации) Шпильрейн объясняет удовлетворённость людей при вербальном общении, при создании художественных произведений, при узнавании ранее известного, при символической активности.

При шизофрении (*Dementia praecox*) мы видим успешно действующее деструктивное влечение, которое противодействует индивидуальному Я, в чём собственно повинна уменьшившаяся активность Я. Деструктивное влечение всё больше отщепляет для себя части Я, которые индивидуальным Я воспринимаются в качестве объектов, а в результате этого всё больше и больше теряется оккупирующей аффективной энергии и ощущений боли, так как переживания боли связаны с индивидуальным Я.

Несмотря на сопротивление со стороны индивидуального Я происходит отщепление комплекса, причём представления теряют свою былую дифференцированность, всё больше ассимилируясь с представлениями, которые сформированы целыми народами, то есть с типичными архаичными представлениями рода.

Шпильрейн вовсе не старается рассматривать отвод либидо и борьбу между отводом и оккупацией либидо в качестве патологических процессов при шизофрении, считая, что здесь происходит «борьба между двумя антагонистическими течениями двух видов психики: психики рода и психики Я». У человека мы встречаемся не только с принадлежащими родовому Я архаическими представлениями, но и с принадлежащими родовому Я побуждениями, совершенно независимыми от эмоциональных реакций индивидуума. Только прибегая к такой гипотезе Шпильрейн собственно и удаётся сделать понятным желание причинять себе вред, как и испытывание радости от боли и мучений.

При вербальном общении уничтожается оттенок индивидуальной уникальности, представления и мысли трансформируются в универсально понятные родовые символы, в слова. Таким образом речь наделяется внеличным смыслом, позволяя сделать доступным опыт рода. «Мы ощущаем существенное облегчение в разговоре, когда нам удаётся ценою Я-представлений сформировать родовое представление.

Да и художники испытывают радость от создаваемых ими продуктов сублимации, когда им удаётся создать типичное вместо индивидуального. Любое представление пытается отыскать для себя хотя и не полностью идентичный, но схожий материал, посредством которого оно может быть устранено, чтобы трансформироваться.

Этот схожий материал является тем самым материалом представлений, посредством которых другая персона способна воспринять наше представление. А возникающее понимание со стороны другого человека вызывает у нас чувство симпатии, которое ничего другого из себя не представляет, как только то, что человек хотел бы ещё больше поделиться с другим, пока вызванное расположение (особенно когда беседуешь с индивидами противоположного пола) не увеличится настолько, что желаешь отдать другому всего себя, всё своё Я. Такая самая опасная для Я фаза, характерная для влечения к продолжению рода (к трансформации), однако протекает на фоне испытываемого чувства блаженства, так как устранение индивидуальных черт происходит при встрече с подобным тебе любимым человеком (в любви)» (стр. 477). Мне пришлось столь подробно процитировать сведение симпатии к не сексуальным корням отчасти из-за оригинальности подхода Шпильрейн, а отчасти из-за того, что автор даже там, где сексуальной привлекательности невозможно отказать в силе, наряду с привлекательностью (а иногда и помимо неё) в качестве истинной причины приводит внутреннее влечение к деструкции. Деструктивными компонентами объясняется также садомазохизм и амбивалентность ненависти и любви.

Универсальной идеей, что только деструкция и приводит к возрождению, Шпильрейн объясняет содержание многих типичных фантазий о различных видах смерти, символизирующих половой акт, как и причины типичной детской теории о том, что старые люди после смерти вновь превращаются в маленьких детей, веру детей в возрождение и возвращение всего того, что было ранее.

Здесь Шпильрейн проводит интересный анализ символики творения у Ницше. В случае отсутствия активации творческих компонентов, при аскетизме, деструктивные компоненты часто проявляются в сублимированной форме, которые тем не менее всё-таки позволяют признать в них первоначальное наслаждение от деструкции.

Когда неудовлетворённое сексуальное влечение сводится к инцестуозному желанию, то влечение это часто принимает форму желания смерти, но не потому, что этим должен искупаться грех, а потому, что архаическое представление о матери отождествляется тут с землёй и таким образом смерть представляет собой страстно желаемое единение с матерью, погребение в ней, возвращение в человеческий род. «При этом в случае менее дифференцированной инцестуозной любви более сильно выраженному деструктивному желанию соответствует более сильное желание возрождения».

В норме трудно обратить внимание на деструктивное желание, так как оно вуалируется желанием возрождения. Но детям и излишне сильно предающимся своим эмоциям людям не так уж много надо, чтобы перевес у них взяли деструктивные представления. Обычно у невротиков преобладают деструктивные компоненты, во всех симптомах проявляется сопротивление по отношению к жизни и прежде всего к естественной жизни.

В рецензируемой статье автор часто использует психоаналитический метод интерпретаций, хотя отсутствует ориентация на открытые и уже доказанные психоаналитические закономерности. Чаще всего автор исходит из своих догадок и чувств. Так например автор отыскивает психобиологические параллели, уходя этим в область, недоступную психоаналитической критике. Но во многих местах новые закономерности кажутся вполне вероятными.

Так например Шпильрейн открыла важную закономерность, что для понимания сексуальных мыслей о смерти и желания смерти в качестве источника, удалённого от психической сферы, можно использовать ощущения, вызываемые биологическими процессами, сопровождающими сексуальные явления, поскольку они ощущаются не как подкрепление и увеличение жизненной силы, а как понижение витальности. Да и довольно большое сходство между первоначальными сексуальными и сублимированными желаниями показано верно. Но говорить о родовом Я (не смотря даже на то, что здесь мы в самом слове встречаем *Cotradictio*) как о психической инстанции, находящейся в борьбе с индивидуальным Я, это кажется мне слишком спорным.

Ничего не могу возразить против попытки обнаружить психические репрезентанты (представительство) деструктивных процессов, и тем более странно, что в статье мы встречаем совершенно необоснованную гипотезу о том, что в основе процессов деструкции и трансформации лежит особое влечение, что оно не является сопровождающим явлением или последствием процессов, провоцируемых сексуальными причинами, а само по себе двигает индивидуумом.

Также Шпильрейн не даёт никакого обоснования тому, что деструктивные процессы, которые мы считаем проявлением конфликта между влечением к самосохранению и сексуальным влечением (или полностью относящимся к самосохранению), необходимо приписывать в качестве составляющих компонентов только сексуальному влечению. Это связано с особым подходом Шпильрейн к проблеме страха.

Шпильрейн не долго думая считает, что и у мужчины сохранение рода удовлетворяется индивидуумом посредством сексуального влечения.

Опасность метода, который применяет Шпильрейн, заключается в том, что сложные, поздно возникнувшие психические структуры сводятся к наиболее отдалённым

предполагаемым причинам, при полном игнорировании само собой напрашивающихся причин.

Такой метод чаще всего оказывается полностью противоположным любого рода рациональным объяснениям и потому напоминает своим далеко заходящим, многозначительным ходом мысли (вероятно и сам автор об этом не догадывается) труды великих мистиков.

Если же игнорировать степень объективной истинности, тогда работа Шпильрейн кажется мне (благодаря тонкой интуиции на эмоциональные взаимосвязи, которой наделена автор) ещё и серьёзным материалом, пригодным для того, чтобы осуществить анализ мистического способа мышления, столь значимого для людей».

[Деструктивное влечение Шпильрейн идентично «влечению к самоотдаче» Клагеса.]. (Перевод Николаев В.И., Бугаёва Л.Ф.).

11. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М., 1992, с. 245.

12. Там же, с. 246.

13. Результаты эксперимента были опубликованы С.Н.Шпильрейн в статье «Три вопроса» (Die drei Fragen. // Imago, 1923, IX. S. 260-263). Русский перевод статьи см.: Доктор Сабина Шпильрейн (Женева). / Интернет-сайт Николаева В.И. <http://psychoanalyse.narod.ru>

14. Carotenuto A. A Secret Symmetry/ Sabina Spielrein between Freud and Jung. L., 1980, p. 86.

15. Вульф Моисей Владимирович (1878-1971) - российский психиатр и психоаналитик. Доктор медицины. Пионер и лидер психоанализа в России и Израиле. В 1908 г. прошел психоанализ у К.Абрахама, который рекомендовал его З.Фрейду как «человека активного и достойного доверия». Занимался теорией и практикой психоанализа, переводами психоаналитической литературы. Был одним из первых детских психоаналитиков. С 1912 г. - член Венского психоаналитического общества. В 1922 г. был одним из инициаторов организации и сооснователем Русского психоаналитического общества (РПСАО) и в 1924-1927 гг. его председателем. В 1923-1925 гг. работал научным сотрудником Государственного психоаналитического института (ГПАИ). В 1927 г. эмигрировал в Германию. В 1933 г. эмигрировал в Палестину (Израиль), где продолжил психоаналитическую работу.

Ермаков Иван Дмитриевич (псевдоним - Иверм; 1875-1942) - российский психиатр и психоаналитик. Один из лидеров российского психоаналитического движения. С 1913 г. активно пропагандировал психоанализ и фрейдизм. В 1921 г. организовал в Государственном психоневрологическом институте (Москва) кружок по изучению «психологии художественного творчества психоаналитическим методом». В 1923 г. организовал и возглавил (1923-1925) Государственный психоаналитический институт и Детский дом-лабораторию «Международная солидарность». В 1923 г. совместно с коллегами организовал Русское психоаналитическое общество и был его председателем (1923-1924). В 1941 г. был арестован по обвинению «в принадлежности к контрреволюционной организации и антисоветской агитации». Умер в июле 1942 г. в тюрьме г. Саратова. Реабилитирован посмертно (1959).

16. Шмидт Вера Федоровна (1889-1937) - российский педагог и психоаналитик. Ученый секретарь Русского психоаналитического общества (1927-1930). Жена О.Ю.Шмидта. В 1921-1925 гг. работала ответственной руководительницей в Детском доме-лаборатории «Международная солидарность» Государственного психоаналитического института (ГПАИ), где собирала материал о детских капризах, исследовала особенности психоаналитического подхода к детям дошкольного возраста и выполнила ряд работ по детскому психоанализу. В 1925-1929 гг. работала в Институте высшей нервной деятельности Коммунистической Академии (Москва). В 1930-1937 гг. была научным сотрудником Экспериментального дефектологического института (в дальнейшем - Научно-исследовательского института дефектологии Академии педагогических наук СССР).

Шмидт Отто Юльевич (1891-1956) - российский ученый, государственный и общественный деятель. Профессор (1920). Академик Академии наук УССР (1934) и Академии наук СССР (1935). Герой Советского Союза (1937). Вице-президент Академии наук СССР (1939-1942). В 1921 г. состоял членом психоаналитического кружка И.Д.Ермакова. Был одним из инициаторов создания Государственного психоаналитического института (ГПАИ) и его официальным куратором. В 1921-1924 гг. заведовал Госиздатом и организовал выпуск «Психологической и психоаналитической библиотеки», в которой были изданы почти все основные работы З.Фрейда и некоторые труды его последователей. В 1922 г. был одним из инициаторов организации, сооснователем и членом Президиума Русского психоаналитического общества (РПСАО). В дальнейшем руководил рядом экспедиций по изучению Арктики. Осуществил ряд исследований по математике, геофизике, географии, астрономии, космогонии и др.

17. Государственный психоаналитический институт (ГПАИ; название неоднократно менялось) - научно-исследовательское, образовательное, воспитательное и лечебное учреждение российских психоаналитиков, действовавшее в 1922-1925 гг. в г. Москве. Директор И.Д.Ермаков, научный секретарь А.Р.Лурия. Штатным расписанием (31.05.1922 г.) в Институте предусматривалось 30 сотрудников. В Институте осуществлялось изучение анальной эротики у детей, детских капризов, черт личности и творчества ребенка, проблем психоаналитического подхода к детям дошкольного возраста, вопросов поведения человека в состоянии гипноза и др. Амбулаторный прием пациентов и психоаналитическую терапию осуществляли Р.А.Авербух, М.В.Вульф, И.Д.Ермаков, Б.Д.Фридман, С.Н.Шпильрейн.

18. Русское психоаналитическое общество (РПСАО) - научное, образовательное и просветительское общество российских ученых, врачей, деятелей литературы и искусства, организованное и функционировавшее в 1922-1930 гг. в целях изучения, применения и развития психоанализа, повышения квалификации кадров и распространения научных знаний о психоанализе. Председатели Общества И.Д.Ермаков, М.В.Вульф, Ю.В.Каннабих. Правление Общества И.Д.Ермаков, О.Ю.Шмидт и др. Ученые секретари А.Р.Лурия, В.Ф.Шмидт.

Каннабих Юрий Владимирович (1872-1939) - российский психиатр, психотерапевт и психоаналитик. Доктор медицины (1914), профессор (1920). В 1910-1914 гг. принимал участие в издании и редактировании психоаналитически ориентированного журнала «Психотерапия. Обзорные вопросы психического лечения и прикладной психологии». В 1922 г. был одним из инициаторов организации и сооснователем Русского психоаналитического общества (РПСАО). С 1924 г. был членом бюро Общества, а в 1927-1930 гг. - его председателем.

19. ГАРФ, Фонд 2307, опись 23, ед. хранения 13, лл. 19-20.

20. Там же.

21. ГАРФ, Фонд 2307, опись 9, дело 222, л. 42 об.

22. Internationale Zeitschrift Psychoanalyse, 1924, X, p. 115.

23. ГАРФ, Фонд 4665, опись 1, дело 16, лл. 14-14 об.

До преобразования и переименования Психологическая секция Института научной философии была московским Психологическим институтом. Ныне – Психологический институт Российской академии образования.

В 1924г. в этой организации на должности «сотрудника 1-го разряда по психотехнике» работал брат С.Н.Шпильрейн – И.Н.Шпильрейн.

24. Райх В. Сексуальная революция. СПб.-М., 1997, с. 311.

Райх Вильгельм (1897-1957) – австро-американский врач, психолог и психоаналитик. Ученик и коллега З.Фрейда. Идеолог фрейдомарксизма. Основатель учения о сексуальной революции. Считал, что существующая система сексуальной репрессивности использует семью, политику и культуру в целях подавления сексуальности и свободы человека и тем самым формирует консервативный тип характера

людей, ориентированный на слепое подчинение и поддержку диктатуры. Создал учение о сексуальной революции как основе «подлинно человеческой революции», которая освобождает людей от подавленной сексуальности, раскрепощает их и тем самым создаёт предпосылки для настоящей, т.е. гуманитарно-ориентированной социальной революции.

Автор книг «Функции оргазма» (1927), «Анализ характера» (1929), «Генитальный и невротический характеры» (1929), «Сексуальная революция» (1936) и ряда других теоретических и практических работ.

25. Личное сообщение В.И.Овчаренко.

26. Шпильрейн Исаак Нафтулович (26 января 1891, Ростов-на-Дону – 26 декабря 1937, Москва) - российский психолог. Один из создателей и лидеров российской психотехники. Председатель Всесоюзного общества психотехников. Профессор.

Окончил гимназию в Ростове-на-Дону. Учился в Гейдельбергском и Лейпцигском университетах. Окончил философский факультет Лейпцигского университета (1912). В 1906-1909 гг. состоял в партии социалистов-революционеров (эсеров) из которой «механически выбыл» в связи с отъездом на учебу в Германию. С 1919 г. работал лектором народного университета в Тифлисе. С 1920 г. – член Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Был секретарем партгруппы. В 1922 г. приглашен на работу в Народный комиссариат труда РСФСР в качестве заведующего психотехнической лаборатории. Принимал активное участие в работе Международных конгрессов по психотехнике и научной организации труда: Прага (1924), Париж (1927), Утрехт (1928), Москва (1931), Прага (1934).

С 1932 г. работал начальником сектора организации труда в Институте труда военной промышленности. Проживал в Москве по адресу: ул. Маркса-Энгельса, д. 1, кв. 36. В январе 1935 г. был арестован и обвинен в «контрреволюционной пропаганде в написанной им и изданной книге «Язык красноармейца» и в рукописи «Массовая политическая литература и ее читатель».

Согласно письменному заключению директора Научно-исследовательского института психологии В.Колбановского, книга «Язык красноармейца» представляет собой «антисоветский вздор» и «ничего общего не имеет с научным исследованием». По рекомендации В.Колбановского книга «Язык красноармейца» должна быть изъята «из библиотек, так как находятся «умники», идущие по стопам Шпильрейна и его соратников». Находился в изоляторе Особого назначения Народного комиссариата внутренних дел СССР. По решению Особого совещания при Народном комиссаре Внутренних дел СССР от 20 марта 1935 г. «за контрреволюционную деятельность» заключен «в исправительный трудовой лагерь сроком на 5 лет». Отбывал срок в Карагандинских лагерях.

В 1937г. (во время заключения) был арестован и в июле-августе доставлен в Москву (Бутырскую тюрьму). Обвинен в том, «что является агентом германской разведки и вел шпионскую работу в пользу Германии». Обвинялся по 58 статье (пункты 6, 7, 8, 11). На заседании ОСО НКВД под председательством Ульриха «виновным себя не признал. Свои показания на предварительном следствии не подтвердил, так как они даны ложно». Приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован дважды в 1956г. (в связи с обращением жены Почтарева Р.И. к Генеральному прокурору СССР) и в 1957г.

27. Шпильрейн Ян Николаевич (14(26) июня 1887, Ростов-на-Дону – 21 января 1938, Коммунарка, Московская область) – российский физик. Доктор технических наук (1933). Член-корреспондент Академии наук СССР по Отделению математических и естественных наук (электротехника) с 1 февраля 1933. Редактировал теоретический раздел журнала «Электричество» и был редактором отдела электротехники «Технической энциклопедии». Автор фундаментального учебника «Курс векторного исчисления», опубликованного в СССР и за рубежом.

Работал, преимущественно, в научных и учебных учреждениях Москвы. Был деканом общего факультета Московского энергетического института. На момент ареста работал профессором Московского энергетического института. В партии не состоял. Проживал в Москве по адресу: ул. Спиридоньевская, д. 24, кв. 5. Был арестован 10 сентября 1937. Подписан к репрессии по первой категории (расстрел) в списке «Московская область» от 3 января 1938 на 41 человека (в котором значился под № 40), по представлению начальника 8-го отдела ГУГБ НКВД В.Е.Цесарского. Подписи: «За» Жданов, Молотов, Каганович, Ворошилов. Приговорен Военной Коллегией Верховного Суда СССР 21 января 1938 по обвинению в участии в «Демократической партии». Был расстрелян и похоронен на «Коммунарке» (Моск. обл.) 21 января 1938. Посмертно исключен из состава АН СССР постановлением № 5 Общего собрания от 29 апреля 1938. Реабилитирован 4 февраля 1956. Восстановлен в АН СССР решением Общего собрания академии от 5 марта 1957.

Точная дата и место гибели были установлены обществом «Мемориал».

28. Шпильрайн (Шпильрейн) Эмиль Николаевич (14 июля 1899, Ростов-на-Дону - 20 июня 1938, Ростов-на-Дону) - российский биолог и зоолог. Доцент (1936). Заведующий кафедрой биологии (с 1936). Декан биологического факультета Ростовского государственного университета (с 1936). Окончил Ростовское реальное училище (1916) и естественное отделение физико-математического факультета Донского государственного университета (1924). Проживал в Ростове-на-Дону: ул. Пушкинская, дом 97, кв. 3. Занимался экспериментальной биологией и был автором двух изобретений в этой области. Преподавал курсы общей биологии и эволюционного учения. 3 января 1937г. был освобожден от занимаемых должностей и уволен. Преподавал в Черкасском педагогическом институте. Перед арестом был исключен из ВКП(б) и уволен с работы. Арестован 5 ноября 1937г. Обвинялся по 58 статье, (пункты 10, 11) как участник «право-троцкистской террористической вредительско-диверсионной организации, которая ставила своей задачей применение индивидуального террора в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства и организацию диверсионных актов на промышленных предприятиях Ростовской области». На закрытом судебном заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР (Ростов-на-Дону, под председательством Матулевича) 20.06.1938 г. «виновным себя не признал и от своих показаний данных на предварительном следствии, отказался». Приговорен к расстрелу и в этот же день (20.06.1938) расстрелян. Реабилитирован посмертно.

29. См. Мовшович Е.В. Холокост в Ростовской области: уничтожение евреев на Нижнем Дону и в Восточном Приазовье // Донской временник. Краеведческий библиотечно-библиографический журнал, 2001, с. 81-85.

30. В газете ростовской еврейской религиозной общины «Шма», от 18 ноября – 22 декабря 2000г., №3 (24), с. 7 в статье доктора наук Е.В.Мовшовича «Известный психиатр Сабина Шпильрейн родилась в нашем городе» в качестве точной даты смерти Сабины Николаевны указано 11 августа 1942 г.

После личной встречи с Е.В.Мовшовичем и обсуждения этого вопроса полагаю, что 11 августа 1942г. можно считать наиболее вероятной датой гибели С.Н.Шпильрейн и ее дочерей.

В эту страшную ночь вместе с Сабиной Шпильрейн и ее дочерьми в Змиевской балке были расстреляны 15 тысяч евреев Ростова-на-Дону. В.О.

31. Шпильрейн Мениха Исааковна (1916-2000) - российский физиолог, биохимик и переводчик психоаналитической литературы. Перевела и опубликовала ряд трудов З.Фрейда, С.Н.Шпильрейн и др. Племянница С.Н.Шпильрейн, дочь психолога И.Н.Шпильрейна.

Шпильрайн Эвальд Эмильевич (р. 1926) – российский теплофизик и энергетик. Один из лидеров российской теплофизики. Профессор (с 1965). Член-корреспондент Российской Академии наук (1997). Директор отделения Института высоких температур

Российской Академии наук. Член редколлегий отечественных и международных журналов по теплофизике и энергетике. Автор более 300 научных работ, 12 монографий и учебников по термодинамике и теории растворов. Племянник С.Н.Шпильрейна, сын биолога Э.Н.Шпильрайна.

32. См. Письмо В.И.Овчаренко Пихое Р.Г. и Мироненко С.В. (ноябрь 1995 года) / Овчаренко В.И., Лейбин В.М. Антология российского психоанализа. М.: «Флинта», 1999, т. 2, с. 765.

33. **Личное сообщение А.Горшкова В.И.Овчаренко 23 января 2004г.:**

«Уважаемый Виктор Иванович! Простите великодушно за исчезновение но так складывались обстоятельства. Направляю вам краткое «протокольное» описание, хранимых мною конвертов с письмами и открыток.

Все письма (за исключением одной открытки) написаны Яном Шпильрейном и адресованы Вере Николаевне Соколовой (небольшая информация о ней в конце моего списка).

Примечание

Все письма и открытки имеют сквозную нумерацию получателя

эта нумерация сохранена в списке

Даты – согласно штемпелю либо надписи на конверте

Специальные обозначения:

И.К.- именной конверт Н.А.Шпильрейна

И.Б.- именной бланк для письма Н.А.Шпильрейна

Б/н – без номера

1904

18 писем

1. Отправлено 23 июня Ростов (И.К.)
Получено 24 июня Кисловодск
2. Отправлено 28 июня Ростов на Дону (И.К.)
Получено 29 июня Кисловодск
3. Отправлено 3 августа Ростов на Дону (И.К. И.Б.)
Получено 4 августа Кисловодск
4. Отправлено 10 августа Ростов на Дону (И.К. И.Б.)
Получено 11 августа Кисловодск
5. 18 августа Ростов на Дону (И.К. И.Б.)
19 августа Кисловодск
6. 21 августа Ростов на Дону (И.Б.)
Предположительно 22 августа Кисловодск
Письмо помещено в обычный конверт, видимо за ветхостью оригинального
7. 6 сентября Ростов на Дону (И.К. И.Б.)
9 сентября Санкт-Петербург

9. 24 сентября Ростов на Дону (И.К.)
27 сентября Санкт-Петербург
10. 30 сентября Ростов на Дону (И.К.)
3 октября Санкт-Петербург
11. 4 октября Ростов на Дону (И.К.)
7 октября Санкт-Петербург
12. 10 октября Ростов на Дону (И.К.)
13 октября Санкт-Петербург
13. 26 октября Ростов на Дону (И.К.)

- 30 октября Санкт-Петербург
14. 19 октября Ростов на Дону (И.К.)
22 октября Санкт-Петербург
Имеет надпись на конверте: Александру Борисовичу Каменка
хотя письмо обращено к В.Н.Соколовой
15. 8 ноября РнД (И.К.)
11 ноября С-Пб
16. 15 ноября РнД (И.К.)
18 ноября С-Пб
17. 22 ноября РнД (И.К.)
26 ноября С-Пб
18. 28(29) ноября (И.К.)
1 декабря С-Пб
19. 5 декабря РнД (И.К.)
8 декабря С-Пб

1905

30 писем и 2 открытки

20. 19 января РнД (И.К.)
22 января С-Пб
21. 7 февраля РнД (И.К.)
10 февраля С-Пб
23. 13 марта РнД (И.К.)
16 марта С-Пб
24. 27 февраля РнД
2 марта С-Пб
переложено в обычный конверт
25. 16 марта РнД (И.К.)
19 марта Красное Село
26. 17 марта РнД (И.К.)
20 марта Красное Село
27. 18 марта РнД (И.К.)
21 марта Красное Село
28. 20 марта РнД (И.К.)
23 марта Красное Село
29. 20 марта РнД (И.К.)
23 марта Красное Село
30. 21 марта РнД (И.К.)
24 марта Красное Село
31. 23 марта РнД (И.К.)
26 марта Красное Село
32. 23 марта РнД (И.К.)
26 марта Красное Село
33. 26 марта РнД (И.К.)
29 марта Красное Село
34. 28 марта РнД (И.К.)
31 марта Красное Село

36. 26 июня Вена
18 июня Кисловодск
37. 4 июля Цюрих

- 27 июня Кисловодск
написано на 3х простых открытках (без картинки)
38. 10 июля Цюрих
6 июля Кисловодск
39. 18 июля Цюрих
10 июля Кисловодск
40. 24 июля Цюрих
19 июля Кисловодск
41. 31 июля Амбулант
25 июля Кисловодск
42. 7 августа Вицнау (Vitznau)
30 июля Кисловодск
Письмо написано на бланке отеля
Wessen Kreuz Vitznau
- Б/н 13 августа Вицнау (Vitznau)
(?) Кисловодск
43. 16 августа Биберист (Biberist)
8 августа Кисловодск
- Б/н 19 августа Цюрих
(?) Кисловодск
44. 27 августа Интерлакен (Interlaken)
19 августа Железноводск
45. (26 сентября?) (Париж?)
16 сентября С-Пб
46. 2 октября Париж
23 сентября С-Пб
47. 14 октября Париж
30 сентября С-Пб
48. 20 октября Париж
10 октября С-Пб
49. (?) Париж
1 ноября С-Пб
50. (?) Париж
19 ноября С-Пб
51. 8 ноября Париж
28 ноября С-Пб

1906

3 письма и 3 открытки

- Б/н 29.3 Кельн
(?) Париж
Открытка
- Б/н Веггис (Weggis)
19 июня Эссенуки
Открытка
52. 4.9 Берлин
28 июня Эссенуки
53. 30 августа Веггис (Weggis)
23 августа Эссенуки
54. 21 октября Риги-Кульм (Rigi-Kulm)
28 августа РнД

Б/н 18 октября Париж
(?) Лондон

Б/н (?) РнД
(?) Анапа

1907

2 письма

55. 15 сентября Амбулант (Ambulant)

7 августа РнД

только конверт – без письма

56. 28 ноября Париж

18 ноября С-Пб

Одна открытка из Парижа в Ростов на Дону
Людмиле Ивановне Соколовой
Без дат и непонятно от кого

И немного о Вере Соколовой - все что мне известно на сегодняшний день
Родилась по видимому в Ростове на Дону
Училась в Ростовской Екатерининской женской гимназии
Адрес в Ростове: Дом № 32 по Большому проспекту (угол Пушкинской и Большого проспекта)
В конце 1904 года поступает на высшие женские курсы в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Васильевский остров 10 линия, №35)
Продолжает образование за границей (Париж Сорбонна)
В 20-е годы возвращается в Россию
Поселяется в Москве. Николопесковский переулок
Имеет 2х сестер Людмила и Люся
Людмила в 20е эмигрирует с мужем Борисом Шталем в Америку
Люся продолжает жить в Ростове с матерью (Людмила Ивановна Соколова)
Об отце почти ничего не известно. Предположительно Николай Михайлович Соколов – городской архитектор Ростова (это уже мои догадки)

И еще интересные факты:

Начиная с 1924 года – т.е. того времени, когда Сабина Шпильрейн переезжает из Москвы в Ростов Вера Николаевна и ее сестра живущая в Америке регулярно помогают Сабине. Вера устраивает каким то образом ее дела в Ростове – (Трудоустройство?)
А также передает Сабине деньги которые присылает сестра в посылках через Красный Крест либо просто в конверте по почте. По крайней мере в письмах Людмилы к Вере есть упоминание об этом.

Письма попали ко мне при разборке антресолей у моих знакомых в доме на ул. Федотовой на старом Арбате (бывш. Николопесковский переулок) В.Н.Соколова проживала здесь в коммунальной квартире в период с нач. 20-х по 60-е (до конца своей жизни).

Пишите, спрашивайте, может быть еще что нибудь всплывет.

А может быть заодно и мне поможете разузнать побольше о Соколовых.

С уважением Саша Горшков»

Пользуясь благоприятной возможностью, с удовольствием выражаю свою признательность за помощь в уточнении некоторых фактов и деталей Менихе Исааковне Шпильрейн, Виктору Ивановичу Николаеву, Евгению Вениаминовичу Мовшовичу, Эвальду Эмильевичу Шпильрайну и Цви Лотану. В.О.

**Эдипов комплекс советской цивилизации
или
матерные корни материализма**

М.Н.Эпштейн

1. «СТАРШИЙ БРАТ» В СВЕТЕ ПСИХОАНАЛИЗА

В своих трудах «Тотем и табу» (1912) и «Массовая психология и анализ человеческого «я»» (1921) Фрейд описывает модель социального потрясения, в основе которого лежит акт отцеубийства - убийство вождя его сыновьями в первобытной орде. «Дело устранения праотца братьями должно было оставить неизгладимые следы в истории человечества...», [1] - таков психоаналитический подтекст революций и последующих тоталитарных режимов. Отец налагает ограничения на вожделения сыновей, и вот они, сговорившись, убивают его. Наследником отца становится Старший Брат - это величание, знакомое нам по книге Оруэлла «1984», быть может, прямо восходит к терминологии Фрейда. В самом деле, свержение царя породило в народе, который столетиями оставался верен патриархальным устоям, чувство ликования-освобождения... И одновременно - глубочайший страх, приходящий как бы ниоткуда, а на самом деле - из опустошенного идеал-я, которое уже не с кем стало отождествлять; ибо идеал-я - это, по Фрейду, спроецированный вовнутрь образ Отца.

Конечно, не только о царе-батюшке пустовала народная душа, но и об Отце Небесном, тогда же низвергнутом общей братской волей. Отцеубийство социальное - лишь символ религиозного. И тогда срочно потребовался осиротевшим братьям-убийцам Старший Брат, который заменил бы Отца и заполнил бы место идеал-я, без которого ни личность, ни общество жить не в силах. Между равными братьями началась жесточайшая борьба за право считаться старшим. Так по старшинству и стали сменять друг друга «большие братья», попутно истребляя братьев-соперников, да и узы «братства», ставшие лишней обузой в отсутствие Отца. Само слово «братство» звучало лишним намеком на того, кого следовало забыть.

Именно чувство вины перед убитым Отцом заставляло столь яростно верить в нового отца, приносить возрастающие жертвы на алтарь его культа. Так называемый «культ личности» с точки зрения марксизма - всего лишь отступление от непреложных законов истории. С психоаналитической точки зрения, напротив, культ «старшего брата» неизбежен в обществах, прошедших через революционный опыт отцеубийства. Причем все это было высказано до того, как культ «старших братьев» широко распространился в коммунистической России, фашистской Италии, нацистской Германии.

2. ВОИНСТВУЮЩИЙ АТЕИЗМ И ЭДИПОВ КОМПЛЕКС

Философская основа всего марксистско-ленинского мировоззрения - материализм. Причем воинствующий, нетерпимый ко всяким формам идеализма. И соединенный с научным атеизмом - вплоть до того, что всякая религия объявляется некрофилией.

Как писал Ленин, возмущенный уступками Горького богостроительству, «всякий боженка есть труположество - будь это самый чистенький, идеальный, не искомый, а строяемый боженка, все равно...» [2] Любой внимательный психоаналитик обнаружит в таком воинствующем материализме, с пеной на губах и бешеными ругательствами в адрес «боженки», серьезную форму невроза.

Знаменательно, прежде всего, желание глумливо присюсюкнуть, объявив Бога *боженькой*, - из Отца превратить в *дитяtko*, устранить соперника в любовной борьбе за мать. Так ребенок пытается в своих фантазиях поменяться местами с отцом. Можно соотнести два ленинских новообразования, где уменьшительный суффикс «еньк» и увеличительный суффикс «ище» выступают как антонимы не только в грамматическом, но и мировоззренческом плане: с одной стороны, издевательское «*боженька*», с другой - грубовато-восхищенное «*человечище*». «Какой матерый человечище!» - этот известный отзыв Ленина о Л.Толстом, приведенный в очерке М. Горького «В. И. Ленин», часто цитируется как образец ленинского «активного» или «воинствующего» гуманизма. Добавление эпитета «матерый», образованного от корня «мать» и обозначающего высшую степень половой зрелости, также указывает на психоаналитический подтекст ленинского материализма. В соперничестве за мать сын воображает себя «матерым человечищей», а отца - бессильным «боженькой».

Если вдуматься, то вся эта навязчивая материалистическая идея, состоящая из сплошных заклинаний по поводу первичности материи, окажется типичным проявлением Эдипова комплекса, только возведенного в ранг «философского учения».

Фрейд использовал имя легендарного древнегреческого царя, неведомо для себя убившего собственного отца и женившегося на собственной матери, чтобы обозначить бессознательный комплекс, сопровождающий каждого человека с детства.

Материализм в паре с атеизмом и есть не что иное, как бессознательная проекция Эдипова комплекса: стремление сына отнять мать у Отца, умертвив последнего или объявив его мертвым, отчего любовь к такому отцу и есть «труположество». Собственно, в одной фразе Ленин демонстрирует сразу два способа расправы с Отцом - превратить его в дитя («боженька») и превратить его в труп. Таково притязание «матерого человечища», восставшего против Отца, чтобы самому завладеть матерью-природой.

Эдипов комплекс не ограничен только рамками семейных отношений, он может проявляться и в отношениях сына с природой, исполняющей роль матери. На эту возможность указывает Фрейд:

«Со все увеличивающейся ясностью проявляется стремление сына занять место бога-отца. С введением земледелия поднимается значение сына в патриархальной семье. Он позволяет себе дать новое выражение своему инцестуозному либидо, находящему свое символическое выражение в обработке матери-земли». [3]

Культ материи, или матерински-земного начала в противоположность Отцовско-небесному - это по сути, даже не философия, а мифология, в которой подсознательные желания выходят наружу и сбываются в формах коллективных фантазий. Но психоаналитическое истолкование материализма этим не ограничивается - оно объясняет и тот парадокс, который с позиции самого марксизма не объяснить. Почему последовательно материалистическое истолкование природы и истории привело к такому небывалому насилию человека над природой и историей? Вроде бы провозгласили первичность материи, а своим «плановым хозяйством» и «идейным подходом» так над ней надругались, что и материи-то живой не осталось - нечего есть, нечем дышать. Еще Андрей Белый в начале тридцатых годов заметил, что торжество материализма упразднило материю.

Объясняется это в психоанализе именно логикой Эдипова комплекса: ведь сын убивает отца вовсе не для того, чтобы теоретически возвестить свое однополое происхождение от матери - а для того, чтобы сексуально овладеть ею. Так и материализм-атеизм устраняет Бога из Вселенной вовсе не ради торжества материи - а ради торжества над нею. Сын становится хозяином и супругом. Умыкнуть мать-природу у отца, чтобы самому вторгаться в породившее его лоно, - таков кровосмесительный смысл всей материалистической цивилизации.

Ну, а какие плоды бывают от соединения сына с матерью, ведает медицина. Среди бесчисленных патологий в этой клинике материалистической цивилизации можно отметить: **патоэкономку, патосоциологию, патопедагогику, патоэстетику, патолингвистику.** Насилие над родной природой и опустошение железной кувалдой ее нежных живородящих недр... Бесперывные выкидыши, торопливо вытянутые из природы и загубленные на корню плоды урожая, недоношенность и разорение богатых подземных залежей: все это, исковерканное и мерворожденное, смердит в лоне земли, пачкает и уродует ее, а не живет собственной жизнью. Насилие над собственным народом, механическое расслоение его на классы и натравление одних классов на другие. Опустошение памяти об Отце, о плодovitой и миротворящей любви Духа и земли, отлившейся в самом понятии «крестьянства», соединение христианской веры с трудом на земле. Насилие над искусством, где вместо тайны зачатия и обременения духа, вместо живорожденных образов вводится искусственное осеменение будущих Гомункулусов отвлеченно-правильными идеями соцреализма... Насилие над языком, извлечение его из материнской стихии корней, погруженных в лоно Отческого Первослова, и превращение в инструмент, в штык атакующего класса: слова, не

выращенные из корней, а механически составленные из обрубков-частиц: «комсомол», «колхоз», «партком»... Таковы последствия этого эпохального и всеобъемлющего инцеста.

И пожалуй, единственно крепким и основательным памятником этой эпохи воинствующего материализма останутся подземные дворцы Метрополитена - нашего **Матрополя**, города Матери, как хочется его назвать. Именно в середине 30-х годов, когда особого размаха достигла атеистическая кампания и по всей стране рушились храмы, воздвигнутые Отцу небесному, - тогда же вместо них, как откровение победившего материализма, сверху вниз воздвиглись новые храмы, Земле посвященные и сооружаемые из лучших подземных пород в лоне самой Земли. Ничего подобного нет в западных странах, где метро - всего лишь удобное средство передвижения. Наши подземные дворцы создавались не ради одной лишь транспортной пользы, но и ради красоты трансцендентной, именно как святилища (или капища) новой веры, со своими иконами, фресками и надписями, изображающими священные лица и события советской истории. Величавые вожди, окруженные благоговейными массами; суровые мужчины и женщины, рабочие и крестьяне, с оружием в руках готовые отстаивать завоевания революции; представители всех наций, пирующие за одним столом, украшенным грузинским вином, молдавскими яблоками, украинскими черешнями и прочими плодами братской дружбы и грядущего изобилия - таковы иконы и фрески этой новой материалистической веры, освящающие лоно самой земли.

Разрушение Отцовских храмов и созидание Материнских был, по сути, один процесс, хотя бы потому, что камни и плиты, изымаемые из церквей, пускались на строительство перевернутых церквей нижнего мира. В частности, станция «Площадь Революции», первенец Матрополя, в значительной части составила из камней разрушенного Данилова монастыря, первенца возрождаемого российского Отчеграда.

3. ИДЕОЛОГИЯ ПОДЗЕМЕЛЬЯ. МАТЕРНЫЕ КОРНИ МАТЕРИАЛИЗМА

В своей книге «Поэзия рабочего удара» (1918) пролетарский поэт и мыслитель А.К.Гастев уже пророчески указывал на этот новый поворот цивилизации – от занебесья к подземелью:

«Мы не будем рваться в эти жалкие выси, которые зовутся небом. Небо - создание праздных, лежачих, ленивых и робких людей. Ринемся вниз!

...На многие годы уйдем от неба, от солнца, мерцания звезд, сольемся с землей: она в нас, и мы в ней.

Мы войдем в землю тысячами, мы войдем туда миллионами, мы войдем океаном людей! Но оттуда не выйдем, не выйдем уже никогда... Мы погибнем, мы схороним себя в ненасытном беге и трудовом ударе.

Землю рожденные, мы в нее возвратимся, как сказано древним; но земля преобразится... ..Когда, в исступлении трудового порыва, земля не

выдержит и разорвет стальную броню, она родит новых существ, имя которым уже не будет человек».

Такова эта неистовая эротика труда - обратного вторжения человека в родившее его лоно матери. [4] Человек не хочет больше зависеть от отца, пресмыкаться перед небом - он исполнен страсти к своей матери и решается овладеть ею, влить в нее «исступление трудового порыва», чтобы она зачала новых, сверхчеловеческих существ. «Землю рожденные, мы в нее возвратимся» - это и есть формула Эдипова желания. И вся лексика гастевского отрывка, хотя и посвященного труду, исполнена явных эротических метафор, напоминающих экспрессию совокупления у таких откровенных авторов, как Дейвид Лоренс или Генри Миллер: «зароемся в глуби, прорежем их..., обнажим подземные пропасти... в ненасытном беге и трудовом ударе... она будет полна несмолкаемой бури... в исступлении порыва». Материализм, с его отвращением к небу и неистой любовью к земле, являет здесь свою инцестуальную изнанку.

Материализм, если рассматривать его как своеобразную мифологию, самозачинается на почве любой национальной культуры, из ее самых древних языческих слоев. Так ли уж извне была навязана российскому обществу материалистическая идея?

От немецких ли химиков и физиологов, вульгарных материалистов Фогта, Бюхнера и Молешотта пришла к нам через Чернышевского и Писарева?

От немецких ли мессий-двойников, капитальнейших основателей диалектического материализма, пришла к нам через Плеханова и Ленина? Или корни ее ближе, в той неистой ругани, с какой наш родной вождь и учитель посылал чуть ли не к матери их родной всех немецких профессоров? Не восходит ли вся эта грандиозная материалистическая идея, столь на ура принятая низами российского общества, к любимому выражению этих низов, к почти автоматической брани, срывающейся по поводу и без повода, как обыденное состояние души.

А заключено в этом праязыческом проклятии сильное пожелание и задушевный совет, чтобы сын поскорее вернулся мужчиной в материнское лоно.

«Мат», или «посылание по матери», имеет в русском языке тот же корень, что и «материя», а «материть», как переходный глагол, соответствует непереходному «матереть». Все эти значения туго завязаны в языке не случайно, они приходят из одного комплекса кровосмешительства, хотя с ростом цивилизации эти значения и расходятся по разным уровням, от непристойного до наукообразного. Но связь их можно порой проследить в каламбурах, выражающих «отношения остроумия к бессознательному» (если воспользоваться названием работы Фрейда).

В конце 1920-х - начале 1930-х годов среди ироничной советской научной элиты имел хождение каламбур: партийное начальство обожает **диалектический материализм**, тогда как массы предпочитают **матерный диалект**. Если вдуматься, эта шутка имеет в виду не противопоставление

материализма и матерщины, а их неожиданное сближение. Партия и народ едины в своем обращении с категорией материи-материнства, и верить в первичность материи - это на философском языке означает то же самое, что в просторечии низов - послать в материнское лоно.

Общественные низы, особенно блатные и преступные элементы - это, в известном смысле, отложения древнейших формаций, память о предыстории, первый и низший слой ее, наименее затронутый цивилизацией. Не отсюда такая странная, хотя и голословная привязанность уголовников, потерявших все приобретенное человечеством, к своим матерям, их единственно внятный девиз «не забуду мать родную!», вместе с их же излюбленным кровосмесительным пожеланием «...мать твою!»? Не есть ли весь советский материализм - всего лишь наукообразное облачение мата, как первейшей инцестуальной потребности первобытной души? И тогда материализм вполне явит свою сущность как **философская матерщина**, которая столь же благоговеет перед материей, как сын, употребляющий свою мать.

Удивительно ли, что материализмом клялась и присягала ему самая уголовная партия на свете: это и была в ее устах не просто матерщина, но матерный посыл к действию. Уж как было материи не разнежиться под своими сноровистыми отпрысками!

Или, растерзанной, скорчиться от горя и дух испустить?

4. МАТЕРЕПОКЛОННИКИ И КРОВОСМЕСИТЕЛИ: ЛЕНИН, ГОРЬКИЙ, МИЧУРИН И ДРУГИЕ

Марксизм учит, что грядущее коммунистическое общество возродит на высшем техническом уровне бесклассовый строй первобытного коммунизма. Если всерьез отнестись к этой авангардно-реакционной идее, то не следует ли ожидать, что и древняя кровосмесительная практика, запрещенная в цивилизованных обществах, также должна возродиться на новом коммунистическом витке, по крайней мере как идеология прямого брака между матерью-природой и ее человеческим потомством?

Как известно, цивилизация, придя на смену дикости, налагает запрет на кровосмесительные браки, потому что они ведут к вырождению потомства. Кажется, СССР - первый пример цивилизации, построенной на духовном кровосмесительстве: сын замещает Отца в лоне матери-земли. Этим исключением советская цивилизация подтвердила правило, быстро впав в состояние дикости и социально-биологического вырождения.

Кстати, не случайно Библией этого нового кровосмесительного мира стал роман Горького «Мать». И тем более не случайно, что героем этого романа стал сын, который повел мать за собой. Злобный отец-самодур, выведенный на первых страницах, быстро умирает от запоя, - так автор рассчитывается с верой в Отца, этим «опиумом народа», чтобы освободить рядом с матерью место для сына.

Вот они остаются - двое, и что это, как не сыновняя смелая попытка овладеть и материнская робкая готовность отдаться: «Она слушала его со страхом и жадно. Глаза сына горели красиво и светло... - Какие радости ты знала? - спрашивал он. - Чем ты можешь помянуть прожитое? ... Ей было сладко видеть, что его голубые глаза, всегда серьезные и строгие, теперь горели так мягко и ласково... Он взял её руку и крепко стиснул в своих. Её потрясло слово «мать», сказанное им с горячей силой, и это пожатие руки, новое и странное ... И, обняв его крепкое, стройное тело ласкающим теплым взглядом, заговорила торопливо и тихо...» [5]

Не правда ли, «тургеневская» вышла сценка, с этим «странным пожатием» и «горячей силой», с «он» и «она» и разгорающейся между ними трудной страстью, - только гораздо грубее, чем у Тургенева, а главное, «он» и «она» - сын и мать. «Это великолепно - мать и сын рядом...!» - заучивали мы со школьных лет, не чувствуя горькой подоплеки этих волнующих слов. И писали сочинения о том, как мысли и дела сына переполняют мать, как под влиянием Павла распрямляется ее душа и молодеет тело.

Впоследствии Горький приоткрыл секрет своего мировоззрения - как это часто бывает с эротически опасными, «вытесненными» темами, в виде отсылки к другому писателю, Михаилу Пришвину, в сочинениях которого он находит и горячо одобряет дух всеобъемлющего инцеста с матерью-природой.

«...Это ощущение земли, как своей плоти, удивительно внятно звучит для меня в книгах Ваших, муж и сын великой матери.

Я договорился до кровосмешения? Но ведь это так: рожденный землею человек оплодотворяет ее своим трудом...» [6]

Здесь ясно высказано то, что подсознательно заключено в образе Павла Власова - «мужа и сына великой матери» - и придает этому образу архетипическую глубину. Горький осознает, что «договорился до кровосмешения», но поскольку это уже архетип целой новой цивилизации, постыдность признания исчезает, наоборот, заменяется гордостью за человека, сумевшего героически оплодотворить собственную мать. И труд при этом мыслится не как послушание Отцу, не как проклятие, возложенное Им на сына за первородный грех, но именно как пронзительная радость совоплощения с Матерью-Природой.

Не случайно и то, что «Мать», эта «очень нужная», по словам Ленина, книга писалась сразу после поражения первой русской революции, в 1906 - 1907 гг. - почти одновременно с сочинением самого вождя «Материализм и эмпириокритицизм» (1908), где научно доказывалось то же, что художественно в «Матери»: что материя от Отцовского начала совершенно независима, и что ее ждет несравненно лучшая участь в союзе с сынами-революционерами - преобразователями земли и неба.

Любопытно проследить, как философские убеждения Ленина сплетаются с его эротическими пристрастиями в сфере ярко двуполого, любвеобильного русского языка. Понятия мужеского рода: «Бог», «дух», «знак», «символ»,

«иероглиф» - отвергаются и осмеиваются, объявляются мнимыми или в лучшем случае вторичными, тогда как положительные философские упования неизменно облачаются в слова женского рода: «материя», «реальность», «истина», «данность», «природа».

Причем, для Ленина природа, конечно, не просто жена или невеста, сужденная человеку, а именно мать, дающая ему жизнь. Этому посвящена целая полемическая глава «Существовала ли природа до человека?», где матерепоклонник обрушивается на тех эмпириомонистов, кто отстаивал простые супружеские отношения «центрального члена», т.е. человеческого субъекта, с окружающей его действительностью. Они исходили из понятия «принципиальной координации», предполагающей соотносимость человека и чувственно воспринимаемой им среды, взаимоопределяемость их свойств, тогда как Ленин настаивал, что человек порождается этой средой, а затем уже вступает в отношения с нею.

Весь ленинизм есть увлеченность заветно-запретным лоном, вплоть до знаменитой формулы философского сладострастия:

«Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его», [7] где каждое слово шуршит грамматической юбкой. В этом определении материи все слова - женского рода, кроме самого «человека», как «центрального члена». Человек лишенный Отца, остается наедине с женственной материей, которая «отдается» ему в его ощущениях...

Так, в суровые годы «реакции», т.е. поражения сынов от батюшки-царя мстительно закладывалась Эдипова философия будущего кровосмешительства.

А дальнейшее развитие этого комплекса можно найти хотя бы в знаменитых словах перевоспитателя растений, агронома И. В. Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее - наша задача». [8] Я вспоминаю, с каким упоением школьные учителя твердили нам эту заповедь воинствующего материализма, достигая какого-то речевого оргазма на решительном, сладостном слове «взять». Взять у матери-природы те милости, которая сама она вовсе не расположена нам оказывать...

Будем же благодарны Фрейдю хотя бы за то, что он позволяет нам поновому перечитать наши школьные тетрадки и студенческие конспекты: с навсегда решенным основным вопросом философии, а также с положительными чертами героя-коммуниста, гордого преобразователя природы.

Там, где мерещился нам пламенный Прометей, скорее всего обнаружится слепой Эдип.

Примечания

1. З. Фрейд, «Тотем и табу», в его кн.»Я» и «Оно». Труды разных лет. Тбилиси, «Мерани», 1991, кн.1, с.344.
2. Письмо Ленина Горькому 13-го или 14-го ноября 1913 г. В кн. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. О религии. М., Политиздат, 1983, с. 242.
3. З. Фрейд, Тотем и табу, цит. изд., кн. 1, с.341.
4. Подробнее о связи труда и эроса в советской цивилизации см. мою статью «Блуд труда», «Синтаксис» (Париж), 1989, #25, сс.45-58.
5. М.Горький, «Мать», часть 1, гл.4.
6. Статья М.Горького «О М.М.Пришвине», написанная в форме обращения к нему. Цит. по кн. Пришвин М. Женьшень. М., 1937, с.650.
7. Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм», гл.2, 4. Сочинения, изд.4, М., ГИПЛ, 1952, т.14, с.117.
8. И. Мичурин. Предисловие к 3-му изданию книги «Итоги шестидесятилетних работ по выведению новых сортов плодовых растений», 1934.